

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Сборник научных трудов

**Краснодар
2024**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Краснодар
2024

УДК 80
ББК 80
Ф 545

Редколлегия:

Н. Н. Оломская, д-р филол. наук, профессор, Т. Ф. Лимарева,
канд. филол. наук, доцент, О. В. Спачиль, канд. филол. наук, доцент

Ф 545 Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов / под редакцией А. В. Зиньковской, В. В. Катерминой, С. Х. Липириди, А. М. Прима, А. В. Самойловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – 177 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2470-5

В сборнике представлены статьи по актуальным лингвистическим направлениям (когнитивной лингвистике, лингвострановедению, анализу функционирования языка в разных типах дискурса), а также по смежным с языкознанием гуманитарным дисциплинам, без которых немислима коммуникативная деятельность. Междисциплинарный подход, характеризующий единство гуманитарной области – лингвистики, методики преподавания иностранных языков, кросс-культурной коммуникации, – подчеркивает тенденцию, способствующую целостному анализу изучаемых языковых и лингвокультурных явлений.

Адресуется филологам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам, студентам, а также всем, кто исследует процессы общения и технологии обучения иностранным языкам в поликультурной среде, стремится к поиску средств обеспечения продуктивного межкультурного диалога.

УДК 80
ББК 80

ISBN 978-5-8209-2470-5

© Кубанский государственный университет, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник составили статьи, посвященные актуальным вопросам лингвистических исследований. Тематика сборника отражает результаты применения междисциплинарного подхода в современной лингвистике, выводящего изучение языка за границы академической рефлексии и позволяющего раскрыть дискурсивную сущность функционирования языка в повседневной реальности межкультурной коммуникации. В статьях сборника затрагивается взаимодействие лингвистики со смежными областями научного знания, такими, как педагогика, коммуникативистика, философия, культурология, литературоведение. Данная многоаспектность представлена в статьях сборника, освещающих результаты осмысления и развития теоретических и практических идей авторов. При этом к наиболее актуальным направлениям в изучении языка относятся анализ языковых новаций в области финансов, цифрового пространства, изучение воздействия интернет-культуры на языковое сознание, гендерная проблематика, а также анализ функционирования языка в рамках различных видов дискурса: социального, политического, педагогического, песенного, урбанистического и интернет-дискурса.

Изучение иностранного языка неразрывно связано с такой прикладной наукой, как методика преподавания – исследователями были рассмотрены такие актуальные темы, как инклюзивное образование, внедрение инновационных методов, в частности, онлайн курсов для повышения квалификации педагогов с целью достижения максимально эффективных результатов обучения.

При определении направлений научных интересов авторов необходимо упомянуть научные статьи, посвященные творчеству А.П. Чехова, Э.М. Ремарка, Л. Слимани, М. Этвуд. При анализе творчества знаковых фигур отечественной и зарубежной литературы исследователи проявили широту восприятия литературного процесса, применив ряд подходов от исторического до лингвостилистического литературоведения.

В качестве содержательной перспективы видится дальнейшая работа по указанным научно-исследовательским направлениям, что будет способствовать повышению научного потенциала вуза и стимулированию интереса к науке у обучающихся.

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. Андреас

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются новые лексические единицы в академическом дискурсе, содержащие в себе аксиологический аспект. Изучаются следующие термины: неологизм, аксиология, также анализируется их связь друг с другом. Приведённые в пример неологизмы отражают духовность и эмотивность, а также показывают их междисциплинарную связь со сферой образования. В заключение формируется вывод о развитии и распространении академических знаний и ценностей, что приводит к взаимному обогащению культур и научных дисциплин.

Ключевые слова: неологизм, аксиология, академический дискурс, культура, система ценностей.

В современном мире английский язык играет ключевую роль в развитии академического дискурса, становясь универсальным средством для научного общения и обмена знаниями. Эта тенденция активно сопровождается появлением новых слов и выражений, или неологизмов, которые отражают последние достижения в различных областях знаний и технологий.

Высказывание доктора филологических наук В.Г. Гака в конце 1970-х годов о том, что термин «неологизм» «не определен с должной четкостью» [1, с. 38], остается актуальным и по сей день, хотя количество исследований в области неологии увеличивается.

Термин «неологизм» изучается со второй половины XX века и был впервые был зарегистрирован во Франции в 1759 году и уже тогда означал «создание новых слов с целью обогащения языка» [4, с. 61]. Важность изучения новообразований в английском языке академического дискурса также обусловлена их ролью в межкультурной академической коммуникации. Неологизмы, будучи инструментом интеллектуальной интеграции, способствуют не только расширению профессионального словаря ученых, но и углублению понимания между представителями различных культур, что особенно важно в контексте глобализации научного знания и образования.

Аксиологический аспект в изучении английских неологизмов в академическом дискурсе находится в центре внимания исследователей, поскольку он позволяет определить ценностные ориентации и приоритеты, отражаемые в новообразованных словах. Аксиология – философское учение о природе ценностей, их месте в реальности, структуре ценностного мира, их

связи, обусловленности социальными и культурными факторами, структурой личности [2].

«Аксиологическая лингвистика – одно из наиболее перспективных направлений лингвокультурологии, изучающее проблемы отражения ценностей и антиценностей в языке» [3, с. 48]. Изучение аксиологического аспекта английских неологизмов предполагает анализ их соответствия и влияния на систему ценностей, принятую в ученом сообществе. Это позволяет оценить, насколько новые термины способствуют расширению горизонтов научного познания и какие именно социальные, культурные или этические ценности они продвигают.

С другой стороны, появление и распространение некоторых неологизмов может выражать и критическое отношение к существующим научным практикам или исследовательским направлениям, ставя под вопрос их ценность или приоритет. Так, неологизмы, связанные с проблематикой цифровизации науки, могут нести в себе как позитивную оценку потенциала цифровых технологий, так и скептическое отношение к возможному сокращению межличностного научного взаимодействия.

Изучение аксиологии английских неологизмов в академическом дискурсе открывает перед учеными возможности не только для понимания непосредственных значений новых слов, но и для анализа их глубинных культурных, этических и социальных измерений. Это позволяет не только следить за эволюцией научного языка, но и оценку изменений в ценностной системе академического сообщества, вызванных научными открытиями и общественными трансформациями. Процесс формирования отечественной философии образования только начинается, в ней выделяются следующие направления: школа диалога культур В.С. Библера; деятельностный подход к познанию, начало развития, которому было положено Г.П. Щедровицким; конструктивные идеи Г.С. Батищева; концепция поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина; идеи развивающего обучения В. В. Давыдова, Л.В. Занкова; проблемное обучение И.Я. Лернера; школа культурной политики П.Г. Щедровицкого [2].

Английский язык, будучи динамичным и адаптируемым, постоянно обогащается новыми словами и понятиями, особенно в академической сфере, где инновации и развитие идей на первом месте. Неологизмы в академическом дискурсе отражают как прогресс в различных областях науки, так и изменения в общественных настроениях и ценностях, что особенно ценно для аксиологического анализа.

Один из таких примеров – термин «digital native», обозначающий лиц, рожденных и выросших в эпоху цифровых технологий, для которых интернет и мобильные устройства являются неотъемлемой частью жизни. Этот неологизм подчеркивает сдвиг в образовательных подходах и необходимость адаптации академического содержания к новому поколению.

Другой термин, «eco-anxiety», отражает растущую обеспокоенность людей по поводу климатического кризиса и влияния человечества на

окружающую среду. В академическом контексте это понятие активно обсуждается в исследованиях, посвященных психологии и экологии, подчеркивая важность междисциплинарного подхода к решению глобальных проблем.

Термин «infodemic» (информационная пандемия) появился на фоне COVID-19 для описания перенасыщения информацией, особенно недостоверной, что усложняет доступ к верифицированным данным. В академических кругах это высветило необходимость развития критического мышления и навыков оценки информации у студентов.

«Edutainment», сочетающий образование и развлечение, отражает стремление сделать процесс обучения более увлекательным и доступным. Этот прием используется в академических программах для привлечения внимания студентов и повышения их мотивации.

Каждый из этих неологизмов не только расширяет академический лексикон, но и играет важную роль в анализе изменений ценностей и приоритетов в образовании и обществе в целом.

В академическом дискурсе, особенно в рамках английского языка, наблюдается тесная взаимосвязь между формированием неологизмов и аксиологическими ценностями. Эти ценности, отражая отношение общества к новым явлениям, технологиям, идеям и процессам, напрямую влияют на внедрение и закрепление новых терминов в академическом дискурсе. При разграничении понятий оценки и ценности, важно учитывать, что ценность определяется представлением о важном для конкретной социальной группы, что в дальнейшем определяет одобряемое поведение человека [5].

Аксиологический аспект изучения языка включает в себя изучение того, как именно ценности и идеалы сообщества или культуры проявляются через новую терминологию, что способствует глубокому пониманию не только языковых процессов, но и динамики социальных изменений.

В заключение можно утверждать, что английские неологизмы играют значительную роль в развитии академического дискурса, отражая и в то же время формируя новые концепции и подходы в различных областях знания. Их аксиологический аспект проявляется в способности аккумулировать и передавать ценностные ориентиры современной научной и образовательной среды, а также в их потенциале содействовать межкультурному и междисциплинарному общению.

Аксиологическое измерение английских неологизмов в академическом дискурсе заключается в их способности выражать и распространять ключевые ценности и идеалы современной науки – открытость, стремление к инновациям, уважение к мультикультурности и междисциплинарное сотрудничество. В контексте глобализации и интенсификации научного обмена этот аспект приобретает особое значение, поскольку способствует более глубокому пониманию и признанию культурного и научного разнообразия.

Таким образом, английские неологизмы в академическом дискурсе несут в себе не только функциональную, но и аксиологическую нагрузку,

способствуя развитию и распространению академических знаний и ценностей. Они становятся мостами между культурами и научными дисциплинами, что делает их незаменимыми инструментами в современной академической коммуникации.

Список литературы

1. Гак В.Г. О современной французской идеологии // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 38.
2. Жуйкова Т.П. Идеи ценностей, их развитие в общей аксиологии / Т. П. Жуйкова. // Молодой ученый. 2014. № 21 (80). С. 632–634.
3. Катермина В.В., Липуриди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: КубГУ, 2021. 230 с.
4. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. С. 61.
5. Синяк Д.А. Аксиологическая национальная система сквозь призму фразеологических единиц // Вестник науки. 2023. №9 (66). Том 4. С. 286–293.

ENGLISH NEOLOGISMS OF ACADEMIC DISCOURSE: AXIOLOGICAL ASPECT

E.A. Andreas

Kuban State University, Krasnodar

This article examines new lexical units in academic discourse that contain an axiological aspect. The following terms are studied: neologism, axiology, and their relationship with each other is also analyzed. The neologisms given as examples reflect spirituality and emotiveness and also show their connection between disciplines with the field of education. The conclusion is drawn about the development and dissemination of academic knowledge and values which leads to the mutual enrichment of cultures and scientific disciplines.

Key words: neologism, axiology, academic discourse, culture, value system.

УДК 81'373.43:008

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ НЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Д.Е. Володина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В настоящей статье проводится анализ английских неологизмов, выступающих в качестве культурных знаков и отражающих лингвокультурное пространство как компонент урбанистического дискурса. В работе также представлена тематическая классификация новой урбанистической лексики.

Английские урбанистические неологизмы рассматриваются как маркеры культуры, отражающие актуальные повестки и реалии и передающие современную картину мира.

Ключевые слова: английские неологизмы, урбанистика, город, городская культура, урбанистический дискурс, культура.

Человеческий язык зарождается, развивается и существует в качестве социального явления. Из-за того, что «язык используется определенным социумом, он находится в тесной зависимости от условий существования этого социума, уровня его развития, а также мировоззрения людей, говорящих на нем, то есть от социокультурной среды» [7, с. 8].

В настоящее время проблема взаимосвязи языка и культуры приобретает все большую актуальность. Известно, что развитие языка происходит благодаря его непрерывному обогащению, т. е. обновлению словарного запаса, и совершенствованию. Общество всегда находится в поиске языковых единиц для обозначения новых реалий. Здесь следует отметить, что одним из основных инструментов развития языка является процесс возникновения неологизмов, вызванный изменениями, происходящими в окружающей нас действительности. Как правило, в системе любого языка наиболее выраженную тенденцию к постоянному изменению проявляет его лексический пласт. Обновление словарного запаса может осуществляться различными способами, однако «самым динамичным путем пополнения лексики языка» принято считать «образование новых слов» [1, с. 17].

В современной неологии перспективным является лингвокультурологический подход, с точки зрения которого неологизмы исследуются как единицы с культурно-значимой информацией. Данный подход заключается в том, что неологизмы представляют собой единицы языка, которые являются результатом деятельности человека и обладают культурной значимостью. Необходимость разработки данного подхода продиктована и тем фактом, что неологизмы создаются под влиянием «не только лингвистических, но и культурологических факторов» [7, с. 9-10]. Национальная и культурная маркированность присутствующих в языке инноваций выявляется посредством анализа системы значений новых слов и их объединений в лексико-семантические парадигмы. Взаимодействие языка и культуры проявляется и в том, как в разных языках новые лексические единицы распределяются по разным понятийным сферам. Доминирование той или иной сферы, характеризующейся активными процессами неологизации, иллюстрирует тот факт, что порождение новых смыслов и номинация новых реалий происходят «с учетом ценностных установок языкового коллектива и являются следствием взаимодействия языковой и культурной картин мира» [7, с. 14].

Следует отметить, что неологизм благодаря своей способности не только отражать, но и «впитывать» культуру носителей языка, к которому он принадлежит, в течение последних десятилетий стал «мощным лингвистическим и социальным медиатором, служащим обогащению как

самого языка, так и социальной среды в целом» [2, с. 139]. Кроме того, неологизмы «репрезентируют новый культурный опыт и характеризуют динамику развития языковой системы» [3, с. 86].

Итак, ранее мы упомянули о том, что новая лексика отражает изменения, происходящие в разных сферах нашей жизни – культурной, социальной, духовной, политической, экономической и т. д., что, в свою очередь, входит в понятие культурологического пространства. Вслед за исследователем Г.В. Комаровым, под культурологическим пространством мы понимаем совокупность культурно-исторических и социально-экономических условий существования языка как средства коммуникации отдельного языкового общества.

Существование культурологического пространства, как правило, невозможно без пространства лингвистического. Языковое пространство представляет собой «комплекс явлений, факторов и параметров, обуславливающих специфику и сущностные характеристики того или иного языка как системного образования, функционирующего в речи в реальных условиях культурологического пространства» [4, с. 4]. Что касается урбанистического дискурса, то в настоящей статье он рассматривается как система взаимосвязанных характеристик неологизмов англоязычного дискурса в плане их реализации когнитивных и прагматических свойств. Как утверждают современные исследователи С.Н. Оводова и А.Ю. Жигунов, возникновение «дискурса города» представляет собой так называемую «консолидацию» ряда дискурсивных пространств, «скрепленных содержательными характеристиками мегаконцепта «город»» [6, с. 99]. В большей степени данные характеристики опираются на «дифференциальное представление субъектов дискурса о благоустройстве города» [6, с. 99]. Следует также подчеркнуть, что интеграция знаний в областях лингвистики и философии, «будучи использованной в теории градостроительства, дает возможность создания более комфортной и «человечной» городской среды» [5, с. 921].

Итак, исследуемые нами англоязычные неологизмы, входящие в состав урбанистического дискурса как лингвокультурного пространства, показывают изменения, вызванные сменой парадигмы и помещением человека в центр языка и культуры. С помощью данной лексики возможно прогнозировать разного рода социальные, культурные и технологические изменения.

Кроме того, неологические единицы в английском урбанистическом дискурсе обладают склонностью выходить за пределы границ своих обычных употреблений, что связано с их когнитивно-прагматическим и аксиологическим потенциалом. Неологизмы англоязычного урбанистического дискурса – это единицы, рассмотрение и анализ которых необходимы для создания многогранной лингвистической модели современной картины мира.

Цель исследования – во-первых, проанализировать новые английские неологизмы, номинирующие основные процессы и явления, связанные с урбанистическим контекстом, во-вторых – доказать, что данные лексические единицы являются неотъемлемой частью лингвокультурного пространства.

Материалом исследования послужили примеры неологизмов, извлеченные методом сплошной выборки из онлайн-словарей (Cambridge Dictionaries Online Blog, Urban Dictionary, Wordspy), фиксирующих новую урбанистическую лексику за период 2017-2023 годов, и статьей интернет-сайтов.

Нами была представлена следующая тематическая классификация неологизмов из области урбанистики:

- наименования разных городских объектов;
- наименования элементов архитектуры, дизайна и интерьера.

Итак, рассмотрим лексические единицы, передающие специфику городских объектов. Отметим, что эти лексемы также могут быть связаны не только с новыми архитектурными проектами, но и с концепциями, направленными на улучшение качества жизни в городе и создание более комфортной и благоприятной для проживания среды. Данные идеи отражают следующие новые лексические единицы:

– *nap bar* – “*a place where you can pay money to sleep for a short time during the day*” (место для сна или отдыха – место, в котором вы сможете ненадолго отдохнуть или поспать в течение дня, заплатив за это определенную сумму денег) (здесь и далее – перевод наш): “*Last year a survey ... revealed that Londoners are more sleep deprived than the rest of the UK. Now someone has gone and launched a nap bar where overworked, overtired city dwellers can get some much needed shut-eye*”;

– *sleep pod* – “*space, often a small room with a comfortable chair or small bed, where you can sleep for a short time during the day*” (капсула для сна – пространство, часто представляющее собой небольшую комнату с удобным креслом или маленькой кроватью. Как правило, в таком месте вы можете поспать в течение непродолжительного времени): “*Upstairs on floor two are seven sleep pods stocked with amenities to lull you into the most restful nap you’ve ever had in New York City. The private rooms have ceilings with twinkling stars, soundproof curtains, live plants, essential oil diffusers, reading lights, noise-canceling headphones, and more ...*”.

Предусмотрено и наличие таких городских объектов, предназначенных для людей с низким уровнем дохода или статусом, как, например, “*community fridge*” – “*a fridge, located in a public space, that is filled with donated food so that people who cannot afford to buy food can take what they need*”.

Немаловажным является тот факт, что в последнее время свою актуальность не утрачивает концепция “*eco-friendly*”, направленная на создание экологических материалов и строений, не причиняющих вред окружающей среде. В связи с этим весьма популярной становится идея создания так называемых “*forest cities*” – cities “*with a very large number of plants and trees that absorb substances causing pollution and create a healthy atmosphere*” (городов с очень большим количеством растений и деревьев, поглощающих вещества, являющиеся источником загрязнения окружающей среды, и тем самым создающих здоровую и благоприятную для жизни атмосферу).

Концепция “*eco-friendly*” служит своеобразным толчком для создания городского фасада с большим количеством «зеленых участков» (деревьев и растений), что обеспечит благоприятную и здоровую для жизни атмосферу.

Одними из основных оставляющих фасада такого города могут быть следующие строения:

– *plyscrapers* – “*a tall building constructed mostly of wood*” (небоскреб, построенный в основном из дерева): “*The development of engineered timber could herald a new era of eco-friendly “plyscrapers”. Christchurch welcomed its first multistorey timber structure this year, there are plans for Vancouver, and the talk is China could follow*” [<http://www.urbandictionary.com>];

– *treescraper* – “*a tall building that resembles a tree or has tree-like characteristics*” (высокое здание, напоминающее дерево или имеющее сходство с ним).

Перейдем к анализу наименований элементов архитектуры, дизайна и интерьера. Относящиеся к данной категории лексические единицы передают уникальность и аутентичность некоторых городских объектов. Кроме того, данные лексемы могут ссылаться и на новые проекты и концепции из области архитектуры, основной целью которых является создание среды, безопасной и благоприятной не только для жизни, но и для передвижения по городу, что отражено в следующих неологизмах:

– *quietway* – “*a backstreet, cycle-dedicated road which cars are not allowed on*” («тихая» дорога – закоулочек, или выделенная для велосипедистов дорога, по которой запрещено движение автомобилей);

– *complete street* – “*a street designed to accommodate various forms of transportation, including cars, public transit, bicycles and pedestrians*” («полноценная улица» – улица, предназначенная для передвижения различных видов транспорта – автомобилей, общественного транспорта, велосипедов, а также – перемещения пешеходов);

– *woonerf* – “*a road in which drivers, pedestrians, cyclists, and local residents share the same space, and where measures designed to slow traffic have been implemented*” («вунерф» или «живая улица» – улица с дорогой, на которой водители, пешеходы, велосипедисты и местные жители передвигаются в одном пространстве. В пределах данного пространства, как правило, предпринимаются попытки регулирования дорожного движения, а также предусмотрены низкие ограничения скорости).

Таким образом, проведённый нами анализ урбанистических неологизмов позволил дать тематическую классификацию лексики, отражающей лингвокультурное пространство современного города. С уверенностью можем утверждать, что новые англоязычные лексемы являются культурными маркерами, поскольку они передают актуальные повестки и реалии, а также общественные запросы, тем самым являясь отражением современной картины мира.

Список литературы

1. *Абабий В.Н.* Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2019. 190 с.
2. *Катермина В.В.* Аксиологический потенциал англоязычных неологизмов в дискурсивных практиках: монография. Краснодар: КубГУ, 2023. 192 с.
3. *Катермина В.В., Липириди С.Х.* Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: КубГУ, 2021. 230 с.
4. *Комаров Г.В.* Национально-культурная специфика новой лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2007. 190 с.
5. *Корсун М.А.* Урбанистический дискурс в работах американских социологов XX века / М. А. Корсун, В. Я. Мачнев // XV Королевские чтения: междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Д. И. Козлова: сб. тр. 2019. Т. 2. С. 920-921.
6. *Оводова С.Н., Жигунов А.Ю.* «Город» в огне: анализ урбанистического дискурса методикой когнитивно-социологической (социокогнитивной) дифференциации / С. Н. Оводова, А. Ю. Жигунов // Гуманитарные исследования, 2020. № 2 (27). С. 97–101.
7. *Рец И.В.* Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неонминации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГУ, 2014. 26 с.
8. *Guilbert L.* La Creativite Lexacale. Paris: Larousse, 1975. 285 p.
9. *Crystal D.* An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages. Oxford: Oxford University Press, 1992. 435 p.
10. *Mumford L.* The Culture of Cities. New York: Hartcourt Brace and Co., 1938. 634 p.

Список источников

- Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://cambridge.org> (дата обращения: 10.06.2023).
- Urban Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 10.06.2023).
- Urban Systems [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://urbansystems.ca/> (дата обращения: 10.06.2023).
- Word Spy [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.wordspy.com>. (дата обращения: 10.06.2023).

ENGLISH NEOLOGISMS AS MARKERS OF MODERN URBAN CULTURE

D.E. Volodina

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of English neologisms acting as cultural signs and reflecting lingua-cultural space that is typical of the urban discourse. The article also provides an overview of a thematic classification of the new urban lexical units. English urban neologisms are considered as cultural characteristics, reflecting current agendas and realities, and conveying a modern overview.

Key words: English neologisms, urbanism, city, urban culture, urban discourse, culture.

УДК 81'42:004.738.5

НУЛЕВОЙ КОММЕНТАРИЙ: КАК ЗАРОЖДАЕТСЯ СЕТЕВОЙ КОНФЛИКТ

Б.Г. Вульфович

Кубанский государственный университет, Краснодар

Как известно, переход в Web 2.0 открыл новые возможности для пользователей с точки зрения интерактивности интернет-общения. На заре интернет-эпохи общение в Сети было преимущественно односторонним – пользователь мог получать информацию, но не мог реагировать на неё, следовательно, данные воспринимались им «де-факто». Сегодня ситуация иная: пользователи могут реагировать на полученную информацию практически любыми способами, которыми располагает Интернет: комментарии, смайлики, реакции и др. В данной статье рассматриваются предпосылки зарождения конфликта, т.е. те комментарии, которые провоцируют конфликт между двумя и более людьми. Цель данной статьи – установить лингвопрагматические способы, посредством которых созданы данные комментарии, и описать их с перспективой дальнейшего изучения.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-комментарий, конфликт, сетевой дискурс, сетевое пространство, Интернет, интернет-агрессия.

Интернет-коммуникация прочно вошла в повседневную жизнь мирового сообщества, поскольку в значительной степени подняла уровень общения в Интернете. Возможность диалога между пользователями доступна практически на любой платформе: даже на официальных версиях газет и журналов есть пространство для комментариев. Более того, при проведении каких-либо онлайн-трансляций достаточно часто открыт чат для обсуждения происходящего в эфире непосредственно во время него.

Коммуникация, происходящая в Интернете, носит название виртуальной, которая понимается Н.Г. Асмус как «общение в сети Интернет, при котором создаётся особая модель реальности, характеризующаяся эффектом присутствия человека в ней и позволяющая действовать с воображаемыми и реальными объектами. Виртуальная коммуникация представляет собой комбинацию различных дискурсов (политического, профессионального, сетевого, языкового, бытового и др.) и имеет много общего с массовой коммуникацией, не совпадая с ней полностью» [1, с. 12].

Ключевое понятие в данном определении – «модель реальности», поскольку человек в процессе интернет-коммуникации принимает на себя ту модель реальности, которая детерминируется различными факторами, начиная от предмета общения и его темы, и заканчивая социальными установками тех, кто принимает участие в общении.

Свойства интернет-коммуникации, перечисленные в работе Н.А. Ахреновой, способствуют не только ускорению общения, но и его раскрепощению, что открывает перед участниками общения возможность вести себя гораздо более вольготнее, чем они бы это делали в действительности. Среди данных черт общения в Интернете можно выделить: гипертекстуальность, интерактивность, виртуальность и анонимность. Все эти черты в совокупности, особенно анонимность, способствуют добавлению новых оттенков в интернет-коммуникацию [2].

Все данные аспекты интернет-общения способствуют увеличению самоуверенности пользователя в безнаказанности, и, как следствие, уменьшают значимость этикета общения.

Данные особенности являются ключевыми факторами, которые отличают общение в Интернете от повседневной коммуникации. Логично предположить, что лингвопрагматический аспект будет в значительно большей степени выражен здесь, что и подтверждает актуальность рассмотрения лингвопрагматического потенциала, скрытого или заложенного в интернет-текстах (в нашем случае – интернет-комментариях).

«В связи с повышением значимости интернет-коммуникации в жизни современного человека актуальными становятся исследования, посвящённые способам самовыражения личности в интернет-пространстве. Возникновение новых форм сетевого общения способствует жанровой дифференциации такого явления, как комментарий читателя (читательский комментарий)» [4, с. 42].

Как правило, комментарий обладает значительным лингвопрагматическим потенциалом, поскольку зачастую создается спонтанно под влиянием каких-либо эмоций: «...поскольку комментарии в большинстве случаев пишутся спонтанно и под влиянием какой-либо амбиции, они обладают определённым лингвопрагматическим потенциалом» [3, с. 85].

В рамках данного исследования нас интересуют комментарии, которые являются триггером к началу конфликта между пользователями. Это могут быть как умышленно созданные комментарии-провокаторы, так и просто желание человека агрессивно отстоять свою позицию. Однако интерес

возникает в аспекте создания первого – триггерного комментария, который за собой влечет цепочку других, при это сам первый комментатор, достигнув своей цели, может даже уйти из беседы, и конфликт продолжится и без него.

Отметим, что при изучении комментариев необходимо обязательно отталкиваться от контекста: «комментарий, содержащий информацию об определенном событии, не существует сам по себе, он зависит от исходного текста, и его анализ не может осуществляться в отрыве от первичного текста... комментарий реализует деривационный потенциал исходного текста... он продуцирован языковой личностью, поэтому в нем отражаются присущие ей языковые способности, которые составляют в совокупности её ментальный образ, воплощённый во вторичном тексте, то есть в комментарии» [5, с. 38].

Конфликт в нашей работе понимается как «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, взглядов двух или более людей» [6, с. 100].

В качестве практического материала мы рассмотрим массив триггерных комментариев из одного поста на канале «Типичный Краснодар» в мессенджере Краснодар, который недавно вызвал настолько большую волну обсуждения, что позволил нам выделить достаточно большое количество подобных комментариев. Необходимо отметить, что в данной работе мы не рассматриваем цель создания таких комментариев; акцент сделан на выявлении «нулевых» комментариев.

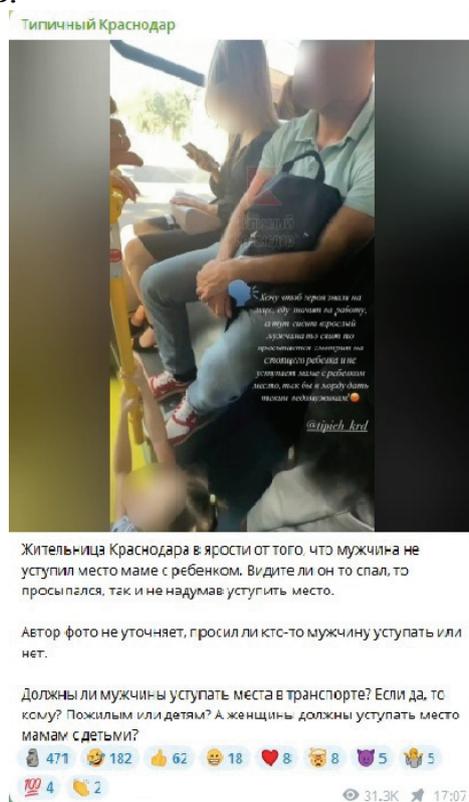

Рисунок 1. Пример 1.

Согласно приведённой информации, человек не уступил место в общественном транспорте маме с ребенком (хотя его об этом не просили), в результате чего автор поста упрекает человека в том, что он не встал и не

уступил ей место. На момент написания данной статьи пост насчитывает суммарно 760 реакций, 31300 просмотров и 614 комментариев, что говорит о его репрезентативности в рамках нашего исследования. Рассмотрим и разберем некоторые триггерные комментарии (комментарии приводятся в виде «как есть», т.е. авторская пунктуация и грамматика сохранены). Мы не будем приводить дальнейшее развитие диалога, однако количество комментариев, которое постоянно растёт, позволяет нам показать их актуальность и право называться «триггерными».

1. *«Маме в морду дать, можно ведь адекватно и спокойно попросить».*

Провокация в данном комментарии главным образом реализуется путем инверсии при использовании инфинитива глагола «дать». Лексема «маме» вынесена на первое место для того, что подчеркнуть, что это именно она, кому необходимо «дать». Само выражение «дать в морду» имеет ярко окрашенную негативную коннотацию, что, безусловно, не могло не стать причиной дальнейших ответов на этот комментарий, особенно от тех, кто с этим были не согласны. Несмотря на то, что продолжение комментария, выраженное безличным предложением, носит смягчающий характер, комбинация из инверсии, инфинитива и негативно окрашенной лексики не может предотвратить дальнейшего конфликта в комментариях.

2. *«Яжмамка во всей красе».*

Данный комментарий отличает использование лексемы с негативной коннотацией «яжмамка». Существуют и другие интерпретации данного выражения, например, «Яжемать». Данная лексема является актуальным сетевым триггером в глобальном смысле уже достаточно продолжительное время. Под ней подразумевается чаще всего недавно родившая женщина, которая ведёт себя таким образом, что её поведение заставляет всех быть чем-то обязанным. Вторая отличительная особенность данного комментария – противопоставление «во всей красе», поскольку красота, как правило, ассоциируется с чем-либо прекрасным, однако здесь происходит обратный эффект. Как и следовало ожидать, данный комментарий собрал достаточно большое количество защитников матерей и вызвал дальнейшие разговоры конфликтного характера.

3. *«Должны они были в СССР, сейчас платный проезд! А на платный проезд это правило не распространяется».*

Данный комментарий интересен тем, что на лингвистическом уровне он практически не выделяется – восклицательное предложение в совокупности с противительным союзом «а» не играют особой роли, но он попал в нашу выборку в силу своей концептуальной принадлежности, которая также в данном случае играет свою лингвопрагматическую роль. Дело в том, что в классическом понимании воспитанный человек знает, что он должен уступить в общественном транспорте определённым категориям лиц. Однако здесь появилось расхожее мнение, что, несомненно, приведёт к конфликту между людьми, воспитанными традиционно, и теми, кто уже считает иначе. При этом в данном комментарии стороны разделились во мнении примерно в

соотношении 50:50, что может свидетельствовать о глобальном сдвиге в традиционных подходах к воспитанию.

4. *«Нагуляла личинку и теперь ей все должны».*

Здесь мы сталкиваемся с неопределенно-личным предложением; по форме глагола и смыслу мы можем понять, что речь снова идет о женщине, которая выражала своё возмущение. Фраза «теперь ей все должны» является обобщающей, однако в это же время местоимение «все» косвенно затрагивает «всех» читателей данного комментария, что также может спровоцировать спор с теми, кто так не считает. Более того, лексема «личинка» является ярко окрашенной языковой единицей с отрицательной коннотацией, что в данном контексте является основным стимулом к дальнейшему конфликту.

5. *«Отвяжитесь от окружающих со своими требованиями и завышенными ожиданиями от них и жить станет легче! Никто вам ничего не должен! Хватит паразитировать на других. Если уступили – спасибо, нет – значит, нет. Ваш возраст, ваши болячки, ваши отродья – это ваши личные проблемы, не надо тыкать ими в нос другим и требовать особого отношения».*

Комментарий начинается с глагола в повелительном наклонении. Его усиливают восклицательные предложения, в которых автор предлагает концепцию, схожую с той, которая представлена в комментарии № 3. Однако средства языковой выразительности, используемые автором, обладают явно негативной стилистической окраской и служат для провокации дальнейшего конфликта: «паразитировать», «отродья», «проблемы», «тыкать» – все данные лексемы в той или иной степени являются триггерами для дальнейшего конфликта и способствуют возникновению негативного отношения к автору комментария.

6. *«Их просто зашугали в детстве, они не искренне это делают, а у нас проявляют характер и не хотят быть рабами баб Мы мужики слабые, рано умирающие и носящие ваших детей в яицах всю жизнь, а не 10 месяцев, поэтому проявите к нам уважение и почитание Женщина должна кланяться и вставать , когда мужчина появляется где-нибудь».*

Данный комментарий реализует триггеры несколько иным способом, поскольку реализует несколько другие стимулы. Важно отметить, что конкретно в данном комментарии есть стимулы как и для мужского пола, так и для женского, т.е. выполняется адресное воздействие на оба пола. Мужчины – «рабы, слабые», а женщины «должны кланяться и вставать». Модальность в отношении женского пола является сильно коннотативно окрашенным триггером, который, безусловно, получит соответствующий отклик со стороны женского пола. Можно предположить, что комментарий написан с небольшим оттенком иронии; в таком случае те, кто на него отреагируют всерьез, её не заметят.

Таким образом, мы рассмотрели основные характерные черты комментариев, которые предшествуют началу конфликта. Основные методы их создания можно свести к следующим.

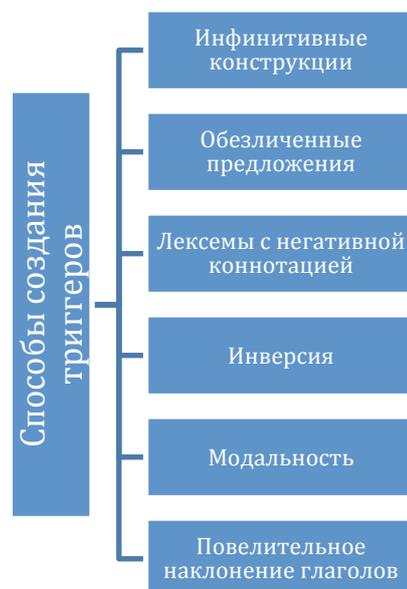

Рисунок 2. Способы создания триггерных комментариев.

Данные виды провоцирования в Интернете являются основными, однако их перечень не является исчерпывающим. Сфера конфликтных интернет-комментариев сегодня продолжает оставлять большое пространство для дальнейших лингвистических исследований.

Список литературы

1. *Асмус Н.Г.* Политический дискурс в виртуальной среде // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. Екатеринбург: Урал. гос.пед. ун-т., 2003. С. 12–14.
2. *Ахренова Н.А.* Доминанты современной интернет-лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. М. : МГОУ, 2018. 363 с.
3. *Вульфович Б.Г., Катермина В.В.* Методика трехкомпонентного анализа лингвопрагматического потенциала Интернет-комментария в политическом Интернет дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 83–89.
4. *Гималетдинова Г.К.* Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому тексту // Политическая лингвистика. 2020. № 1 (79). С. 42–51.
5. *Ергалиева С.Ж.* Политический дискурс в тектодериватологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: КГУ, 2018. 274 с.
6. *Обелюнас Н.В.* Предпосылки возникновения конфликта интерпретаций в публицистическом тексте. Кемерово: Изд. НГУ, 2012. С. 99–102.

ZERO COMMENT: HOW NETWORK CONFLICT BEGINS

B.G. Vulfovich

Kuban State University, Krasnodar

As it is known, the transition to Web 2.0 has opened up new opportunities for users in terms of interactivity of Internet communication. At the dawn of the Internet era, communication on the Network was predominantly one-sided - the user could receive information, but could not react to it, therefore, the data was perceived by him "de facto". Today, the situation is different: users can react to the information received in almost any way that the Internet has: comments, emoticons, reactions, etc. This article examines the prerequisites for the emergence of conflict, i.e. those comments that provoke a conflict between two or more people. The purpose of this article is to establish the linguopragmatic methods by which these comments are created and to describe them with the prospect of further study.

Key words: Internet discourse, Internet commentary, conflict, network discourse, network space, Internet, Internet aggression.

УДК 81`33

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЛИЙ В АКТУАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ «ШПИГЕЛЬ» И «ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ ЦАЙТУНГ» (КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ)

А.И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей презентации европейских политических фигур в современных ведущих СМИ ФРГ.С помощью автоматического анализа коннотаций корпусных единиц показано, что контексты, содержащие персоналии в целом нейтральны, что, с одной стороны, вполне отражает официальную позицию изданий, а с другой, требует доработки программных инструментов в перспективе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, тексты СМИ, журнал «Шпигель», газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг», корпусный менеджер, персоналии.

В настоящей статье мы ставим перед собой цель показать, как авторские корпусные инструменты помогают раскрывать языковые механизмы формирования образа персоналий (политических фигур) в текстах СМИ.

В качестве материала используются два «микрорпуса» электронных текстов центральных немецких СМИ – журнала «Шпигель» и газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», – собранных в период с 21.06.2024 по 27.06.2024. Объем корпуса «Шпигель» составил 7551 предложение или 130796 токенов, объем корпуса «Франкфуртер альгемайне цайтунг» – 3831

предложение или 70328 токенов. Учитывая чрезвычайно малый размер обоих корпусов, мы употребили термин «микроркорпус»¹. Условно «большими» или хотя бы «достаточно крупными» корпусами мы считаем таковые объемом не менее 1 млн токенов [4], а при некоторых узкоспециализированных исследованиях – от 0,5 млн токенов [3].

Объем корпуса «Шпигель» получился почти в два раза большим, чем у «Франкфуртер альгемайне цайтунг», по той причине, что за один и тот же период издание выпускает больше новостных онлайн-материалов.

Корпусы были собраны посредством программы, которая является частью авторского программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» (Свидетельство Роспатент № 2023683209), разработанного в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [6].

Прежде всего, построим частотные списки для имен собственных в обоих корпусах и выделим из них персоналии. Для корпуса «Шпигель» наиболее частыми были Байден, Трамп, Шольц и Бербок. В корпусе «Франкфуртер альгемайне цайтунг» нам встретились Трамп, Байден, Шольц, Муссолини(!)² и Макрон.

То, что в новостных сводках центральных СМИ ФРГ фигурируют американцы Трамп и Байден не удивительно и связано, во-первых, с предвыборной гонкой за пост президента США, а во-вторых (если не во-первых), с тем, что современная Германия (и по сути весь Евросоюз в целом) является фактически американской политической и экономической марионеткой, что и транслируется немецкому обществу в качестве официальной позиции.

Рассмотрим из них далее персоналии, относящиеся к современной европейской политической сцене: Шольца, Бербок и Макрона. При этом постараемся определить оценочную составляющую (или коннотативный образ [2]), которую объективно придает публицистический текст каждой из персоналий.

Расширим полученные корпуса коннотативными характеристиками, используя тональные словари открытого доступа (линейка “SentiWS”). При этом мы дополняем уже имеющуюся базу данных рядом формальных (числовых) значений, которые позволяют отнести предложения, содержащие тот или иной токен (в нашем случае – имя собственное), к условно «положительным», «нейтральным» или «отрицательным» [1].

В корпусе «Шпигель» мы встречаем только лишь пять упоминаний о Бербок, причем в связи с критикой по поводу трат из бюджета на услуги визажиста. При этом удивительно, что три контекста были оценены как положительные, один как отрицательный и один как нейтральный, что говорит

¹ используем далее для простоты термин «корпус»

² фашистский диктатор Италии, военный преступник

о том, что даже при наличии отрицательного информационного повода, комментарии министра создают скорее положительно-нейтральный образ объективными языковыми средствами. Заметим кстати, что Бербок достаточно часто становится предметом обсуждения Интернет-сообщества и журналистов благодаря своему косноязычию и невежеству [5].

Федеральный канцлер Шольц упоминается 47 раз, что является относительно высоким результатом. При этом отрицательных контекстов насчитывается восемь, а положительных – 16. Остальные могут быть оценены как нейтральные. Отсюда образ Шольца представляется как положительно-нейтральный.

Рассмотрим корпус «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В нем встречается только 13 упоминаний о Шольце в 12 контекстах, причем только три контекста (предложения) являются положительными, т. е. имеют среднюю коннотацию составляющих их токенов больше нуля. Пять контекстов имеют отрицательную коннотацию, а остальные можно отнести к нейтральным. Что касается Макрона, то из 11 контекстов шесть относятся к положительным, а пять к отрицательным, т. е. в целом соблюдается нейтральность оценки, тогда как Шольц оценивается скорее нейтрально-отрицательно.

Таким образом, мы можем заключить, что привлеченные к исследованию немецкие СМИ имеют тенденцию к «нейтрализации» образа политических фигур даже при наличии отрицательного новостного события. Механизм подобной «нейтрализации» остается для нас не до конца ясен и требует более глубокого исследования на значительно большем языковом материале.

Тем не менее, даже привлекая корпуса сверхмалого объема, мы можем построить гипотезу о том, что:

1) центральные СМИ ФРГ во что бы то ни стало стремятся показать, что занимают «нейтральную позицию»;

2) каким-то образом при помощи языковых средств «нейтрализуются» негативный и даже позитивный новостной фон, что в наше время может быть сделано как с помощью квалифицированного персонала, так и с привлечением мощностей искусственного интеллекта (а учитывая современные реалии, вероятнее всего второе, пусть и с помощью первого);

3) Германия однозначно пропагандируется как сателлит США (= НАТО) по всем вопросам внутренней и внешней политической и социальной повестки.

Укажем также перспективу исследования, не избегая и некоторой самокритики. В значительном улучшении нуждаются программные инструменты для определения коннотаций контекстов, что включает и составление специализированных профессиональных тональных словарей, которые могли бы работать с немецкоязычными новостными текстами. На основе таких словарей должны функционировать специфические алгоритмы анализа коннотированных характеристик имен собственных (персоналий), основанные на лингвистических моделях, которые вряд ли могут быть универсальными и должны учитывать специфику того или иного языка и жанра.

Список литературы

1. *Горожанов А.И.* Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса, построенного по правилам sраСу, коннотативными характеристиками // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL.
2. *Гусейнова И.А., Горожанов А.И.* Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.
3. *Котюрова И.А., Щеголева Л.В.* Визуализация образовательных данных в немецкоязычном корпусе студенческих текстов // *Перспективы науки и образования.* 2024. № 2(68). С. 578–594. DOI 10.32744/pse.2024.2.35. EDN UTDLFM.
4. *Степанова Д.В.* Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология.* 2023. № 6(127). С. 123–130. EDN FMBTKO.
5. *Ткаченко О.А.* Речевые неудачи политика как фактор формирования негативного имиджа (на материале выступлений Аннелены Бербок) // *Политическая лингвистика.* 2023. № 5(101). С. 141–147. EDN DJUFMJ.
6. *Gorozhanov A.I., Guseynova I A., Stepanova D.V.* Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics.* 2024. Vol. 15. No. 1. P. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.

PRESENTATION OF PERSONALITIES IN RECENT TEXTS OF “SPIEGEL” AND “FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG” (CORPUS ANALYSIS)

A.I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow

The paper is devoted to the consideration of the peculiarities of the presentation of European politicians in modern leading media in Germany. Using automatic analysis of the connotations of corpus units, it is shown that contexts containing personalities are generally neutral, which, on the one hand, fully reflects the official position of the media, and on the other, requires improvement of software tools in the future.

Key words: corpus linguistics, media texts, Spiegel, Frankfurter Allgemeine Zeitung, corpus manager, personalities.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ

А.В. Зиньковская, П.С. Бирюкова, Е.А. Драгомирова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются и классифицируются англоязычные понятия, называющие участников и феномены инклюзивного образования. Выделены три группы понятий: 1) участники инклюзивного образования (дети с ОВЗ, а также ассистирующий и обучающий персонал), 2) типы нарушений (нарушения в поведении, способности читать и писать, понимать некоторые вещи, сбой в концентрации, физические нарушения), 3) методы преодоления преград восприятия информации детьми с особенностями (специальные средства обучения и различные стратегии ассимиляции детей с ОВЗ в образовательной среде).

Ключевые слова: инклюзивное образование, понятийный аппарат, дети с ОВЗ.

В настоящее время все больше детей с ограниченными возможностями здоровья получают образование в общеобразовательных школах и вузах. Статья 19 Федерального закона № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» гласит: «Государство поддерживает получение инвалидами образования и гарантирует создание инвалидам необходимых условий для его получения» [2, ст. 19]. Для обозначения формы обучения, при которой происходит «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [3, ст. 2 (27)], пользуются понятием «инклюзивное образование».

Семантическое поле концепта инклюзивного образования включает в себя множество терминов. Мы предлагаем остановиться на трех группах таких терминов: 1) участники инклюзивного образования, 2) типы нарушений, 3) методы преодоления преград восприятия информации детьми с особенностями.

Понятия первой группы (участники инклюзивного образования) именуют детей с ОВЗ и сотрудников образовательных учреждений, способствующих планомерному внедрению детей с особыми потребностями в образовательный процесс. Одним из таких терминов является *special education teacher* – “a teacher who supports students with disabilities in accessing the general education curriculum by working collaboratively with a team to design individual education plans (IEPs), actively implementing the plans by providing individualized instruction, and monitoring learning progress” [6] (учитель, который помогает обучающимся с ограниченными возможностями в освоении общеобразовательной программы). Специалисты-сопровождающие выполняют ряд задач, таких как помощь в передвижении, поддержка при выполнении повседневных задач, психологическая поддержка, общение с окружающими, организация

медицинской помощи, обучение, обеспечение безопасности и т.д. Например, **“itinerant specialist teacher”** (“a specialist or special teacher who travels from class to class, school to school, school to home, school to hospital programs, etc. This person assists teachers in providing special-needs services to children or in fact provides the service himself/herself” [8, p. 147]); **“sighted guide person”** (“a person with sight who has had special training and assists a visually impaired or blind person in moving about in the environment” [8, p. 260]); **“job coach”** (“an individual who assists adults with physical/learning disabilities in the areas of vocational guidance, college training/planning, job planning, interactive assistance with current and prospective employers, interactive assistance with social service/ government agencies, etc.” [8, p. 147]); **“personal care attendant”** (“an individual employed to assist a student or person with disabilities with such tasks as personal hygiene, bathing, grooming, cooking, eating, dressing, etc.” [8, p. 202]); **“mainstream assistance team”** (“a group of professionals and paraprofessionals that provide ongoing support and assistance to special needs students in the regular classroom and to their teachers. The team visits the classroom, analyzes the student's needs, and assists the teacher in planning intervention strategies” [8, p. 163]).

Обучающихся с ОВЗ в англоязычной среде именуют **students with disabilities, children/students with special educational needs, children in need** (“children with disabilities and any child unlikely to achieve a reasonable standard of health or development without help” [7, p. 68]), **educationally subnormal (ESN) children** (“intellectually impaired in either a moderate (M) or severe (S) form children. Many EN children will have associated disorders in areas of physical and emotional development. Approximately one-third of mildly mentally retarded children have significant problems in the area of behavioural disorders and may have problems of physical coordination” [7, p. 97]), **late developers** (“those who realise their potential in some or all aspects of school work after the majority of their contemporaries” [7, p. 134]) и **underachievers** (“pupils whose performance at school is identifiably below what would be expected from their known ability” [7, p. 217]).

Рассматриваемые понятия второй группы включают типы нарушений. Инвалидность и различные типы нарушений могут повлиять на способность ребенка к обучению в целом, а также на его:

- поведение или способность к общению, например, им трудно заводить друзей;
- способность читать и писать, например, из-за дислексии;
- способность понимать некоторые вещи;
- уровень концентрации, например, из-за синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ);
- физические способности.

Одним из упомянутых типов нарушений является дислексия (**dyslexia**) – “a disorder in children who, despite conventional classroom experience, fail to attain the language skills in reading, writing and spelling, commensurate with their intellectual abilities” [7, p. 93] (расстройство у детей, которые, несмотря на

обычный опыт занятий в классе, не могут развить языковые навыки чтения, письма и орфографии, соответствующие их интеллектуальным способностям).

Поведенческие отклонения от нормы заключены в следующие термины: “*disruptive behavior*” (“the disruption of lessons by pupils either deliberately or from emotional or behavioural difficulties. This also takes the form of violence against other children and the verbal abuse of staff” [7, p. 90–91]), “*emotional and behavioral difficulties (EBD)*” (“EBD is used in connection with the educational provision made for pupils who have severe difficulties or disorders” [5, p. 54]), “*behavioral problems*” (“children are said to have behavioural problems when their behaviour patterns set them apart from the normal range of behaviours of their contemporaries. Such unusual behaviour, sometimes including disruption, verbal and physical intimidation, bullying and various other kinds of anti-social behaviour, can cause immense problems for teachers” [5, p. 15]).

Умственные отклонения именуют “*mental retardation*” (“intellectual functioning significantly below average for one's own age group, which is accompanied by inadequate adaptive functioning or adjustments to the physical and social environment” [8, p. 167–168]), “*educational backwardness*” (“refers to a child whose attainment in the basic skills of reading and arithmetic falls below the levels of achievement of those in his or her age group irrespective of intelligence. Backwardness should, therefore, be distinguished from educational retardation which arises, in the main, from low intelligence. Backwardness is capable of remediation but teachers have to be alert to a wide range of causative factors which may be physical, emotional and environmental” [7, p. 56–57]), “*Down's syndrome*” (“a condition, also known as mongolism, named after the nineteenth-century physician Langdon Down who wrote up cases studies of the condition. The condition is now believed to be caused by chromosome abnormalities resulting in flattened facial features, stubby fingers and mental retardation. Children of this kind used to be taught in special schools, but recent attempts have been made to integrate them, especially children with the milder forms of Down's syndrome, into normal classes” [7, p. 92]).

На уровень концентрации обучающегося влияет синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ or *ADHD* – attention deficit and hyperactivity disorder).

Среди видов физических нарушений можно назвать нарушение опорно-двигательного аппарата (*mobility impairment*), нарушение зрения (*visual impairment*), слуха (*hearing impairment*), речи (*speech disorder*). Слепорожденного именуют “*congenitally blind*”, а глухорожденного – “*congenitally deaf*”. Ученика с приобретенными нарушениями зрения именуют “*adventitiously blind*” (“any student or person, after being born with normal vision, who develops severe visual impairments or blindness as a result of illness, disease, or accident” [8, p. 7]), а с приобретенными нарушениями слуха – “*adventitiously deaf*” (“individuals who are born with normal hearing but through disease or illness lose their sense of hearing” [8, p. 7]).

Третья группа рассматриваемых понятий включает термины, обозначающие методы преодоления трудностей восприятия информации детьми с ОВЗ. «Восприятие представляет собой интерпретацию объекта познавательной деятельности на основании имеющихся знаний и жизненного опыта. Существует несколько способов восприятия информации: зрение, слух, ощущение, обоняние и осязание. Указанные способы восприятия называют репрезентативными системами» [1, с. 96]. Восприятие информации происходит при прямом воздействии на органы слуха, зрения, обоняния, осязания и вкуса, позволяя человеку сформировать подробное представление об окружающей его действительности. Нарушения работы органов чувств приводят к искажению получаемой информации, препятствуя успешному решению повседневных задач, получению образования, общению с другими людьми.

Специальные средства обучения позволяют людям с ОВЗ получать информацию, необходимую для ориентации в пространстве, обучения, коммуникации с окружающими, выполнения бытовых задач и т.д. К примеру, для преодоления преград восприятия информации детьми с нарушениями слуха могут использоваться: *“fingerspelling”* (“a form of sign language in which a student or person spells out words in English by using various positioning of the fingers” [8, p. 106]); *“sign language”* (“a system of communication involving hand gestures to represent actions, feelings, and objects” [8, p. 260]); *“speech reading”* (“visual interpretation of other communication clues in addition to lip reading such as gestures and facial expressions” [8, p. 268]); *“aural training”* (“designed to teach partially-hearing children to identify speech sounds” [8, p. 24]). В случае нарушения зрения дети с ОВЗ могут использовать *“large-print books”* (“books that are enlarged as well as clearly printed and with large spaces between words as assists for the visually handicapped or impaired” [8, p. 151]); *“long cane”* (“a type of cane used by individuals with vision impairments” [8, p. 161]), более современной версией которого является *“laser cane”* (“cane that uses laser beams to identify obstacles for individuals with serious visual problems” [8, p. 152]); *“optacon”* (“a special device that changes visual information to an exact tactile duplicate; it is comprised of 144 tactile pins that are activated by print and produce a vibratory image of the letter(s) on the finger(s)” [8, p. 191]).

Для планомерного внедрения детей с ОВЗ в образовательную среду пользуются различными стратегиями: *“mainstreaming”* (“the process of educating children with special needs with non-special-needs children and placing them together, whenever possible and appropriate, in regular classes (i.e., art, music, science, etc.). This should be done to the greatest extent possible and in the least restrictive setting” [8, p. 163]); *“labeling”* (“classifying students according to a particular syndrome, disorder, disease, disability, or problem. This is done in order to 1. provide appropriate remedial strategies, 2. provide specific directions for research endeavors, and provide categorical information for funding and program purposes” [7, p. 132–133]); *“noncategorical”* (“the practice of grouping individuals with disabilities without labeling the disabling condition. In Massachusetts, for example, students are grouped by prototype status (meaning how much time is spent out of the

mainstream classes) and are not labeled by their disabling condition” [8, p. 185]); “**integration**” (“integration can be perceived as a slogan description of various educational procedures, ranging from social functions where children with special needs and ‘normal’ children are brought together from time to time, to the complete assimilation of disabled pupils into an ordinary school” [7, p. 128]); “**mixed-ability grouping**” (“the grouping of pupils in such a way that each class in a year group has a roughly equal range of attainment [7, p. 146]”); “**differentiated examinations**” (“method of testing different levels of attainment by the use of different examination papers. In the General Certificate of Secondary Education (GCSE) there are differentiated papers for weaker and more able students” [Lawton, p. 88]); “**screening**” (“a process of identifying children with learning difficulties, especially in reading and mathematics. There are many tests available for assessing or diagnosing special educational needs associated with various disabilities such as impaired vision or hearing” [7, p. 194]).

Говоря о поликультурном обществе, пользуются понятием «салатница» (salad-bowl theory). Это философия жизни, которая воплощает идею о том, что все люди в мире должны жить в гармонии. Салат изыскан тем, что в его состав входят совершенно разные, уникальные и полезные овощи, которые вместе придают ему совершенно новый и удивительный вкус. Точно так же общество, отличающееся культурным разнообразием, может обеспечить такой же опыт. Дети с ОВЗ, обучаясь вместе с детьми без ограничений возможностей здоровья, получают бесценный опыт, помогающий им преодолевать различные трудности быстрее и эффективнее, нежели в формате «изоляции». Дети без ОВЗ в среде инклюзивного образования, в свою очередь, учатся существовать в многообразном обществе.

Список литературы

1. Жданова Д. Р., Рубцова А. А. Психофизиологические закономерности восприятия информации // БМИК. 2018. №3. С. 96–97.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения 20.06.2024).
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 20.06.2024).
4. Хитрюк В. В. Готовность педагогов к работе в условиях инклюзивного формирования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2013. № 3 (79). С. 189–194.
5. Blake D., Hanley V. The Dictionary of Educational Terms, East Anglia: Arena, 1995. 187 p.

6. *Hall C.* What Is a Special Education Teacher, and What Do They Do? George Fox University [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.georgefox.edu/education/articles/special-education-teacher.html> (дата обращения 20.06.2024).

7. *Lawton D., Gordon P.* Dictionary of Education Terms, London: Hodder & Stoughton, 1996. 250 p.

8. *Spafford C., Pesce A., Grosser G.* The Cyclopedic Education Dictionary, Albany, New York: Delmar Publishers, 1997. 414 p.

INCLUSIVE EDUCATION: CLASSIFICATION OF NOTIONS

A.V. Zinkovskaya, P.S. Biryukova, E.A. Dragomirova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines and classifies English-language notions naming participants and phenomena of inclusive education. Three groups of notions are distinguished: 1) participants in inclusive education (children with disabilities, assisting and teaching staff), 2) types of disorders (behavioral disorders, reading and writing impediments, inability to understand some things, failure in concentration, physical disorders), 3) methods of overcoming barriers to information perception by children with disabilities (special learning tools and various strategies for assimilation of children with disabilities in the educational environment).

Key words: inclusion, terminology, students with disabilities.

УДК 82'282

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФИНАНСОВОМ ДИСКУРСЕ

В.В. Катермина, Т.Н. Свиридова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности отражения метафорических неологизмов в англоязычном финансовом дискурсе. Проведенный анализ данных электронных словарей позволил выявить влияние метафорических неологизмов на мировосприятие англоязычного общества посредством экспликации определенных заданных ценностей в дискурсе, обслуживающем данный институт, а также увидеть способы включения тех или иных явлений в ценностное поле языка путём их номинации и категоризации.

Ключевые слова: дискурс, финансовый дискурс, метафора, образ, неологизм, ценность.

Неология, наука о порождении новых слов и выражений, на данный момент является одним из наиболее перспективных направлений лингвистики.

Предмет неологии обладает перманентной актуальностью, так как создание неологизмов происходит постоянно. Возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы следует рассматривать как механизмы познания мира, инструмент категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира [7, с. 61].

Современный подход к неологии предполагает её рассмотрение более широко – «как особой отрасли теории языка, которая изучает инновационные лингвистические, социолингвистические, психолингвистические и прагмалингвистические процессы на различных языковых уровнях, их взаимосвязь с социальными и технологическими изменениями, обуславливающими языковую динамику; как сложный процесс создания, идентификации и адаптации тех или иных новых лексических единиц в языковом сознании говорящих и для достижения большей экспрессивности устной и письменной речи» [6, с. 31].

Исследованием неологизмов занимались такие ученые, как С.И. Алаторцева [1], В.А. Голец [4], Е.И. Голованова [5], В.В. Катермина, С.Х. Липириди [7], И.С. Криворучко [8] и др. Большое количество работ по данной тематике лишь подтверждает важность, актуальность и востребованность данных знаний для современной науки.

С развитием средств сетевой коммуникации резко увеличилось число новых слов и выражений. Создание новой лексики отразило в себе радикальные культурные трансформации, повлёкшие за собой изменение картины мира. Интернет стал пространством изобретения и фиксации неологизмов в речи, универсальной площадкой для коллективного словотворчества.

Интернет-язык начала XXI в. характеризуется «активным производством лексических инноваций. Неологизмы традиционно рассматриваются как результат динамических процессов, которые отражают адаптацию языка к трансформациям, происходящим в политической, экономической и социальной сферах деятельности человека. Эти изменения характерны, прежде всего, для лексической и грамматической систем языка» [3, с. 4].

Из всех сфер человеческой деятельности наиболее коренной перестройке в последнее десятилетие подверглась именно экономика. Экономика – это «та область знаний современника о мире, где особенно отчетливо проявляются базовые интересы социума и этноса, где заметны изменения в общественном сознании, ментальное носителя языка, где имеет место активная языковая динамика» [9, с. 6].

Современный человек ежедневно получает огромный объем новой информации о различных сферах общественной жизни через Интернет, социальные сети и мессенджеры. В силу того, что жизнь людей напрямую сопряжена с материальным обеспечением, то повышенную заинтересованность они проявляют к новостям из сферы финансов, чтобы всегда быть осведомленным обо всех изменениях в данной сфере, быть гибким в принятии решений, связанных с финансами. Но жизнь человека представляет собой

переплетение множества различных сфер, в каждой из которых он не может быть компетентен в одинаковой мере и оперировать огромным массивом терминов, а также успевать ориентироваться среди регулярно появляющихся новых слов в каждой области. Однако в распоряжении языка есть ряд приемов, которые призваны помочь его носителю постигнуть смысл терминов и понятий, переводя их посредством переносных значений из разряда узкоспециализированных в разряд бытовых. С данной точки зрения среди тропов самым плодотворным выступает метафора, которая не всегда употребляется для эмоциональной окраски речи. Метафора помогает говорить о том, чего раньше в мире не было, описывать новые понятия и явления. Таким образом, благодаря метафоре язык обладает эвристической функцией.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что в основе метафоры лежит образ. Образ, в свою очередь, является источником основных семиотических понятий, структура которых создается взаимодействием принципиально разных планов – плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого) [2].

По справедливому замечанию В.Н. Телия, абстрактный мир моделируется по образу и подобию мира вещей благодаря метафоре, так как именно метафора способна объединять абстрактное и конкретное, создавая тем самым языковую картину. Благодаря образным ассоциациям метафора помогает сократить дистанцию между сложными когнитивными терминами и понятиями из различных сфер общественной жизни и человеком [10].

Материалом исследования послужили следующие электронные лексикографические источники: Cambridge Dictionary Online Blog [11]. Результаты проведенного анализа показали, что значительное количество новых слов и терминов в области финансов образованы путем метафоризации.

В ходе исследования были выявлено, что самыми частотными видами метафор в нашей подборке являются колоративные и отпредметные метафорические неологизмы.

Так, анализ англоязычных неологизмов финансового дискурса позволили выявить следующие **цветовые** метафоры: *dark green – describes a financial product that avoids investing in unethical companies; light green – describes a financial product that invests only in companies that have a positive ethical and ecological bias; dark pool – a method of financial trading in which share prices are hidden and not openly available to the public; the flat white economy – the network of media, internet and creative businesses that are bolstering the UK economy.*

Стоит отметить, что в каждой культуре за тем или иным цветом у людей закреплены определенные ассоциации. Так, во многих культурах, в том числе и в англоязычной, зеленый цвет в сознании человека соотносится со свежестью и чистотой. Метафоры со словом *green* способствуют формированию образа компаний, которые стремятся вести чистый и прозрачный бизнес. В свою очередь оттенки *dark* и *light* усиливают оценочную тональность.

Метафора *the flat white economy* произошла от названия кофейного напитка *флэт уайт*, в котором, в отличие от других напитков, очень тонкая белая, молочная пена. Метафоризация произошла благодаря проецированию в

язык образа определенной категории людей в современном обществе, которые работают в кофейнях за ноутбуками и зарабатывают деньги в секторе диджитал-маркетинга.

Среди **отпредметных** метафорических неологизмов выделим *bedroom tax – a reduction in the amount of housing benefit given to people who have a spare bedroom in their property; card clash – a situation when you keep more than one contactless card in your purse or wallet and you get charged twice or get a red light when you try to use one of the cards; couch-cushion change – a trivial or disappointingly small amount of money; hamburger tax – a tax on unhealthy food; bully wallet– the use of money to wield unfair or unethical influence.*

Как уже было отмечено, метафора обладает способностью синтезировать абстрактное и предметное, вызывая тем самым стойкие ассоциации у человека с определенными терминами и понятиями. Мир предметов и вещей, с которым человек имеет дело каждый день, помогает формировать устойчивые образы в отношении многих процессов из области финансов, таких как, налогообложение, безналичная оплата банковскими картами, распоряжение деньгами с целью оказать давление.

Человеку присуще приписывать мистические свойства предметам и явлениям, а сфера финансов на протяжении всей своей истории имела в том числе и скрытую форму, выражающуюся в так называемом «теневом секторе» – сокрытии доходов, уклонения от уплаты налогов, объявлении людьми себя банкротами. Именно поэтому в образовании неологизмов, имеющих отношение к финансам, доминантную позицию занимает **демоническая** метафора: *zombie account – a savings account that pays negligible interest; zombie debtor – a person with a debt that they do not have a hope of paying off because the interest on it is so high; ghost money – money transferred in secret by a covert government agency; voodoo economics – a derogatory name for supply side economics (the claim that cutting taxes on high incomes would lead to great economic growth, so that tax cuts would pay for themselves).*

Значительно меньше в нашей подборке было выявлено **зооморфных, соматических и антропоморфных** метафор: *cobra effect – when an intended solution makes the original problem worse; stomach share – an informal market share measure used within the food industry; HENRY – high earner not rich yet; refers to a person with an income between \$100,000 and \$250,000.*

Выражение *cobra effect – when an intended solution makes the original problem worse* стало идиоматическим и применяется к экономическим ситуациям, когда для разрешения определенной проблемы были приняты меры, которые не только не поспособствовали решению, а, наоборот, только усугубили проблему. Благодаря подлинному случаю из истории колониального правления Англии в Индии, где попытались сократить количество змей, образ кобры зафиксировался в языке в качестве образа финансовой проблемы, которую не получается решить с первого раза.

Итак, проведенный нами анализ подтвердил то, что метафора является эффективным способом образования неологизмов в области финансов, потому

что она помогает человеку говорить о том, о чем он не говорил ранее, создавая тем самым новые образы. Нами также было отмечено, что в исследуемой подборке наибольшей частотностью обладают цветковые, отпредметные и демонические метафоры, меньшей – зооморфные, соматические и антропоморфные.

Прогресс в области изучения новых слов связан как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами. Перспективными направлениями изучения неологизмов стали изучение электронных форм лексикографии, когнитивно-прагматический подход к изучению неологизмов и семантико-аксиологический анализ новых слов. Данные векторы неологии связаны с развитием электронных средств коммуникации, становлением когнитивно-прагматической мегапарадигмы и возрастанием интереса к изучению ценностных трансформаций. Анализ данных особенностей позволяет дать комплексную картину развития неологии как отображения эволюции языка и коллективного менталитета современного человека.

Список литературы

1. *Алаторцева С.И.* Русская неология и неография: Современное состояние и перспективы. СПб.: ЛГОУ, 1998. 217 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147–173.
3. *Белькова А.Е.* Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах: на материале сайта NoNaMe. Нижневартонск: Изд-во НВГУ, 2018. 112 с.
4. *Голец В.А.* Прагматика актуализации собственно неологизмов в современной англоязычной молодежной прессе // Глобальный научный потенциал. 2014. № 2 (35). С. 55-57.
5. *Голованова Е.И.* Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 60-64.
6. *Избицкая М.В.* Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИГХТУ, 2020. 214 с.
7. *Катермина В.В., Липуриди С.Х.* Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар, 2021. 230 с.
8. *Криворучко И.С.* Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 4. С. 1242-1247.
9. *Петушинская Е.Г.* Язык популярного экономического дискурса (на материале англоязычной публицистики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: КГПИ, 2008. 28 с.

10. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

11. Cambridge Dictionaries Online [электронный ресурс]. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 02.07.2024).

METAPHORICAL NEOLOGISMS IN ENGLISH FINANCIAL DISCOURSE

V.V. Katermina, T.N. Sviridova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the features of the reflection of metaphorical neologisms in English financial discourse. The analysis of data from electronic dictionaries made it possible to identify the influence of metaphorical neologisms on the worldview of the English-speaking society through the explication of certain given values in the discourse serving a given institution, as well as to see ways of including certain phenomena in the value field of the language through their nomination and categorization.

Key words: discourse, financial discourse, metaphor, image, neologism, axiology.

УДК 82'282

НЕОЛОГИЗМЫ ЦИФРОВОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.В. Катермина, С.Э. Гусева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности неологизмов цифрового англоязычного дискурса компьютерных технологий. Материалом исследования служат неологические единицы английского языка, выделенные из лексикографических источников приемом сплошной выборки. В статье отмечается, что в современном мире, особое значение приобретает изучение роли информационных технологий и новых дискурсивных практик социального взаимодействия.

Ключевые слова: цифровизация, дискурс компьютерных технологий, аксиологическая доминанта, неологизм.

В эпоху научно-технического прогресса все сферы человеческой жизни претерпевают изменения. «Экспериментирование с искусственной реальностью, различные способы производства реальности повлекли за собой изменения в характере не только восприятия самой действительности, но и повлияли на способ общения людей» [6, с. 3]. Ярким примером тому является возникновение и развитие такого феномена как социальные интернет-сети. Интернет-пространство задаёт особого типа коммуникативную ситуацию

межперсонального общения, в которой коммуникант – это прежде всего цифровая личность, которая характеризуется следующими параметрами: свобода входа и выхода из коммуникативного пространства или данного формата коммуникации; перцептивная скрытость, анонимность; глобальная адресация [7, с. 162]. В лексический оборот постоянно входят новые слова для описания новых концепций и технологий и того, что они для нас значат. И, наоборот, старые слова выходят из употребления по мере снижения их культурной значимости. Поскольку цифровое коммуникативное пространство принципиально динамично по разнородности, скорости и характеру представления в нем информации, влияние цифровых технологий на общество беспрецедентно. Именно цифровая коммуникация, представляющая все сферы общения современного человека, позволяет понять, что в последнее время наука и техника являются самыми многочисленными источниками неологизмов [2, с. 112].

Неологизация, обновление лексического состава языка, – процесс, который запускается двумя глобальными механизмами: заимствованием из других языков вследствие прямых и опосредованных языковых контактов; внутриязыковым словотворчеством. Оба механизма связаны с необходимостью вербализации появляющихся концептов, с потребностью в устранении омонимичных форм, с желанием или необходимостью обновления языковых форм, вызванными стремлением к экспрессии, новизне, привлекательности остроумной речи, языковой фиксации новых ассоциаций и др. [4; 9].

Современная лингвистика для интерпретации коммуникативных процессов активно использует научные понятия текста и дискурса. Текст понимается как продукт коммуникативной деятельности людей и представляет собой организованную модель поведения, отражающую цели коммуникантов, а также особенности ситуации, в которой происходит общение; это изолированное, абстрагированное от ситуации законченное речетворческое произведение. Дискурс – это тоже текст, но под влиянием текущей ситуации реального общения, то есть с учетом факторов, определяющих его создание и развитие.

В настоящее время сформировалась новая среда межличностной коммуникации, которая и определяет особый тип дискурсивного взаимодействия – компьютерный. Современные лингвисты очень часто определяют термин «дискурс компьютерных технологий» следующим образом: «...многожанровая функциональная разновидность публичной монологической и диалогической речи», появившаяся в процессе межличностного «компьютерного общения» [3, с. 6]; а также «...вся совокупность текстов, объединенных общей тематикой, связанной с современными информационными технологиями» [8, с. 36]. В последние десятилетия компьютерное общение выделяется как особый вид дискурса и дискурсивной практики [1, с. 100].

Функционирование компьютерного языка, с одной стороны, технически ограничено письменной формой речи, которая стилистически максимально

приближена к неформальному устному разговорному стилю, однако, с другой стороны, может являться частью ежедневной профессиональной устной коммуникации в среде разработчиков программного обеспечения, видеоигр и пр.

Компьютерный дискурс интерпретируется как система, характеризующаяся следующими общедискурсивными признаками: динамичностью и процессуальностью, коммуникативностью, коннотативностью, социальной и культурологической маркированностью [5, с. 47].

Учитывая изложенное выше, можно выделить характеристики, существенные для компьютерного дискурса: процесс межличностного взаимодействия, осуществляемого через электронные средства коммуникации. Это позволяет специфически интерпретировать явления, связанные с цифровыми технологиями и компьютерными разработками, последствиями их присутствия в нашем обществе и их влияние на социум.

Цифровая образованность современного общества пропорциональна его активной вовлеченности в использование технологий. Так, в современном английском языке такая тенденция отражается в накоплении инновационных лексических единиц, особенно в компьютерном дискурсе.

Так, частотны неологизмы с прилагательным *digital* (цифровой) – *showing information in the form of electronic image*. Английский термин происходит от латинского *digitus* ‘палец’ Большая часть рассмотренных неологических единиц с лексическим компонентом *digital* представляет собой метафору.

Метафорические значения по своей природе антропометричны: создавая новое знание, человек соизмеряет разные сущности, пропуская сопоставляя их с имеющимися величинами, эталонами, свойствами, основываясь на имеющихся в социуме знаниях и представлениях.

Часть метафор реализует

(1) представления человека о здоровье и физическом самочувствии: *digital hangover* – *feelings of shame and regret caused by social network photos and other online evidence of one's embarrassing behavior*; (*hangover* – *the feeling of being tired and sick because you have drunk too much alcohol or taken too many drugs*); *digital detox* – *a period in which a person abstains from using electronic devices such as smartphones, usually in an endeavor to lower stress levels and re-engage with the physical world*; (*detox* – *the process of removing harmful substances from your body by eating only particular foods*); *digital diet* – *a deliberate reduction in the amount of time spent on the Internet*; (*diet* – *a limited range of foods that someone eats to improve their health*).

(2) выражение чувства стыда и сожаления, (feelings of shame and regret), вызванные фото недостойного поведения человека, опубликованными в соцсетях. *digital hangover*;

(3) количество времени, которое человек проводит вне соцсетей (попытка снизить уровень стресса и возвращение к реальному миру) – *digital diet, digital detox*.

Постоянное пребывание человека в цифровом коммуникативном пространстве может отрицательно влиять на функционирование памяти и другие когнитивные процессы: **digital dementia** – *impaired memory and cognitive functioning due to the extended use of digital devices*; (**dementia** – *a serious illness affecting someone's brain and memory in which they gradually stop being able to think or behave in a normal way*); **digital amnesia** – *the inability to remember basic things, such as telephone numbers, dates, etc. as a result of over-reliance on mobile phones, the Internet etc for storing information*; (**amnesia** – *a medical condition that makes you unable to remember things, often caused by damage to the brain*).

(4) представление об этапах жизненного цикла человека: **digital divorce** – *an online process to end a marriage legally*; (**divorce** – *a legal way of ending a marriage*).

Дигитализация коснулась всех сфер деятельности общества и позволяет реализовать некоторые типы социальных отношений, которые ранее требовали обязательного непосредственного контакта коммуникантов. Так, сейчас есть возможность расторгнуть брака онлайн, что ведет к появлению понятия так называемого «цифрового развода».

(5) С развитием сети Интернет стало возможным появление и неологизма «цифровая жизнь после смерти»: **digital afterlife** – *what remains of a person online after their death*; (**afterlife** – *another life that some people believe begins after you die*). Даже после смерти о человеке остаются данные и фото, доступные широкому кругу лиц в онлайн пространстве.

Часть изученных неологических единиц указывают на цифровизацию записи приобретаемой информации:

digital notepad – *a small computer with a special screen you can write or draw on, using a type of pen called a stylus*; (**notepad** – *a set of sheets of plain or lined paper, joined at the top edge, for writing on*); **digital vellum** – *a process that will allow digital files to be accessed at any time in the future so that important data and documents will always be available*; (**vellum** – *a thick, cream-coloured, very high-quality writing paper*).

Потребность в сохранении данных является приоритетом для человека, более того новые устройства дают возможность привычного навыка письма «ручкой» (*write or draw on, using a type of pen called a stylus*), а также хранения файлов в максимальном качестве (*very high-quality writing paper*) и доступности в любой момент (*storing a file to be opened and used*).

Современные цифровые технологии, без сомнения, влияют на формирование единиц в неологической картине мира. Данные неологизмы могут быть связаны с развитием неинвазивных технологий исследования или визуального улучшения человеческого тела:

digital autopsy – *a non-invasive autopsy which involves 3-D scanning, rather than the cutting open of the corpse* (**autopsy** – *the cutting open and examination of a dead body in order to discover the cause of death*);

digital surgery – postproduction techniques used to make actors appear taller and slimmer, and less wrinkled (surgery – the treatment of injuries or diseases in people or animals by cutting open the body and removing or repairing the damaged part).

Новые разработки направлены на выявление и устранение проблем со здоровьем человека, равно как на улучшение психоэмоционального состояния, в связи с совершенствованием внешних данных. Появляется возможность бесконтактного внедрения в организм, включающее 3-D сканирование и создание объекта при помощи цифровой модели или программы: *digital fabrication – the making of an object from a digital model or program, as for example, with a 3-D printer.*

Исходя из лексико-семантического анализа всех вышеприведенных неологизмов можно сделать вывод об их интердискурсивной природе. Такие лексические единицы как *surgery, amnesia, autopsy, dementia, diet, detox* напрямую относятся к медицинскому дискурсу, что в сочетании с лексикой компьютерного дискурса – *digital*, образует неологические формирования новых реалий.

Лексемы, в дефиниции которых входят семы, отражающие важность человеческого прогресса в обществе (*3-D scanning, post production techniques, available, 3-D printer*) свидетельствуют о научно-техническом развитии, вызванным цифровизацией общества.

Неудивительно, что компьютерные технологии оказывают влияние и на номинацию человека: «Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя как часть этого мира» [4, с. 3].

Номинации людей в IT технологиях связаны с умениями и способностями людей в их профессиональной сфере:

digerati – people who have a lot of technical knowledge of computers and the Internet;

digital nomad – someone who uses technology, especially a laptop and a wireless network, to work remotely from anywhere in the world, а также при номинации поколения людей, выросших в эпоху дигитальной революции *digital native – a person who has grown up in a world with digital technology such as the Internet or mobile phone; digital immigrant (antonym to digital native).*

Профессиональная компетенция заключается в высоком техническом навыке использования компьютера и Интернета – *a lot of technical knowledge of computers and the Internet,* также как использовании высоких технологий для удаленной работы – *to use technology, especially a laptop and a wireless network, to work remotely from anywhere in the world.*

Современное поколение родилось и растет в реалиях технологического прорыва, что определяет их номинацию «коренных жителей» цифрового общества (*native – relating to the first people to live in an area*), а также выделился определенный пласт социума, члены которого не идут в ногу с

технологическими разработками (*immigrant – a person who has come into a foreign country in order to live there*). Отметим, что компьютерные программы предоставляют возможность работы в удаленном режиме, что определяет их группу, как цифровых «кочевников» (*nomad – a member of a group of people who move from one place to another rather than living in one place all of the time*).

Цифровизация привела не только к номинации человека, но и целого интернет-пространства, предоставляющего государственные сервисы: *digital republic – a country whose citizens can access almost all government services on the internet*. Политико-географическое понятие *republic (a country without a king or queen, usually governed by elected representatives of the people and a president)* приобрело цифровой аналог, неологизм является примером интердискурсивности, формируя новые возможности в технологических реалиях.

Еще одним примером междискурсивного взаимодействия с географическими понятиями является неологизм *digital globe – a sphere-shaped display screen*. Модель земного шара (*globe*) метафорически перекладывает название на экран сферической формы, в виду схожей округлой формы.

Особо отметим метафорическое воплощение неологизмов сферы IT, как, например, потока данных в мировой сети – *digital fire hose – a very large stream of data*. В данном неологическом образовании сравнивается мощность течения информации в интернет пространстве с потоком воды в шланге пожарного (*fire hose – a long plastic or rubber pipe, used to direct water onto fires*).

Цель другого неологизма – описательное сравнение социальной интернет-сети с предметом повседневного пользования, имеющего охлаждающий эффект: *digital water cooler – a social network on which people talk about something such as a TV show or sports event*. Если поток данных сравнивается с пожарным шлангом / рукавом, а социальная интернет-сеть с кулером – образы предметов, применяемых в жизни человека, то экран ассоциируется с глобусом, моделью земного шара.

Несмотря на положительную коннотацию предыдущих неологических примеров, прогресс выявляет также темные стороны человеческой сущности. Такие социальные явления, как *дискриминация* и *воровство* являются частыми примерами в цифровом обществе и отражены в неологизмах: *digital redlining – discrimination against a customer by a business based on ratings the customer received in the past; digital pickpocketing – the theft of data from a mobile device, particularly one that contains a radio frequency identification (RFID) chip for transmitting information wirelessly*.

Потребитель сталкивается с ущемлением прав со стороны бизнес-среды в связи с его низким рейтингом. Отрицательную семантическую окраску неологизм приобретает за счет лексемы *redlining (the practice of refusing to lend money, give mortgages, or sell home insurance to people living in poor areas, or of charging them high rates for this)*. Воровство из виртуальных «карманов» (*pickpocketing – the crime of stealing things out of people's pockets or bags, especially in a crowd*) является ничем иным, как отражением изошренной

изобретательности тех, кто крадет как в реальной жизни, так и в интернет-пространстве.

Приведенные примеры неологизмов дискурса сферы IT отмечены негативной коннотацией, что позволяет сделать выводы о том, что, равно как и в реальной жизни, пользователям высоких технологий важно иметь безопасность личных данных и прозрачность взаимодействий в сети Интернет.

Неологизм, будучи семантической фиксацией актуальных процессов в жизни общества, является социальным медиатором, указывающим на активизацию определенных сфер коммуникации и развитие технологий.

В ходе исследования неологизмов установлено, что лексема *digital* имеет широкое значение, что позволяет присоединять её в процессе словообразования к самым разным основам и активно использовать в процессах лексической деривации, относясь к номинации множества явлений, которые имеют отношение к технологиям, Интернету и компьютерам.

Из проанализированных приведенных примеров видно, что для неологизмов дискурса IT свойственно наличие метафорических компонентов. Подобные неологические единицы наполнены семантически и обладают выраженной эмоциональной выразительностью, что насыщает и обогащает коммуникативный процесс новыми образами.

Подчеркнем, что цифровизация и ее влияние на человека зачастую передается семантически отрицательно окрашенными компонентами, либо имеет негативный подтекст: плохая память, воровство, развод.

Анализ материала позволяет говорить об изменении информационной парадигмы в XXI веке: адресат более не является пассивным участником коммуникации, наоборот, он привносит свою интерпретацию рассматриваемого события, тем самым, обогащая знания о мире и обуславливая его модификацию.

Список литературы

1. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 100–131.
2. Гусева С.Э. Неологизмы дискурса тестирования семантический аспект // Язык и культура в современном мире: теория, практика, инновации. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2023. С. 112–116.
3. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2001. 212 с.
4. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М.: Флинта, 2018. 224 с.
5. Кочетова Н.В. Компьютерный дискурс и формы интернет-коммуникации. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://esp-centr.sfedu.ru/documents_centra/Statii/Kochetova_stat'ya_.pdf (дата обращения 14.08.2024).

6. *Печенкина О.А.* Этика симулякров Жана Бодрийера: анализ постмодернистской рецепции этического: дис. ... канд. филол. наук. Тула: ТГПУ, 2006. 159 с.

7. *Попова Д.А.* Стратегии цифровой личности в жанре интернет-комментариев (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 1. С. 162–165.

8. *Самаричева А.И.* Англоязычное влияние на немецкий компьютерный дискурс // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. С. 71–74.

9. *Самтарова Н.А.* Особенности нетрадиционного словообразования в английском языке // Вестник современной науки. 2016. № 6. С. 111–114.

DIGITAL NEOLOGISMS OF ENGLISH DISCOURSE OF COMPUTER TECHNOLOGIES

V.V. Katermina, S.E. Guseva

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the features of digital neologisms in the English discourse of computer technologies. The material of the study are neologisms of the English language taken from lexicographic sources using the continuous sampling technique. The article notes that in the modern world the study of the role of information technologies and new discursive practices of social interaction is of particular importance.

Key words: digitalization, discourse of computer technology, axiological dominant, neologism, metaphor.

УДК 81`42

НЕОЛОГИЗМЫ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ КНИЖНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА)

Н.В. Козлова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена определению такого понятия, как книжные неологизмы в современном книжном медийном дискурсе на матери. Рассматриваемые нами неологизмы классифицируются по семантико-прагматическому признаку и объединяются в группы непосредственно книжных и окологнижных неологизмов.

Ключевые слова: неологизмы, книжные неологизмы, книжный блогинг, классификация неологизмов, книжный медийный дискурс.

Современный мир меняется ежедневно, и язык как знаковая система, отражающая его наиболее полно, тоже подвержен постоянным изменениям. Одним из таковых изменений является возникновение всё большего числа неологизмов в различных сферах нашей жизни. Так, неологизмы «отражают изменение коллективного сознания, передают специфику познавательной деятельности и установок современного человека, являются зримым носителем общественных ценностей и отражением индивидуальных особенностей мышления своих создателей» [2, с. 3].

Для данного исследования была выбрана сфера книжного медийного дискурса, так как в настоящее время чтение книг находится на волне популярности: в социальных сетях можно найти значительное количество книжных блогов различной направленности, где сами блогеры и их подписчики делятся своим мнением о прочитанном и составляют книжные рекомендации. «Массовый (непрофессиональный) медиадискурс о современной литературно-художественной книге становится объектом лингвистических исследований как языковое пространство, в котором наблюдаются активные процессы развития медиаречи, которую можно отнести к инструментам онлайн-взаимодействия в области культуры» [3, с. 78]. Неудивительно, что возрастающий интерес к чтению и коллекционированию книг послужил предпосылкой к появлению целого ряда тематических неологизмов.

Под книжными неологизмами в данном исследовании мы понимаем новые лексические единицы, возникшие в книжном медийном дискурсе и служащие для описания такого понятия, как книжный блогинг, процессов его внутреннего взаимодействия, коммуникации с другими участниками книжного медийного дискурса, а также способов воздействия на читателей со стороны книжных блогеров, авторов и издательств.

Книжные неологизмы отличаются ассоциативностью и образностью.

Данные неологизмы можно классифицировать по их семантико-прагматической характеристике. Так, мы выделяем околокнижные и непосредственно книжные группы неологизмов.

Рассмотрим сначала околокнижную группу. Мы определяем околокнижные неологизмы как группу новых лексических единиц, описывающих или характеризующих процесс чтения и его освещение в социальных сетях. Например, слова *Bookstagram*, *Booktok*, *Booktube* служат для определения сообщества книголюбов на таких информационных площадках, как Instagram, TikTok и YouTube соответственно.

К этой же группе неологизмов можно отнести и следующие слова: *bookstagrammer*, *booktokker*, *booktuber*, которые используют для обозначения книжных блогеров на соответствующих площадках.

Далее рассмотрим неологизмы, описывающие процесс чтения и обзора книжного контента. Например, в англоязычном сегменте Букстаграма набирают популярность эстетичные фото своих книжных полок – *shelfie* (“*a picture or portrait of your bookshelf*”).

Следующее популярное понятие – это обсуждение книги. *Book talk* – “*what is spoken with the intent to convince someone to read a book*”. В отличие от обзора или рецензии на книгу обсуждение не предполагает глубокого анализа текста и сюжета и ставит своей целью убедить читателей прочитать определённую книгу посредством обсуждения её основных достоинств.

Такой неологизм, как *book tag*, или *книжный тэг*, не соответствует своему прямому переводу (книжный ярлык) и в книжном блогинге означает подборку книг, субъективно выбранных читателем и соответствующих заданной тематике книжного тэга. На просторах социальных сетей можно встретить такие тэги, как *Dance book tag*, *Alphabet book tag*, *Colour book tag* и так далее.

Далее рассмотрим непосредственно книжные неологизмы. Под этим термином мы имеем в виду новые лексические единицы, характеризующие физические книги, нюансы их оформления и издания, жанры, поджанры и сюжетные тропы.

Книжно-издательское дело растёт и развивается каждый день, предложение опережает спрос, поэтому крупные издательства и авторы привлекают потенциальных читателей не столько содержанием, сколько внешними характеристиками книги. Например, не так давно появился новый вид обложек *soft touch cover* – специальное эластичное резиноподобное матовое покрытие (“*a special kind of plastic, with a velvety matte surface resembling soft rubber*”).

Эволюция книжных жанров также породила множество сопутствующих неологизмов. Среди них мы выделяем наиболее популярные сейчас жанры и поджанры: *sports romance*, *new adult*, *new romance*, *dark romance*, *dark fantasy*, *romantasy*, *steampunk*, *domestic thriller*. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Жанр любовного романа обрёл различные поджанры, например, действие произведений в жанре *new romance* разворачиваются в наше время, в мире высоких технологий, а герои чаще всего сосредоточены на своей работе и построении карьеры (“*a subgenre of Romance literature that generally focuses on the romantic relationships between characters set in the current time. These stories, often set against the backdrop of today’s fast-paced, technology-driven world, weave tales of love and passion that reflect modern-day experiences*”).

Сюжет спортивного романа – *sports romance* – строится вокруг спортсменов и/или других людей, имеющих непосредственное отношение к спорту (“*a genre that includes subgenres such as football romance, hockey romance, baseball romance, and more. These books often revolve around the romantic relationships between athletes, coaches, and other individuals involved in sports. The stories may highlight the challenges and obstacles faced by athletes, as well as the passion and dedication required to succeed in their respective sports*”). Сегодня этот поджанр особенно популярен.

Следующий жанр стимпанк (*steampunk*) является разновидностью жанра научной фантастики, где события альтернативной истории развиваются в

псевдовикторианскую эпоху (“*a subgenre of speculative fiction, usually set in an anachronistic Victorian or quasi-Victorian alternate history setting*”). Книги, написанные в этом жанре, часто совмещают в себе научные или псевдонаучные эксперименты, технический прогресс и элементы детектива.

Изменение времени и места действия в стимпанке породило несколько новых поджанров с говорящими названиями:

1) средневековый стимпанк – *medieval steampunk* (“*speculative fiction set during the Middle Ages*”);

2) вестерн-стимпанк – *western steampunk* (“*science fiction set in the American Old West*”);

3) индустриальный стимпанк – *industrial steampunk* (“*science fiction taking place in the late industrial age, early modern age; i.e. World War 1, World War 2*”).

В лингвистике понятие троп характеризуется как «оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении в целях достижения большей художественной выразительности» [4]. Однако в нашем исследовании мы используем данный термин в качестве узнаваемого сюжетного хода, типичного для книг того или иного жанра. Среди популярных сюжетных тропов выделяют *slow burn romance*, *zero to hero*, *enemies to lovers* и другие.

Так, *slow burn* подразумевает крайне медленное развитие романтических отношений между героями (“*a fanfiction genre in which the characters that are romantically shipped take a very long time to get together*”).

Термин *zero to hero* состоит из двух компонентов и тем самым говорит сам за себя. Для данного тропа характерна трансформация персонажа из слабого, часто беспомощного человека в сильного и бесстрашного героя, значимую для сюжета фигуру.

Троп *enemies to lovers* (от врагов к возлюбленным) также не требует пояснений. Чаще всего он встречается в таких жанрах, как любовный роман и ромфант.

В данном исследовании приведена лишь малая часть книжных неологизмов, количество которых пополняется ежедневно. Мы ставили своей целью сделать обзор существующих неологизмов в сфере книжного блогинга и создать их классификацию по семантико-прагматическому аспекту. Проведя исследование, мы видим, что книжный блогинг – это быстрорастущая сфера человеческой коммуникации, которая не только способствует возникновению новых лексических единиц, но и популяризирует чтение художественной литературы.

Список литературы

1. Катермина В.В. Аксиология неологизмов с колоративным компонентом (на материале онлайн-словарей) / В.В. Катермина, С.Х. Липириди // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 79–90. DOI 10.18522/1995-0640-2023-1-79-90. EDN WZXQEW.
2. Липириди С.Х. Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар: КубГУ, 2021. 28 с.
3. Пескишев Г.А. Специфика дискурса о современной литературно-художественной книге в новых медиа: прагмастилистический аспект книжного блогинга / Г.А. Пескишев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 3. С. 77–86. EDN XGVJIB.
4. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.

Источники

Видеохостинг YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/> (дата обращения 10.07.2024).

Онлайн-словарь молодёжных слов и фраз англоязычного сленга Urban Dictionary. Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 10.07.2024).

NEOLOGISMS AND THEIR CLASSIFICATION (ON ENGLISH NEOLOGISMS OF THE BOOK MEDIA DISCOURSE)

N.V. Kozlova

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the definition of such a concept as book neologisms in the modern book media discourse on the mother. The neologisms we are considering are classified according to semantic and pragmatic criteria and are divided into groups of bookish and book-related neologisms.

Key words: neologisms, book neologisms, book blogging, classification of neologisms, book media discourse.

РОЛЬ КОРПУСНОГО МЕНЕДЖЕРА В АНАЛИЗЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ТЕКСТАХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОРПУСА CNN)

Е.А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Статья посвящена рассмотрению возможностей программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» для нахождения и анализа употребления имен собственных в текстах электронных СМИ. В ходе исследования были изучены технические параметры анализируемых имен собственных, а также описаны функциональные особенности авторского корпуса. В результате анализа был сформирован ряд алгоритмов поиска имен собственных в заданном лингвистическом корпусе.

Ключевые слова: цифровая экономика, прикладная лингвистика, корпусный менеджер, имя собственное, лингвистический корпус, английский язык.

Одним из центральных направлений прикладной лингвистики в современной научной парадигме являются корпусные исследования языковых явлений. Актуальность выбранной темы обусловлена стратегическими целями развития Российской Федерации на период до 2030 г. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 ««О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»³, перед современным российским обществом стоят задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Среди цифровых технологий важную роль играет искусственный интеллект, одной из функций которого является обработка естественного языка (Natural Language Processing – NLP). Внедрение такого рода цифровых технологий в лингвистические исследования значительно сокращает долю ручного труда при отборе и разметке материала, что в свою очередь повышает уровень автоматизации всех связанных с обработкой естественного языка процессов. Вслед за А.И. Горожановым мы полагаем, что в связи с вышеизложенным «возникает естественная потребность в построении функционального лингвистического корпуса в полностью автоматическом режиме хотя бы для того, чтобы протестировать выбранные параметры и быстро изменить их при необходимости» [8, p. 197].

³ <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

Автоматический поиск языковых явлений уже становился предметом исследований. Например, в монографии «Методы компьютерной и корпусной лингвистики для решения задач эмоционального анализа интернет-текстов» [6] освещаются вопросы применения в лингвистике ряда сквозных технологий, приведенных в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», таких, как технологии хранения и анализа больших данных, искусственный интеллект, в том числе описываются дискриминантные черты эмоциональных и нейтральных текстов. К числу языковых явлений, которые представляют сложность для автоматического (программного) обнаружения, относятся различные сверхсловные единицы. На примере индоевропейских языков (английский язык и немецкий язык) ранее был предложен набор универсальных алгоритмов поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой [8].

Вопросы, связанные с именами собственными, в основном, затрагивались с точки зрения лингвокультурологии [2], художественной литературы [1; 5]. Лишь единичные работы, касающиеся имен собственных, выполнены на материале текстов СМИ [4], однако не затрагивают вопросы автоматической обработки содержания.

Цель данного прикладного исследования – протестировать потенциал программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» [7] на эффективность работы с именами собственными (ИС или PropN) в текстах электронных СМИ англоязычного корпуса CNN (Cable News Network)⁴.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить функциональные особенности и параметры анализируемого корпуса;
- 2) охарактеризовать лингвистический корпус;
- 3) произвести автоматическую выгрузку частей речи из корпуса новостных текстов CNN;
- 4) рассмотреть основные алгоритмы поиска имен собственных средствами авторского корпусного менеджера;
- 5) установить погрешность при поиске имен собственных в корпусе CNN;
- 6) предложить набор рекомендаций по алгоритмам поиска обозначенных имен собственных средствами авторского корпусного менеджера.

На первом этапе были описаны параметры заданного корпуса и материал исследования. Материалом исследования послужил сбалансированный лингвистический корпус текстов онлайн-версии англоязычного новостного ресурса CNN объемом 1 007 342 токена или 38 365 предложений, собранный в период с июня по июль 2024 г. Отбор материала производился по новостным заголовкам (breaking news) с главной страницы новостного ресурса. В качестве технического инструмента исследования выступило упомянутое выше

⁴ <https://edition.cnn.com/>

программное обеспечение для генерации лингвистического корпуса и соответствующий корпусный менеджер, которые были разработаны в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета.

Следующим шагом исследования явилась автоматическая выгрузка частей речи из корпуса новостных текстов CNN, в ходе которой корпусный менеджер идентифицировал 13 806 имен собственных (PropN). Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, имя собственное – это «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект»⁵.

Как видно из определения, имя собственное может представлять собой как одному лексему, так и состоять из нескольких единиц. С технической точки зрения, имя собственное может состоять из одного и более компонентов, что представляет определенные трудности при выработке алгоритмов поиска. В рамках настоящего исследования важна «техническая» классификация, которая позволит построить оптимальные универсальные алгоритмы поиска различных имен собственных в корпусах текстов на английском и других языках.

При тестировании программного обеспечения были предложены различные варианты запроса. Наиболее «простым» оказался запрос по обычной последовательности списка имен собственных, которые состоят из одной лексемы. Такая процедура поиска имен собственных позволила выделить список наиболее и наименее употребляемых имен собственных, которые, в свою очередь, являются маркерами наиболее и наименее релевантных тем для текущего состояния американского общества, например: Israel (1140), Hamas (1031), Trump (882), Biden (644), China (567).

Более сложными для обнаружения являются имена собственные, которые состоят из нескольких компонентов. Например, корпусным менеджером было обнаружены отдельные словоупотребления токенов New (535) и York (361). Применение данного алгоритма поиска также допускает определенный процент погрешности. Так, корпусным менеджером в список имен собственных были включены такие слова и словосочетания, как October (517), Thursday (320), Al (246), I*m (328), It*s (115), year*s (109), I*ve (99) и т. д. (знак астериска здесь заменяет апостроф). Поиск заданных имен собственных показывает очень низкую погрешность, величина которой составляет 7 %.

Из данного наблюдения вытекает вывод о том, что многокомпонентные имена собственные не распознаются системой как единое целое, что осложняет задачу для пользователя корпусного менеджера. В этой связи интересным представляется специальный ручной запрос (РЗС), который призван находить последовательности токенов в корпусе, по заданным параметрам, которые имеются в базе данных. Например, для поиска последовательности имен

⁵ Собственное имя. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/articles/138/sobstvennoe-inya.htm>

собственных Royal Spanish Football Federation, которое состоит из четырех компонентов валиден следующий запрос: tokenpos='PropN'#4. Данный алгоритм поиска позволяет обнаруживать многокомпонентные имена собственные, состоящие из двух и более компонентов, запрос для которых будет производиться по аналогичной схеме, например: tokenpos='PropN'#5, tokenpos='PropN'#6 и т.д.

Таким образом, для повышения скорости работы программы была разработана модель двухступенчатого поиска: 1) поиск по одному заданному компоненту 2) поиск многокомпонентных имен собственных при помощи РСЗ. На заключительном этапе алгоритмы прошли апробацию, по результатам которой мы можем заключить, что они не показывают технических сбоев и достаточно верно выявляют заданные имена собственные при условии грамотного составления поискового запроса пользователем. Максимальная погрешность составила 7%. В практическом отношении результаты исследования могут быть полезны при интерпретации текста, а также при анализе идиостиля автора. В качестве перспектив исследования можно рассматривать составление банка данных имен собственных на основе частотного списка, а также формирования списка «стоп-слов» для уменьшения погрешности.

Список литературы

1. *Барамыкова Г.М.* Ономастикон литературного произведения и способы его передачи в художественном переводе (на материале романа Т. Пратчетта «Творцы заклинаний») / Г.М. Барамыкова // Казанская наука. 2023. № 12. С. 380–382.
2. *Боровикова Н.В.* Имя собственное как знак в языке и речи / Н.В. Боровикова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 13–19.
3. *Горожанов А.И.* Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) / А.И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 132–138.
4. *Кириллова Е.Д.* Когнитивные механизмы метафоры и метонимии в СМИ на примере имен собственных // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1(54). С. 180–183.
5. *Лабунец Н.В.* Лингвосемиотика имени собственного в романе С.В. Лукьяненко «Ночной Дозор» / Н.В. Лабунец, Д.Е. Эртнер, Е.Н. Эртнер // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 3. С. 9–30.
6. Методы компьютерной и корпусной лингвистики для решения задач эмоционального анализа интернет-текстов: Монография / А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, А.В. Маликова, Л.А. Кушко. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 215 с.
7. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209 Российская Федерация. «Генератор сбалансированного

лингвистического корпуса и корпусный менеджер»: № 2023682269: заявл. 25.10.2023: опубл. 03.11.2023 / А.И. Горожанов; заявитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». EDN JHFXUV.

8. *Gorozhanov A.I.* Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research / A.I. Gorozhanov, I.A. Guseynova, D.V. Stepanova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. № 1. P. 195–210.

THE ROLE OF THE CORPUS MANAGER IN ANALYZING THE USE OF PROPER NAMES IN ELECTRONIC MEDIA TEXTS (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH-SPEAKING CNN CORPUS)

E.A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article is devoted to the possibilities of the software package “Balanced linguistic corpus generator and corpus manager” for finding and analyzing the use of proper names in electronic media texts. In the course of the study, the technical parameters of the analyzed proper names were studied, as well as the functional features of the author’s corpus were described. As a result of the analysis, a number of algorithms for searching proper names in a given linguistic corpus were formed.

Key words: digital economy, applied linguistics, corpus manager, proper name, linguistic corpus, English language.

УДК 37.016:811.111

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т.Ф. Лимарева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена проблемам методики профессионально-ориентированного совершенствования фонетической стороны речи будущих учителей иностранного языка. В статье рассматриваются основные подходы к обучению иностранному произношению, средства повышения мотивации студентов и активизации их работоспособности на занятиях на примере вводно-фонетического курса английского языка на факультете РГФ Кубанского государственного университета.

Ключевые слова: вводно-фонетический курс, методика преподавания, фонетические навыки, компетенция, произносительная норма, мотивация.

В связи с реализацией принципа коммуникативности в обучении иностранным языкам проблемы овладения фонетическими и фонологическими

навыками приобретают особую актуальность. Настоящая статья посвящена проблемам методики профессионально-ориентированного совершенствования фонетической стороны речи будущих учителей иностранного языка.

На сегодняшний день профессия учителя, в частности учителя иностранного языка, является одной из наиболее востребованных в России. Совершенствование профессионально-направленного обучения иностранному языку на педагогических отделениях вузов предполагает осуществление учителем профессиональной научно-методической деятельности на уровне, соответствующем требованиям ФГОС. Это неизменно ведет к повышению качества подготовки студентов-будущих учителей, повышению требований к компетенциям, которыми они должны обладать. Формирование фонетического уровня языковой компетенции, а именно развитие фонетических навыков является весьма актуальной задачей.

Фонетическая сторона речи является одной из важных профессионально-значимых характеристик учителя. Чтобы эффективно обучать фонетике учитель должен владеть фонетической стороной речи не только на коммуникативном уровне, как средством общения, но и на более высоком коммуникативно-обучающем уровне.

Методика обучения иностранному произношению будущих учителей требует нового подхода к содержанию, способам и приемам обучения фонетике. Содержание обучения английскому произношению должно способствовать формированию системных фонетических представлений и развитию у студентов-педагогов иноязычной произносительной коммуникативной способности [1].

В связи с этим необходимо отметить возрастающую значимость вводно-фонетического курса при профессионально-ориентированном обучении студентов. Цель вводно-фонетического курса – сформировать в течение первого семестра 1 курса прочные основы фонологической компетенции студентов.

В методике обучения иностранному произношению выделяют, в основном, три подхода к обучению: акустический, артикуляционный и дифференцированный. При акустическом (имитативном) подходе основным приемом обучения является повторение звуков на слух, попытка их имитации. В качестве звукового образца обычно выступают звуки, слова, фразы, произнесенные преподавателем или записанные диктором. К недостаткам этого метода относится то, что он не учитывает индивидуальных способностей студентов к восприятию и имитации звуков, уровень развития речевого слуха и аутентичность фонетического материала [3]. Преимуществом акустического подхода является интенсивность обучения, которая отвечает требованиям вводно-фонетического курса. Многие современные ученые небезосновательно считают, что имитация необходима для развития слухо-произносительных навыков [4].

Артикуляторный подход основан на принципе сознательности, на знании фонетических правил, что способствует более качественному формированию

произносительных навыков. По мнению И.А. Грузинской, основоположника этого подхода, обучение иностранному произношению следует начинать с постановки звуков, тщательной отработки принципиального аллофона каждой фонемы, затем всех методов транзисии в контексте слога и слова. При этом подходе большое внимание уделяется положению и движению органов речи, графическому изображению артикуляторов. Преподаватель объясняет положение органов речи с референцией на артикуляционные схемы. Студенты, в свою очередь, пытаются фиксировать органы речи в нужном положении с помощью зеркал или работая в парах. Следующий этап – это отработка звуков в системе фонетических упражнений. Большим плюсом данного подхода является учет внутриязыковой и межязыковой интерференции [2].

На основе акустического и артикуляционного подходов разработан дифференцированный подход (Щукин называет его аналитико-имитативным), который соединил в себе преимущества двух первых. Как и в акустическом подходе работа со звуком начинается с аудирования. Далее преподавателем предлагается описание артикуляции звука, с указанием активного органа речи и места образования преграды (в случае согласных звуков), однако в отличие от артикуляционного подхода объяснение менее теоретизировано и часто сопровождается визуализацией работы артикуляторов (различные рисунки, артикуляционные схемы и таблицы, например, таблица кардинальных гласных Д. Джоунза или таблица звуков английского языка А. Андерхилла). К несомненным достоинствам этого подхода к развитию слухо-произносительных навыков относится установление графемно-фонемных соответствий и использование транскрипции. В рамках дифференцированного подхода предлагается система фонетических и фонологических упражнений, основанных на сравнительном анализе фонетического состава родного и иностранного языков.

Все описанные выше подходы имеют общий фактор – многократное повторение звука в упражнениях репетитивного характера и заучивание правил положений органов речевого аппарата при произнесении того или иного звука. Такая работа на протяжении более двух месяцев (обычная длительность вводно-фонетического курса) часто оказывает отрицательное влияние на мотивацию изучения английского произношения и английского языка в целом, что может даже привести к изменению образовательных интересов первокурсников.

Вводно-фонетический курс для будущих учителей на факультете романо-германской филологии Кубанского государственного университета направление Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) предполагает целый набор мотивационных средств для профессионально-ориентированного обучения произносительным навыкам английского языка.

Новые звуки вводятся в фонологических парах (например, t-d, v-w или e-Ә), тем самым сразу обозначается оппозиция звуков, которая доступно объясняется диктором/преподавателем, и визуально подкрепляется схемой артикуляционного аппарата с обозначением положения и движения активных

органов речи. Упражнения на отработку вводимых звуков построены на принципе дистрибуции – в совокупности позиций и окружений, в которых этот элемент встречается в языке на фонологическом и морфологическом уровне. Таким образом происходит закрепление смыслоразличительных признаков звуков (аллофонов фонем) в фонологических оппозициях.

На следующем этапе каждый звук отрабатывается на предложении (в большинстве случаев это скороговорка), что отвечает требованию симультативности – одновременного обучения сегментного и супraseгментного уровней с целью коррекции и улучшения артикуляции английских звуков на основе просодических характеристик речи.

Если упражнения первой части урока носят имитационный и репетитивный характер, то вторая часть урока построена с учетом принципа ситуативности, т. е. представления фонетического элемента в речевых ситуациях, в ситуациях реального общения. Для развития коммуникативной компетенции будущих педагогов метод симуляции имеет большую мотивационную значимость.

Неоспоримым преимуществом данного вводно-коррективного курса является его социокультурная информативность. Во время работы над произносительной стороной речи в каждом уроке предлагаются английские реалии (лимерики, рифмовки, загадки), элементы быта, общественной жизни, что, несомненно, способствует формированию социокультурной компетенции студента. Все упражнения в данном разделе носят репродуктивный и продуктивный характер.

В рамках занятий по вводно-коррективному курсу используются различные формы совместной деятельности студентов: парные, командные, групповые. В каждом уроке присутствует диалог на изучаемые звуки, который студенты заучивают и разыгрывают на занятии. Интерактивность является мощным мотивационным средством, управляющим социально-прагматическим аспектом произносительной стороны говорения.

Эффективность анализируемого вводно-фонетического курса существенно повышается за счет:

- включения профессионально-ориентированного диагностирования – студенты выявляют фонетических/фонологические ошибки своих товарищей по группе;
- корректирования и выработки фонетических навыков студентов – осмысление причин ошибок с опорой на фонетические знания о типичных ошибках русскоговорящих, изучающих английский язык;
- профессиональной ориентации – у студентов-будущих педагогов формируются методические умения, которые обеспечат успешное обучение фонетической стороне речи в их будущей профессиональной деятельности в школе.

Несмотря на все преимущества рассматриваемого курса остаются актуальными поиски более продуктивных методов обучения произносительным

нормам английского языка для будущих профессионалов, а также способов повышения мотивации студентов.

Список литературы

1. *Зиньковская А.В., Андреас Е.А.* Профессионально-ориентированное обучение произношению на специальных факультетах ВУЗов. – Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития. Краснодар: КубГУ, 2021. С. 30–36.

2. *Соловова Е.Н.* Обучение иностранным языкам: базовый курс: пособие для студентов педагогических вузов и учителей. М.: Просвещение, 2005. 239 с.

3. *Щукин А.Н.* Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М.: ИКАР, 2011. 454 с.

4. *Jones R.* Beyond Listen and Repeat: Pronunciation Teaching Materials and Theories of Second Language Acquisition // *Methodology in Language Teaching: An Anthology of Current Practice.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 178–187.

PHONETIC SKILLS ACQUISITION OF FUTURE TEACHERS OF ENGLISH

T.F. Limareva

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to methods of teaching phonetics to students-future teachers of English. Different ways of enhancing motivation of first-year students during the Introductory Course of Phonetics are being discussed on the example of the course practiced at Teachers Training Department in Kuban State University.

Key words: introductory course of phonetics, methods of teaching, phonetic skills, competence, pronunciation norm, motivation.

УДК 81'373.43:61=111

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С.Х. Липириди

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются неологизмы, которые возникают в медицинской терминологии. Повышение в обществе интереса к темам, связанным с медициной и здоровьем, обусловлено актуальной тенденцией рассматривать физическое, душевное и социальное благополучие как базовую потребность человека. Медицинская наука находится в постоянном развитии,

происходит обмен профессиональным опытом между странами. Неологизация языка является одним из актуальных способов пополнения и расширения его лексики. Язык медицины также претерпевает существенные изменения: часть слов уходит из употребления, но одновременно происходит и обновление лексики.

Ключевые слова: неологизм, медицинский дискурс, новые слова, дискурс, здоровье.

Язык функционирует в обществе, которое закономерно развивается, эволюционирует и поэтому постоянно нуждается в языковой поддержке и отражении изменений, а значит так или иначе стимулирует языковые процессы. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований. Обогащение номинативного фонда современной лексики связано с внутриязыковыми процессами – потребностью в совершенствовании средств языкового обозначения, эмоционально-экспрессивным обновлением словаря, тенденцией к экономии, системностью языковых единиц [1].

Неология, наука о порождении новых слов и выражений – одно из наиболее перспективных направлений лингвистики на данный момент. Предмет неологии обладает перманентной актуальностью, так как создание неологизмов происходит постоянно. «Возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [4, с. 51].

Современную стадию развития неологии отличает ряд особенностей, отражающих динамическое развитие данного направления лингвистических исследований. По мнению В.М. Избицкой, изучение неологизмов должно отражать соотношение постоянно изменяющейся, демократизирующейся нормы и узуса в современном языке [2].

А.В. Самойлова отмечает, что неологизмами считаются «новые лексические единицы, которые появляются в языке ввиду в первую очередь общественного спроса для обозначения новых объектов или феноменов» [6].

Формирование неологизмов в сетевой среде – плодотворная лексическая трансформация, наиболее ярко отображающая специфику адаптации языка к культурным и социальным новшествам. Неологизмы «отражают изменения коллективного сознания, передают специфику познавательной деятельности и установок современного человека, являются зримым носителем общественных ценностей и отражением индивидуальных особенностей мышления своих создателей» [5, с. 3].

В контексте современной жизни здоровье воспринимается как одна из важнейших ценностей отдельного человека и общества в целом, поэтому медицинский дискурс играет сегодня особую роль в культуре. Повышение в

обществе интереса к медицинской проблематике, стремление обмениваться актуальными как теоретическими, так и практическими знаниями и рекомендациями в сфере медицины, профилактики заболеваний и здорового образа жизни связано с укрепляющейся сегодня тенденцией рассматривать физическое, психологическое и социальное благополучие как важнейшую жизненную ценность. Появление новых заболеваний, таких, как COVID-19, широкое распространение аллергии и стресса, рост числа людей, страдающих от психологических проблем, вызванных разными обстоятельствами глобального мира, способствовало усилению потребности человека и общества в медицинской информации, в понимании причин возникающих со здоровьем проблем, поэтому медицинский дискурс стал играть особую роль в современной культуре.

Медицинский дискурс начал изучаться в США и Европе в 60–70-х годах прошлого столетия, где он рассматривался в ряду других антропологических направлений науки. В рамках медицинского дискурса, относящегося к институциональным дискурсам, в зависимости от цели коммуникации, выделяют несколько подтипов. К их числу относятся, на наш взгляд, научный медицинский дискурс, врачебный дискурс, учебно-академический медицинский дискурс, научно-популярный медицинский дискурс и рекламный медицинский дискурс.

Всего несколько десятилетий понадобилось для того, чтобы произошел качественный скачок в медицине и ее технологиях, после чего в лечении больных стало особое внимание уделяться гигиене и профилактике, в сферу диагностики были включены бактериологические данные, была признана необходимость учитывать и корректировать происходящие в организме человека как физиологические, так и психологические процессы. В результате медицина распалась на множество специализаций, направлений, практик, требующих особой, профильно-экспертной подготовки, сформировались разные подходы к здоровью человека, диагностике и лечению заболеваний.

Обратимся к анализу медицинской лексики на примере репрезентативной выборки единиц онлайн-словарей Urban Dictionary [8] и Cambridge Dictionary [7], WordSpy [9].

Нередко медицина включает элементы психотерапии, предоставляя возможность пациентам выразить эмоции, а врачам – возможность моделировать эмоциональное состояние пациентов. Сегодня все чаще и чаще в программах реабилитации и восстановления встречается термин – иппотерапия (лечебная верховая езда), в английском же языке появился такой неологизм как *“equine therapist”* (a practitioner of a therapy involving horses in which people with psychological conditions ease their trauma by connecting with the horse and performing simple tasks with them [Cam] – практикующий терапию с участием лошадей, в ходе которой люди с психологическими расстройствами облегчают свою травму, общаясь с лошастью и выполняя с ней простые задания). Конная терапия берет свое начало еще в Древней Греции, когда

Гиппократ писал о верховой езде как о терапевтической форме физических упражнений.

Число случаев **“autumn sneezing syndrome”** (*an allergy caused by pollen that people are most likely to suffer from during autumn [Urb]* – аллергия, вызванная пылью, от которой люди чаще всего страдают осенью) растет, и все большее число случаев связывают с приступом аллергического ринита, более известного как сенная лихорадка. Это заболевание, также известное как аллергический ринит, вызвано аллергической реакцией, но симптомы этого заболевания часто могут быть похожи на симптомы обычной простуды, что затрудняет людям проведение различия между этими двумя заболеваниями.

Синдром **“VEXAS”** (*an autoimmune disease that causes inflammation in the body and mostly affects men [Word]* – аутоиммунное заболевание, вызывающее воспаление в организме и поражающее в основном мужчин), который ученые обнаружили в 2020 году, вызывает болезненную сыпь и воспаление в кровеносных сосудах, легких, суставах и коже. VEXAS – это аббревиатура, которая обозначает ключевые характеристики синдрома. Как известно, в настоящее время стандартизированного лечения VEXAS не существует, однако воспалительные процессы можно лечить стероидами и другими иммунодепрессантами.

Организм человека содержит различные вирусы, называемые в совокупности «виромом» (**“virome”** – *all of the viruses that live in the human body considered together; a part of the human microbiome [Urb]* – все вирусы, которые живут в организме человека, рассматриваемые вместе; часть микробиома человека), численность таких микроорганизмов характеризуется большой сложностью и неоднородностью. Виром человека постоянно обновляется за счет быстрого эволюционирования и поступления вирусов из окружающей среды. Вирусы, формируя виром человека, представляют собой весьма обширный и недостаточно изученный компонент человеческого микро-биома (**“microbiome”** – *all of the trillions of microbes that live in the human body considered together [Urb]* – совокупность всех триллионов микробов, живущих в организме человека, если рассматривать их вместе).

Распространение пандемии коронавируса привело к кардинальному изменению специфики общественных взаимоотношений во всем мире. Вызванные пандемией перемены стали доминирующим фактором эволюции социума – приспособление человечества к взрывному росту заболеваемости и карантинному режиму стало движущей силой социокультурных трансформаций «коронавирусной эпохи» [Катермина, Липириди Лексика пандемии...].

Спровоцированный пандемией временный коллапс глобальной культуры потребления вызвал целый ряд неологизмов, посвященных ковидной эпохи: **vaccine hunter** – *someone who uses the internet to look for and organize covid-19 vaccination appointments on behalf of other people who cannot do this themselves [Urb]* – тот, кто использует Интернет для поиска и организации назначений на вакцинацию против covid-19 от имени других людей, которые не могут

сделать это самостоятельно; **coronasomnia** – *the condition of being unable to sleep because of anxiety related to the coronavirus pandemic [Cam]* – состояние, при котором человек не может заснуть из-за беспокойства, связанного с пандемией коронавируса; **Novid** – *someone who has never had the Covid-19 virus [Urb]* – тот, кто никогда не болел вирусом Covid-19; **immunity debt** – *the situation where people have been avoiding exposure to the Covid-19 virus and have therefore not developed immunity to other viruses, causing larger, more serious outbreaks of illness later [Urb]* – ситуация, когда люди избегают контакта с вирусом Covid-19 и, следовательно, не вырабатывают иммунитет к другим вирусам, что впоследствии приводит к более крупным и серьезным вспышкам заболеваний; **re-entry anxiety** – *a feeling of stress or worry about returning to normal life after the restrictions caused by COVID-19 [Word]* – чувство стресса или беспокойства по поводу возвращения к нормальной жизни после ограничений, вызванных COVID-19.

На фоне нарастающего страха перед четвертой волной Covid, охватившей людей по всей Индии, появился новый вирус гриппа, который поражает маленьких детей. Беспокойство родителей за здоровье своих детей заставляет медицинских работников и правительство проявлять бдительность и принять профилактические меры для сдерживания распространения. Данный грипп в английском языке получил название **“tomato flu”** (*an infectious disease found in children that usually causes red blisters to form on the skin [Cam]* – инфекционное заболевание, которое встречается у детей и обычно вызывает образование красных волдырей на коже). Самым заметным симптомом стали крупные нарывы размером с помидор – отсюда название «томатный грипп». Томатный грипп поражает в основном детей в возрасте до пяти лет. Несмотря на то, что власти заявляют, что он не представляет угрозы, слухи все еще ходят.

12 февраля 2024 года стало известно, что умер первый пациент от редкого среди людей вируса аляскинской оспы (**“Alaskapox”** – *a virus, discovered in Alaska, that is passed between mammals and occasionally affects humans [Urb]* – вирус, обнаруженный на Аляске, который передается от млекопитающих и иногда поражает людей). Он передается от мелких млекопитающих и обычно протекает без осложнений. Известно, что данный вирус впервые был обнаружен в 2015 году на Аляске. Тогда врачи определили, что пациент был заражен вирусом оспы, но каким именно видом, понять не смогли.

Поднятие тяжестей – это вид физической активности, который может быть полезен для организма и который нравится многим людям. В настоящее время наблюдается большой рост мужчин, страдающих от бигорексии (**“bigorexia”** – *a mental illness in which a person feels physically inadequate and continually wants to improve body muscle [Urb]* – психическое заболевание, при котором человек чувствует себя физически неполноценным и постоянно хочет улучшить мышечную массу тела). Слово «бигорексия» происходит от латинского “vigor” (сила) и “orexis” (голод), поэтому дословно его можно перевести как “голод по силе”. Оно используется для обозначения

психологического состояния, вызванного измененным восприятием своего тела, которое заставляет человека видеть физические недостатки там, где их нет или они несущественны. Бигорексия – мужская версия анорексии. Пока девушки худеют до истощения, парни качаются до одури, превращаясь в несчастных красавцев, зависимых от образа собственного тела.

Проведённый анализ показал, в связи с бурным развитием науки медицинская терминология пополняется неологизмами. Особенностью современной неологизации медицинского языка является появление сразу группы однокоренных слов. Это свидетельствует о живых процессах не только в языке медицины, но и в языке в целом.

Лексические инновации в языке современной медицины создаются не только мышлением и сознанием ученых, но и их эмоциями, соответствующими определенной коммуникативно-экологической среде. Язык медицины включает в свою терминологию и эмоциональные обозначения, основанные на метафоризации и олицетворении, выполняющие когнитивно-эмотивную функцию. Сфера медицинского дискурса находится под пристальным вниманием исследователей. Мы видим, что неологизмы медицинского дискурса отражают изменения общественного сознания, в частности становление новых норм и ценностей, которые призваны помочь преодолеть различные проблемы со здоровьем.

Список литературы

1. *Алексеева Е.В.* Адъективные новообразования в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2011. 24 с.

2. *Избицкая М.В.* Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дис. ... канд. филол. наук. Иваново: Тверской гос. ун-т, 2020. 214 с.

3. *Катермина В.В., Липуриди С.Х.* Лексика пандемии коронавируса как отражение эволюции социума // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 95–105. DOI 10.29025/2079-6021-2022-1-95-105.

4. *Катермина В.В., Липуриди С.Х.* Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: КубГУ, 2021. 230 с.

5. *Липуриди С.Х.* Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2021. 28 с.

6. *Самойлова А.В.* Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов // Язык и социум: динамика взаимоотношений: монография / Под редакцией В.В. Катерминой. Краснодар: КубГУ, 2022. С. 194–212.

7. Cambridge Dictionaries Online. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionaryblog.cambridge.org> (дата обращения 03.07.2024).

8. UrbanDictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 03.07.2024).

9. WordSpy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения 03.07.2024).

NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH MEDICAL TERMINOLOGY

S.Ch. Lipiridi

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the neologisms that arise in medical terminology. The increase in public interest in topics related to medicine and health is due to the current tendency to consider physical, mental and social well-being as a basic human need. Medical science is in constant development, and professional experience is being exchanged between countries. Neologization of a language is one of the most relevant ways to replenish and expand its vocabulary. The language of medicine is also undergoing significant changes: some words are falling out of use, but at the same time vocabulary is being updated.

Key words: neologism, medical discourse, new words, discourse, health.

УДК 81'23:82-3

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

К.Г. Мартиросян

*Ереванский государственный университет языков и социальных наук им.
В.Я. Брюсова*

Сдержанность чеховских героев зачастую связана не только с их интеллигентностью, но и мужеством. В аксиологии писателя отчётливо наблюдается два противоположных полюса. Отрицательный полюс, как и полагается юмористу-сатирику, выражен более явственно – женоподобный мужчина и мужеподобная женщина. Вопрос мужества и его отсутствия писатель, очевидно, считал в своей аксиологии первостепенным, настолько важным, что мог стать бескомпромиссным.

Ключевые слова: А.П. Чехов, гендерная проблематика, аллюзия, реминисценция, ономастика, гиперболизация, гротеск.

Гендерные проблемы в художественном наследии А.П. Чехова – тема, проигнорированная как современниками писателя, так и советскими критиками. Между тем без учёта гендерной проблематики мы многое теряем при выявлении авторской позиции, которая в зрелом творчестве А.П. Чехова, как правило, тщательно завуалирована. Это упущение было восполнено в

последние два-три десятилетия в интереснейших трудах Р. Назирова, А. Кубасова, Р. Шубина.

На сегодня, когда изжит гиперкосмополитизм 1990-ых, вновь стало актуальным воспитание в учащихся мужества, стойкости, готовности отстаивать нравственные ценности. И в этом плане замечательным подспорьем могут быть тексты Чехова, его полемические выпады против современников по гендерным вопросам, которые зачастую высказываются не напрямую, но таятся в целом ряде аллюзий и реминисценций, а порой – в ономастике и топонимии.

Так, к примеру, при изучении чеховского рассказа «Контрабас и флейта» (1885) симпатии учащихся, как правило, на стороне флейты, которая, на первый взгляд, более интеллигентная: регулярно моется душистым мылом, Тургенева читает... Однако при более глубоком изучении чеховского наследия, при обращении к дневникам, письмам писателя выясняется, что Антону Павловичу ближе контрабасист, нежели флейтист.

Сохранилась дарственная надпись на книге: «Флейте Иваненко от литературного контрабаса в день ангела. А. Чехов» (П. XII, 145). По мнению А. Кубасова, «если «перевести» надпись с условного эзотерического языка скрытого канона на обычный, то она бы должна звучать примерно так: Идеалисту и недотепе Иваненко от скептика Чехова» [7, с. 36]. Однако, на наш взгляд, помимо идеализма и скептицизма, здесь важно отметить также масштабы личностей: Чехов к этому времени уже успел стать академиком и признанным корифеем русской словесности, в то время как у А. Иваненко единственный ценный труд – сочинение: «Инвентарь при имени Чехова в с. Мелихове» [10]. И, пожалуй, самое главное качество контрабаса, предопределившее идентификацию автора со своим персонажем, – мужество. Контрабас в лицо высказывает флейтисту свои претензии, когда остаётся с ним наедине, в то время как флейта злословила своего приятеля у него за спиной. Как тонко заметил Р. Шубин [14, с. 268], на фонетическом уровне мужество контрабаса выражается в обилии взрывного звука Б при его описаниях: «Каждую субботу контрабас завивался, надевал галстук бантом и уходил куда-то глядеть богатых невест» (С. IV, 192). Говорит он «глухим басом» с неизменными обращениями «батенька», «накажи меня, Бог». В то время как в изображении флейтиста Ивана Матвеича неоднократно повторяются губно-губной (билабиальный) «в» и мягкий «л»: «Иван же Матвеич изображает из себя маленького, тощего человечка. Ходит он только на цыпочках, говорит жидким тенорком и во всех своих поступках старается показать человека деликатного, воспитанного» (С. IV, 190–191).

В 1882 г. под псевдонимом «человек без селезёнки» молодой Антоша издал свой отзыв на постановку пьесы Шекспира «Гамлет» на сцене Пушкинского театра. Игру Иванова-Козельского он раскритиковал за отсутствие силы и мужества. «Все первое действие г. Иванов-Козельский прохныкал. Гамлет не умел хныкать. Слезы мужчины дороги, а Гамлета и подавно; и на сцене нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Иванов-Козельский сильно испугался тени, так сильно, что даже его жалко стало. Он

сжевал и скомкал во рту все обращение к отцу. Гамлет был нерешительным человеком, но не был трусом, тем более что он уже готов был к встрече с тенью» (С. XVI, 21).

По свидетельству матери писателя – Евгении Яковлевны, Антоша ни разу в жизни не заплакал (хотя в гимназические годы отец не раз сёк его ремнём). В 1904 г. доктор Чехов, зная, что ему остались считанные дни жизни, уезжает в Баденвейлер – подальше от близких. Перед смертью он попросит бокал шампанского, выпив, произнесёт: «Ich sterbe» (я умираю – нем.), повернётся к стене и умрёт без вдохов.

К. Станиславский предупреждал актёров, что героев Чехова не следует переигрывать, поскольку они отличаются сдержанностью. Эту сдержанность критики объясняют тем, что герои Чехова интеллигентны. Однако очевидно, что помимо интеллигентности, сдержанность у героев Чехова может диктоваться и мужеством.

Женские персонажи Чехова в своей речи более склонны к превосходной степени. Такова, к примеру речь чеховской «попрыгуньи». Ольга Ивановна так передаёт историю своего замужества: «Я всю ночь проплакала и *влюбилась адски* (курсив наш – К. М.) И вот, как видите, стала супругой» (С. VIII, 8). В связи с этим любопытное наблюдение принадлежит А. Кубасову: «Можно ведь было сказать – “стала женой”, но автором не случайно выбрано другое слово, тонко намекающее на будущее поведение героини» [7, с. 121].

Образ главной героини Ольги Ивановны сопряжён с архетипом стрекозы: подчёркнуто её кружение по городу, пение: «Она пела, играла на рояли, писала красками, лепила, участвовала в любительских спектаклях, но всё это не как-нибудь, а с талантом...» (С. VIII, 9). Узнав, что она не единственная любовница Рябовского, Ольга Ивановна «чувствовала себя уж не Ольгой Ивановной и не художницей, а маленькою козявкой» (С. VIII, 9). В отличие от басни И.А. Крылова, у Чехова «муравей» приютил «стрекозу», и он же погибает. На первый взгляд, все симпатии автора на стороне молодого учёного – талантливого, трудолюбивого. Однако авторской иронией пронизана и речь Дымова: «Кушай рябчика. Ты проголодалась, бедняжка» – предлагает обманутый муж жене после того, как она изменила ему с художником Рябовским («Рябушей» – как его называет Ольга Ивановна). Эта деталь, замеченная А. Кубасовым, свидетельствует о многомерности чеховских персонажей: талантливый учёный может быть весьма непроницательным супругом.

Сложным, неоднозначным отношением автора отмечены и главные герои в рассказе «Дама с собачкой» (1898). По поводу этого рассказа 16 января 1900 г. Лев Толстой записал в дневнике: «Читал “Даму с собачкой” Чехова. Это всё Ницше». Владимир Набоков заметил в качестве отличительного достоинства Толстого то, что он «шёл к истине напролом» [8, с. 227]. Когда к истине идут напролом, из поля зрения выпадают детали. Детали, без которых нам не понять Чехова. Обратившись к чеховскому тексту, увидим, что в поведении главной героини нет «дионисийских настроений». Сила Анны

Сергеевны в её слабости: она плачет после своего «падения», ей всё кажется, что Гуров уже презирает её. В описании же супруги Гурова ненавязчиво даются противоположные черты, свидетельствующие о недостатке женственности: «считал её недалёкой, узкой, неизящной, боялся её...». Ещё более завуалирован недостаток мужества в Дидерице – супруге Анны Сергеевны. Неграмотный швейцар в гостинице произносит его фамилию как Дрыдыриц, открывая богатое поле звуко-символических ассоциаций для филологов. По мнению Р. Шубина, «“Дрыдыриц” – это не только насмешка, призванная унижить персонажа (мужа-лакея) и “перевернуть” его пол» [15, с. 252]. «Дырой» в разговорном русском языке могут именоваться и серая провинция, и беспросветное, безнадежное положение. Как отмечает Р. Шубин, наличие в немецкой фамилии Дидериц двух артиклей: женского *die* и мужского *der*, – является намёком на андрогинное, двуполое начало в супруге Анны Сергеевны. Последний тезис является полемичным, поскольку схожей фамилией обладало реальное, невымышленное лицо – австрийский издатель А.П. Чехова Дидерикс. Впрочем, быть может, перед нами ещё один пример того, как «текст говорит больше того, что хотел сказать автор» [1, с. 414].

Отражение маскулинных и феминных признаков более выпукло представлено в ономастическом поле рассказа «В пансионе» (1886). Учитель Дырявин для того, чтобы добиться прибавки к жалованию, непомерно льстит директору частного пансиона г-же Жевузем (в пер. с фр. «я вас люблю»). «Он деэстетизирует символы, заданные Жевузем, “прекрасный греческий нос” называя “ноздрями”, красавиц называя белужьей харей и т.д.» [14, с. 265]. В противовес учителю Дырявину гимназистка Пальцева ведёт себя с достоинством, не робеет перед директором (отсюда и маскулинное начало в её фамилии). А поносящего перед Жевузем учителя своего (который мысленно восклицает о своей ученице «пальчики обсосёшь») она и вовсе не замечает, «глядит через голову Дырявина в окно». И если мы вспомним самооценку Дырявина, уверенного что он для героини – серое скучное воспоминание, от которого ничего не останется, мы поймём, что юмор А.П. Чехова соприкасается с экзистенциальными проблемами.

Перевернутость маскулинных и феминных признаков у мужских и женских персонажей достигает гиперболизации в рассказах «Тина» (1886) и «Страх» (1892).

Рассказ «Тина» большинство современных Чехову критиков назвали «непонятным». Корреспондент «Русского вестника» К.П. Медведский после издания рассказа вопрошал: «Но при чём тут тина? Что было неотразимо обаятельного и чарующего в еврейке? Каким волшебством отрывала она мужей от жён и женихов от невест?» (С. V, 669).

Между тем очевидно, что автор отнюдь не собирался делать свою героиню по-женски обаятельной. Сокольскому изначально не нравится и Сусанна, и её имя, и приторный запах жасмина в комнатах. Почему молодой офицер, браво звенящий шпорами, предпочёл подчиниться изворотливой купчихе? Чехов избегает прямых ответов и оценок, он освещает

взаимоотношения полов, оставляя место загадке. Но очевидно, что и в этом рассказе женское и мужское начало оказались перевернутыми – настолько, что библейским именем Сусанна наделена молодая соотечественница героини из книги «Книги Даниила», способная на насилие в отношении мужчины (между тем как в Библии Сусанна является символом высшего целомудрия, готовности умереть, защищая свою честь от шантажа и насилия). Вопрос К. Медведского не уместен ещё и потому, что в русском языке слово «тина» никак не ассоциируется с «обаянием», гораздо ближе к семантическому полю заглавия «нечистота, грязь, трясина».

Мужеподобную героиню «Тины» дополняет женоподобный персонаж другого чеховского рассказа – «Страх». Главный герой Дмитрий Петрович Силин из числа тех «философствующих» западников, которые любят изливать свою душу без остатка. В своём самобичевании он признаётся рассказчику: «Я, голубчик, не понимаю и боюсь жизни...Мне всё страшно...Ну, коли на то пошло, то скажу вам по секрету: моя счастливая семейная жизнь – одно только печальное недоразумение и я боюсь её» (С. VIII, 139). О прототипе Дмитрия Петровича в литературоведении говорить не принято, однако, на наш взгляд, в его признаниях, поведении отчётливо отразились черты одного из идеологов русского символизма Дмитрия Сергеевича Мережковского.

Дружба А.П. Чехова с супружеской четой Мережковских началась с 1888 г., когда последний на правах мэтра высоко оценил рассказы молодого писателя. В 1891 г. Чехов вместе с Д. Мережковским и З. Гиппиус отдыхает в Италии. В письме из Венеции он пишет о неумеренном восторге Мережковского культурой Венеции, намекает на его порывы принять католичество. «Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошёл от восторга. Русскому человеку, бедному и униженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться, а когда стоишь в церкви и слушаешь орган, то хочется принять католичество» (П. IV, 202).

Охлаждение между Чеховым и Мережковскими начинается сразу после европейского турне. После появления в печати чеховского рассказа «Страх» эти отношения приняли характер холодной войны. «Гиппиус не принадлежала к числу явных недоброжелателей Чехова. Однако античеховские настроения свойственны и ей. <...> “Нормальность” Чехова осознаётся Гиппиус как ущербность...<...> для нее гениальность и “нормальность” – “две вещи несовместимые”» [6, с. 178–182].

В Венеции Чехов показался чете Мережковских ироничным, холодным к великой культуре, хотя письма Чехова из Италии говорят об обратном. Налицо разница темпераментов: неумеренные восторги Мережковского, постоянная превосходная степень в его речи вызывают насмешки сдержанного Чехова. А в 1892 г. в своём намерении развенчать философию автора «Грядущего хама» Чехов не одинок. «Красивой, но пустой» называл философию Мережковского В. Розанов. На недостаток смелости в его поведении, мировоззрении указывали Ф. Сологуб и А. Белый: «Г-н Мережковский боится свободы в её историческом,

сегодняшнем воплощении» [11, с. 139]; «... тащивший “налево” Д.С. Мережковский пугался меня в девятьсот уже пятом как “левого”» [3, с. 270].

В воспоминаниях современников запечатлено также умение Зинаиды Гиппиус подчинить супруга, укротить его одним-единственным словом. Достаточно, по словам А. Белого одной её реплики: «Да тише ты, Дмитририй!», – для того, чтобы во время публичной лекции «он тут же ослаб, ставши маленькой бляшкой» [3, с. 267]. Во время его речи «свесилась слабая кисть, зажимавшая дамскими пальчиками тёмно-карие тело сигары с дымком сладковатым» (речь идёт о руке Дмитрия Мережковского – *К. М.*).

Замечание З. Гиппиус о всеобщей любви к Д. Мережковскому в доме («всех «наших» очаровал» [3, с. 267]) выглядят полемически заострёнными против чеховского текста: «... была ко мне совершенно равнодушна...она сказала мне: “Я вас не люблю, но буду вам верна”... Я люблю её теперь так же сильно, как в первый день свадьбы, а она, мне кажется, по-прежнему равнодушна...» (С. VIII, 132–133).

З. Гиппиус вспоминает, что после венчания «Дм. С. ушёл к себе в гостиницу довольно рано, а я легла спать и забыла, что замужем. Да, так забыла, что на другое утро едва вспомнила, когда мама, через дверь, мне крикнула: «Ты еще спишь, а уж муж пришёл! Вставай!» [5, с. 33]. Данный отрывок из воспоминаний Гиппиус весьма напоминает литературные мистификации, однако, если и считать его правдивым, говорит скорее не о романтизме, а о сибирских холодах между новобрачными.

В героине «Страха» отразились черты З. Гиппиус. У неё, как и у «сатанессы» мистического кружка, русые густые брови и волосы: «...я заметил, что у неё золотистые брови, чудные брови, каких я раньше никогда не видел...Мысль, что я могу <...> касаться замечательных волос» (С. VIII, 136). Сравним, как описывал внешность З. Гиппиус И. Бунин: «Удивительной худобы, ангел в белоснежном одеянии и с золотистыми распущенными волосами, вдоль обнаженных рук которого падало до самого полу что-то вроде не то рукавов, не то крыльев» [4, с. 247].

Героиня Чехова играет на фортепьяно в отсутствии супруга (Д. Мережковский был совершенно равнодушен к музыке). А после игры они проводят ночь вместе. Дальнейшее описание – гипербола на грани гротеска. Обманутый муж на утро, застав их вместе восклицает: «Мне, вероятно, на роду написано ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю вас. У меня темно в глазах» (С. VIII, 138). Ещё одна деталь, не замеченная критикой: спившийся дворянин-конюх «сорок мучеников» – двойник Силина, который выдумывает себе страдания, выставляет себя в образе мученика, постоянно унижается до потери мужского достоинства сначала перед невестой, затем перед молодой женой.

Для чего А.П. Чехов, известный своей чуткостью и деликатностью, сохранил имя своего прототипа – Дмитрий? Не потому ли что вопрос мужества и его отсутствия писатель считал в своей аксиологии первостепенным,

настолько важным, что мог стать бескомпромиссным. И чем, как не отсутствием мужества объяснить поступок Дмитрия Мережковского: его речь по радио в 1939 г., в которой он «сравнил фюрера с... Жанной д'Арк, высказав убеждение, что тот призван стать спасителем мира от власти большевистского дьявола. <...> Потом, правда, Дмитрий Сергеевич опомнился и уже ничего подобного не говорил. Но эмигранты эскападу Мережковскому не простили...» [12]. Чехов не любил делать политических прогнозов, но он как никто другой замечал фальшь, несоответствие между высоким пафосом и реальными поступками.

А самый гротескный в ряду женоподобных героев А.П. Чехова является анонимным. История пастора и его невесты в рассказе «В море», первая редакция которого была опубликована в 1883 г., выглядит, на первый взгляд, полупорнографической. Однако рассказ этот написан отнюдь не ради праздной забавы. Р. Назировым отмечена его полемическая заострённость против романа Виктора Гюго «Труженики моря». «Через три года (после юморески Антоши Ч. «Тысяча и одна страсть, или Страшная ночь» с посвящением В. Гюго – прим. К. М.) Чехов предпринял попытку более серьёзной критики патриарха французских романтиков – критику уже не стиля Гюго, а его философско-эстетических концепций» [9, с. 49]. Внимательное чтение позволило Назирову заметить, что чета молодожёнов в чеховском рассказе «представляет собой Эбenezера и Дерюшетту в ином контексте» [9, с. 51]. И действительно внешность героев взята из романа Гюго: «Новобрачный, молодой пастор с красивой белокурой головой <...> Новобрачная, молодая, стройная, очень красивая, сидела рядом с мужем и не отрывала своих голубых глаз от его белокурой головы» (С. II, 269).

В ранней редакции чеховского рассказа содержался и прямая аллюзия на объект пародии: на корабле раздавался «громкий, пьяный смех тружеников моря». В романе Гюго Жильят, несмотря на проделанный титанический труд, остаётся ни с чем, а молодой пастор без особого напряжения увозит с собой на яхте красавицу Дерюшетту. В критической литературе неоднократно отмечалось, что Жильят у Гюго символизирует народ, а народ не может быть счастлив в любви. Помимо этого, развитие сюжета у Гюго сопрягается с евангельскими архетипами Марфы и Марии (блаженной оказывается Мария, которая слушает Христа, а не Марфа, которая не жалеет усилий для угощения). Служение пастора оказывается выше титанического труда, проделанного Жильятом. Обе эти трактовки по понятным причинам не удовлетворяли Чехова. Во-первых, он, внук крепостного крестьянина (любивший повторять о себе: «моего деда на конюшне секли») выбился в люди благодаря титаническому трудолюбию. Во-вторых, Жильят отличился не только трудолюбием, но и мужеством, без оружия сразившись с огромным осьминогом. Возможно, для Чехова подвиг мужества был важнее трудового.

А кроме того, есть в романе Гюго ещё одна щепетильная деталь. Дерюшетта, нарушившая своё обещание (взять в супруги спасителя «Дюранды») и пастор спокойненько принимают женское бельё от Жильята, на

котором рукой его матери написано: «Твоей невесте, когда ты женишься». Вот этого сибаритства и отсутствия деликатности Антон Павлович, пожалуй, самый деликатный из русских классиков, простить им не мог. В 1883 г., когда писалась первая редакция рассказа, Чехов ярко выраженный натуралист, в творчестве которого влияние Гоголя наиболее значимо. Неприятие выбора Дерюшеты могло быть подсказано и «Женитьбой» Гоголя, героиня которой мечтает: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась». А Чехов мог бы добавить: «Если бы к фейсу и кудрям Эбenezера Кодрэ прибавить яхту и постельное белье Жильята...».

И наконец, с христианской точки зрения (а в христианстве Чехов разбирался не хуже своих оппонентов) писатель видит, что Жильят отказался от своей мечты, находясь в двух шагах от её исполнения. Ради своей возлюбленной он вырвал своё сердце, и говорить о превосходстве Эбenezера Корде над Жильятом могут лишь «попрыгуньи», привыкшие жить чужими трудами.

Всё это нам подсказывает, что не жестокость к своим героям двигала пером Чехова, а полемическая заострённость против романа В. Гюго (точнее, против современных Гюго критиков романа). Быть информированным означает быть защищённым. В нашем случае – защищённым от стереотипов: от обвинений Чехова в сексизме, холодности, жестокости. Полноценные и эффективные уроки по творчеству Чехова невозможны без преодоления этих стереотипов. К примеру, порой можно встретить сетования представительниц прекрасного пола на то, что в рассказе «Который из трёх» (1882) Чехов сравнивает молодую девушку с «гадиной», что в юмореске «О женщинах» (1886) весьма нелестно отзывается о дамах.

И здесь на помощь преподавателю должен прийти диалектический подход. Рассказ «Который из трёх» – один из ранних. В годы учебы на медицинском факультете Чехов штудировал учение об эволюции Ч. Дарвина, «Экспериментальную философию» Чезаре Ламброзо, статью Э. Золя «Экспериментальный роман». Он верит, что писатель может и должен пользоваться методами точных и естественных наук. В связи с этим примечательно замечание М. М. Бахтина о предельной отстранённости автора-натуралиста от героя. По словам литературоведа, авторитетность и твёрдость позиции автора при подобном раскладе определяется «его глубокою внутреннею непричастностью изображаемому миру, тем, что этот мир как бы ценностно мёртв для него..., а герой – предмет эстетической активности (другой субъект) начинает приближаться к объекту познания» [2, с. 169]. Творческий метод писателя-натуралиста, по словам М. Бахтина, близок к естественнонаучному методу учёного. При этом сам художник занимает позицию врача, исследующего больного. Бахтин говорил по этому поводу и о такой крайне форме натурализма, когда автор – доктор, герой-человек – больное животное.

Таким образом, сравнение героини с животным продиктовано не презрением или высокомерным отношением к женскому полу (у Чехова есть также рассказ «Двое в одном», в котором с представителями Фауны сравнивается герой-мужчина), а методологией натурализма. И последний «неотразимый» аргумент обиженных на Чехова прекрасных дам его юмореска «О женщинах»: «Отечеству женщина не приносит никакой пользы. Она не ходит на войну, не переписывает бумаг, не строит железных дорог, а запирая от мужа графинчик с водкой, способствует уменьшению акцизных сборов.

Короче, она лукава, болтлива, суетна, лжива, лицемерна, корыстолюбива, бездарна, легкомысленна, зла... Только одно и симпатично в ней, а именно то, что она производит на свет таких милых, грациозных и ужасно умных душек, как мужчины...» (С. V, 165).

Однако эта юмореска говорит не о сексизме, а об антисексизме Чехова. Ведь она была написана как пародия на изданную Сувориным книгу вице-директора горного департамента К. Скальковского, в которой автор, ссылаясь на противников женского образования и женской эмансипации Э. Гартмана, А. Шопенгауэра, Г. Спенсера, О. Конта, делал ряд выводов, высмеиваемых автором «Чайки».

А.П. Чехов не был сексистом, однако в отличие от наших современниц-«амазонок», пишущих на гендерные темы, его отличает иная картина мира: Чехов хотел бы видеть мужчину с яхтой, а даму – с собачкой, а не наоборот. Неприятие Чеховым «Тружеников моря» объясняется тем, что в романе Гюго яхта и молодая красавица достались не тому, кто совершил подвиг мужества.

В заключение отметим, что благодаря нетривиальной, философски и художественно выверенной подаче гендерной проблематики Чехов на сегодня самый актуальный и самый популярный писатель. Об этом свидетельствует язык армянской молодёжи. Выражения «клапан моего сердца» и «филоксера моей души» армянские кавалеры позаимствовали у Антона Павловича:

«В том, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то весёлое и лёгкое, как в лампадках и красных цветочках. Когда в заговенье или престольный праздник, который продолжался три дня сбывали мужикам протухлую солонину с таким тяжким запахом, что трудно было стоять около бочки, и принимали от пьяных в заклад косы, шапки, женины платки, когда в грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грех, казалось, сгустившись, уже туманом стоял в воздухе, тогда становилось как-то легче при мысли, что там, в доме, есть тихая, опрятная женщина, которой нет дела ни до солонины, ни до водки; милостыня её действовала в эти тягостные, туманные дни, как предохранительный клапан в машине» (С. X, 146). Эта цитата из повести «В овраге» (1902) – одного из последних произведений А.П. Чехова – свидетельствует о том, что вместо грубого натурализма Антоши Чехонте писатель в последние годы всё чаще прибегает к сентиментальным и романтическим ноткам. В последние годы жизни Чехов не стесняется показать

нежность и восхищение прекрасным полом – то, что в молодые годы прятал под напускной грубостью и развязностью.

Мы привыкли к тому, что гуманитарии любят говорить о «Достоевском-пророке», «Толстом-ясновидце». Чехова же с лёгкой руки Л. Шестова принято называть «безыдейным», убивающим надежды, а его произведения «творчеством из ничего» [13]. Однако разговоры об отсутствии системы ценностей у Чехова разбиваются наблюдениями над гендерной проблематикой в творчестве писателя. В его аксиологии отчётливо наблюдается два противоположных полюса. Отрицательный полюс, как и полагается юмористу-сатирику выражен более явственно – женоподобный мужчина и мужеподобная женщина.

Список литературы

1. *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. *Белый А.* Начало века. М.: Художественная литература, 1990. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0020.shtml (дата обращения 30.04.2024).
4. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.6. М.: Художественная литература, 1988. 719 с.
5. *Гиппиус-Мережковская З.* «Дмитрий Мережковский» // Серебряный век. Мемуары. М.: Известия, 1990. С. 15–110.
6. *Капустин Н.В.* З. Гиппиус о Чехове// Чеховиана: сб. статей. М.: Наука, 1990. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. 2007. С. 176–188.
7. *Кубасов А.В.* Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.
8. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. СПб: Азбука, 2016. С. 227.
9. *Назирова Р.Г.* Пародия Чехова и французская литература // Чеховиана: Чехов и Франция. М.: Наука, 1992. С. 48–56.
10. *Орлов Э.* В гостях у царя индийского // Нева. 2009. № 12. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2009/12/v-gostyah-u-czarya-midijjskogo.html> (дата обращения 30.04.2024).
11. *Сологуб Ф.* «О грядущем хаме Мережковского» // Мережковский: Pro et contra. СПб: РХГА, 2001. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/merezhkovskiy-d-s.html> (дата обращения 30.04.2024).
12. *Сыромятников Н.* Литераторы в эмиграции. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://zagadki-istorii.ru/sss-54.html> (дата обращения: 30.04.2024)

13. *Шестов Л.* Творчество из ничего (А. П. Чехов). [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.vehi.net/shestov/chehov.html> (дата обращения 30.04.2024).

14. *Шубин Р.В.* Подтекст Чехова (организация подтекста на субвербальном уровне) // Актуальные проблемы литературы и культуры. Вопросы филологии. Вып. 3. Часть I. Ереван: ЕГЛУ, 2008. С. 259–271.

15. *Шубин Р.* Об одной анаграмме в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой» // ActaPolono-Ruthenica. 2011. № 16. С. 241–252.

Источники

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М., Наука, 1974–1982. В круглых скобках указаны: С. – сочинения, П. – письма, римской цифрой – том, арабской – страница.

GENDER ISSUES AND ARTISTIC MEANS OF EXPRESSION IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV

K.G. Martirosyan

The reticence of Chekhov's heroes is often associated not only with their intelligence, but also with their courage. In the writer's axiology, two opposite poles are clearly observed. The negative pole, as befits a humorist-satirist, is expressed more clearly – an effeminate man and a masculine woman. The writer obviously considered the issue of courage and its absence to be paramount in his axiology, so important that he could become uncompromising.

Key words: A.P. Chekhov, gender issues, allusion, reminiscence, onomastics, hyperbolization, grotesque.

УДК 81'27:398.9=352.3

СПОСОБЫ ДЕШИФРОВКИ МАЙКОПСКОЙ ПЛИТЫ – ДРЕВНЕЙШЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА, ОБНАРУЖЕННОГО НА ТЕРРИТОРИИ АДЫГЕИ

С.Р. Муса

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена описанию и способам дешифровки древнейшего литературного памятника, найденного на территории современной Республики Адыгея. В статье подчеркивается, что майкопская плита является культурно-историческим наследием России.

Ключевые слова: литературный памятник, письменность, язык, речь, адыги, убыхи, абхазы, предки, древние люди.

В течение длительного исторического периода адыгам не удалось в полном объеме запечатлеть все языковые отражения познавательного и эмоционального опыта этноса в письменной форме. По мнению Дж. Коларуссо, «отсутствие письменности – естественное состояние языка. Создание системы письменности происходит параллельно с процессами большой урбанизации и развития. Существует несколько способов письма: логографическое, силлабическое и алфавитное. Логографическое письмо – такое, как у китайцев или древних египтян. В нём совершенно естественным образом каждый символ обозначает ментальную единицу или концепт. Силлабическое письмо – также естественно, потому что каждый символ, обозначающий согласный или гласный звук, соответствует относящейся к восприятию воспринимающей (перцепционной) единице речи – слогу. Алфавитный способ письма – немного таинственный, потому что ответы нашей нервной системы не достаточно быстры для того, чтобы распознавать отдельные поступающие согласные и гласные. В этот процесс должна быть вовлечена своего рода «параллельная обработка» [4].

Дж. Коларуссо считает, «Возможно, предки черкесов, убыхов и абхазцев владели древней системой письменности, но они её утратили, потому что эти народы были вовлечены в слишком большое количество войн. Возможно, они обладали системой письма, основанной на других древних языках, таких как древнегреческий язык или древнеперсидский и т.д. Совсем недавно я сотрудничал со знатоком классических языков Адриенном Мейером и историком искусства Дэвидом Сондерсом. Мы расшифровывали непонятные надписи, которые раньше было принято считать «чепухой», на некоторых древнегреческих вазах. Как оказалось, в большинстве случаев это были имена или фразы древнейших форм черкесского, убыхского, абхазского, грузинского, осетинского языков или языков родственных данным языкам. Таким образом, я думаю, что это и есть те самые древние засвидетельствованные формы этих языков (им больше чем 2 500 лет). Вполне возможно, что они отображают древние формы письменности, основанные на использовании греческих манускриптов» [4].

Одним из доказательств, указывающих на наличие у древних адыгов собственной письменности – тхыгъэ, служит работа католического архиепископа Султанийи (Солтание) и всего Востока Иоанн III, итальянского дипломата и полиглота Иоанна де Галонифонтибуса (XV в.). В своей «Книге познания мира» (1404г) он пишет: «Страна называемая Зикией или Черкесией расположена у подножья гор, на побережье Черного моря... Они имеют свой собственный язык и письменность» [5].

Ярким подтверждением гипотезы Дж. Коларуссо о том, что предпосылки появления письменности у адыгов были, а сама письменность под натиском военнизированных реалий жизни этноса то появлялась, то исчезала, является археологический памятник письменности, обнаруженный в современной Республике Адыгея в 1960 году на территории Коэщевского городища (соляного святилища). Майкопская плита – древнейший литературный

памятник носителей майкопской археологической или же еще более древней культуры. Предварительно датируется с середины 4 тыс. до н. э. по середину 3 тыс. до н. э. [3].

Данная плита изучалась академиками Е.И. Крупновым и Г.Ф. Турчаниновым. Г.Ф. Турчанинов успешно расшифровал надпись, используя абхазский язык, он также заявил об открытии ашуйского письма, которым по его мнению, пользовались далекие предки абхазо-адыгских народов. По мнению Г.Ф. Турчанинова, плита содержит следующий текст:

«Этот азегского царя Великого Марны потомок (сын) есть. Крепость Айя его собственность. Пагя из Хизы сюда выйдя в начале месяца сева в 21 году, соорудил (эту) крепость в стране скал, в золотоносной земле, в долине Паху» [3].

Вторая попытка расшифровки майкопской плиты принадлежит Н.Г. Ловпаче. Ученый предпринял попытки сопоставления с надписями на меотских таблетках, более поздней меотской археологической культуры, которые пока не позволили приблизиться к их расшифровке. Также он обнаружил свою версию перевода текста Майкопской плиты, используя реконструкцию древнеадыгского языка:

«Великий жрец Хебату, наместник бога касутава, 51-летний муж, придя в “сады”, построил город отпрыску царского дома Сапуле, младшему брату Арнувады. Тысячу рук (строителей), маталла и агари (граб) доставил правитель в город. В 25-й год хатама (процветания?) правитель освятил дворцовую крепость Маэ жертвой 21 овцы божеству зерна Хаяме, обпахав его» [3].

Считаем интересной версию расшифровки майкопской плиты исследователя из Карачаево-Черкесии З.И. Алиевой. Она пишет о том, что на плите идентифицируются знаки, визуальны идентичные скандинавским рунам. Р. Даур также считает, что в таблице соответствий знаков ашуйского письма (древне-абхазо-абаза-убыхского языков) и знаков письма Махошкучхо [2]. много соответствий знаков совпадающих с руническими, из различных рунических азбук и систем.

Опираясь на данные совпадения, З.И. Алиева предлагает собственную версию интерпретации расшифровки майкопской плиты:

«Место где течет река, во время когда был на реке лёд, была охота на лося в следствии которой он был убит. Во время охоты был ранен один воин/человек» [1].

В настоящее время Майкопская каменная плита находится в Санкт-Петербурге, в Российском этнографическом музее. Она свидетельствует о том, что общим предкам абхазско-адыгской группы народов уже в эпоху бронзы не чужда была письменная культура. Ценнейшая находка повествует о международных связях предков современных абхазо-адыгов с другими культурными центрами мира, в частности с древнейшей финикийской цивилизацией.

Список литературы

1. *Алиева З.И.* Дешифровка и рунические соответствия родовых тамг у абхазо-адыгских народов // Карачаево-Черкесия в социокультурном пространстве Кавказа: Сб. статей. Черкесск: Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при правительстве Карачаево-Черкесской республики, 2017. С. 253–255.
2. *Даур Р.И.* Черкесская каллиграфия. Мифоэпические алфавиты (абхазо-адыгская языковая семья). Майкоп: Адыгейское респ.кн. изд-во, 2009. 427 с.
3. *Джемакулова Б.М.* Георгий Федорович Турчанинов и его последнее интервью абхазскому телевидению о майкопской находке. Черкесск: Историческое научное общество Абхазии имени Г.А. Дзидзария, 2004. 33 с.
4. *Коларуссо Джон.* Интервью. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL:<https://aheku.net/news/interview/4877>) (дата обращения 26.07.2024).
5. *Tardy Lajos.* The Caucasian Peoples and thier neighbours in 1404. Т. 32 (1), Budapest: Acta Orientalia, 1978. 51 p.

THE MAIKOP PLATE DECIPHERMENT METHODS AS THE INVESTIGATION METHODS FOR THE MOST ANCIENT LITERARY MONUMENT DISCOVERED IN THE TERRITORY OF ADYGHEA

Saida R. Musa

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the most ancient literary monument decipherment and description methods found in the modern Adyghe Republic territory. The article emphasizes the Maikop plate to be the cultural and historical heritage of Russia.

Key words: literary monument, written language, language, speech, Adyghe people, Ubykh people, Abkhaz people, ancestors, ancient people.

УДК 81'42:004.8:342.843(73)''2024''

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ СГЕНЕРИРОВАННЫХ НЕЙРОСЕТЬЮ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ О ВЫБОРАХ

Н.Н. Оломская, Е.А. Юрова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Фейковые новости могут изменить ход голосования во время выборов и дискредитировать политиков. Намеренная дезинформация стала более возможной для создания благодаря технологиям искусственного интеллекта. В статье приводятся экспериментальные данные по сгенерированным фейковым и обычным новостям с общей тематикой грядущих выборов в США 2024.

Ключевые слова: политический дискурс, языковое манипулирование, искусственный интеллект (ИИ), нейросеть, выборы в США 2024, фейковые новости.

Как известно, 5 ноября 2024 года в США пройдут выборы президента. На данный момент в неофициальной гонке участвуют кандидат от Демократической партии Джо Байден и кандидат от Республиканской партии – Дональд Трамп. Кроме данных двух кандидатов в списке имеется еще один, незримый, – искусственный интеллект.

Нейросетевые технологии развиваются настолько быстро, что вопрос, повлияют ли они на выборы, уже не стоит. Многих интересует, насколько сильным это вмешательство окажется. Грядущие выборы будут происходить в эпоху искусственного интеллекта, когда использование чат-ботов, дипфейков, фальшивых голосовых записей и фейковых новостей набирает обороты.

Созданием фейковых новостей занимается робо-журналистика [5], которая становится наиболее актуальной, потому что не требует финансовых вложений. Быстрота генерации текста, невозможность отличить его от оригинала невооруженным глазом, все это позволяет увеличивать масштабы публикации контента.

Стоит отметить различие в трактовках фейковых новостей: фейковые новости – это не просто ложная или ошибочная информация, а дезинформация, распространенная намеренно и умышленно в целях манипуляции [1].

Некачественная, непроверенная и фальшивая информация может дискредитировать любого человека, но чаще всего она используется в сфере политики, чтобы повлиять на выбор и голоса избирателей. Человек идет на выборы, заранее осведомленный о проведенной избирательной кампании, но никто не может гарантировать, что эта «осведомленность» не состоит из ложной информации, внушаемой непроверенными СМИ и социальными сетями.

А.Ю. Пахомова разработала коммуникативную модель медиапотребления дезинформации, в которую входят следующие звенья: заказчик, адресант и адресат.

Заказчик является инициатором распространения дезинформации, преследующим цель, получения прибыли или дискредитации какой-либо персоны. Заказчик является опциональным звеном, его участие напрямую зависит от того смысла, который мы вкладываем в понятие «фейк» [3]. По данным лаборатории Касперского, фейковые новости могут быть рассмотрены с точки зрения наличия неверной информации. В первом случае фейковой новостью может быть намеренно запущенная ложная информация, преследующая цель манипулирования общественным мнением. Во втором – новость, содержащая неточные и непроверенные факты [2]. Таким образом, если фейк – это намеренная дезинформация, то заказчик присутствует, если ошибочные факты – нет.

Следующим звеном является адресант – автор и распространитель дезинформации [3]. В нашей работе мы рассматривает нейросети как адресантов фейковой информации.

В век технологий и Интернета любой человек может стать заказчиком,

адресантом и адресатом распространения дезинформации. Искусственный интеллект создает контент по запросу за считанные доли секунд. Алгоритмы нейросетей могут сделать текст, идентичный тому, который создал человек. Простота, доступность использования нейросетей позволяют запускать дезинформацию в общество и дискредитировать любого человека. Фейковая информация может воздействовать на каждого ввиду своей «натуральности», потому что она создана по подобию настоящих фактов.

В эмпирической части нашего исследования мы рассматриваем новости, опубликованные в период новой президентской кампании в США.

30 мая текущего года Нью-Йоркский суд признал Дональда Трампа виновным в финансовых махинациях [4], в связи с этим в СМИ поднимаются темы, сможет ли политик баллотироваться в президенты и повлияет ли это на мнение избирателей.

Рассмотрим эпизод новости, созданной на эту тему журналистами из газеты RT: “On Thursday, a unanimous decision from a 12-person jury declared Donald Trump guilty on 34 felony counts, which could see the former president sentenced to 136 years in prison. There’s just one catch: the notorious Orange Man will never spend a single night behind bars. The worst that will happen for the Republican presidential front runner is that he will enter the race with a criminal record”. («В четверг коллегия присяжных из 12 человек единогласным решением признала Дональда Трампа виновным по 34 пунктам обвинения в совершении тяжких преступлений, в результате чего бывший президент может быть приговорен к 136 годам тюремного заключения. Есть только одна загвоздка: печально известный Оранжевый человек [прозвище Дональда Трампа ввиду его чрезмерного использования автозагара] никогда не проведет ни одной ночи за решеткой. Самое худшее, что может случиться с кандидатом в президенты от республиканцев, – это то, что он вступит в предвыборную гонку с криминальным прошлым».).

Мы сделали запрос в две текстовые нейросети: ChatGPT и LeChat. Наше сообщение выглядело следующим образом: “Generate the text by these keywords: Donald Trump, Thursday, 12-person jury, 34 felony counts, criminal record, no jail, enter the race, elections 2024”. («Сгенерируй текст по ключевым словам: Дональд Трамп, четверг, 12 присяжных заседателей, 34 пункта обвинения, криминальное прошлое, никакой тюрьмы, вступать в гонку, выборы 2024»). Ключевые слова мы выделили из оригинального текста новости, приведенного выше.

Мы получили сгенерированный ChatGPT текст: “On Thursday, a 12-person jury delivered a stunning blow to Donald Trump, finding him guilty on 34 felony counts. Despite this criminal record, Trump managed to avoid jail time. However, his chances of entering the race for the 2024 elections now seem slim, as his legal troubles cast a shadow over any potential political comeback. The verdict has left many wondering about the future of the controversial former president”.

«В четверг присяжные из 12 человек нанесли ошеломляющий удар по Дональду Трампу, признав его виновным по 34 пунктам уголовного обвинения. Несмотря на это уголовное прошлое, Трампу удалось избежать тюремного

заклучения. Однако его шансы на участие в предвыборной гонке 2024 года теперь кажутся ничтожными, поскольку его проблемы с законом бросают тень на любое возможное политическое возвращение. Вердикт заставил многих задуматься о будущем президента в отставке, вызывающего споры».

Нейросеть ChatGPT практически передала смысл исходной новости. Информация о том, что Дональд Трамп «никогда не проведет ни одной ночи за решеткой», оказалась также отражена в тексте: “Trump managed to avoid jail time” («Трампу удалось избежать тюремного заключения»). В сгенерированной новости сказано, что шансы на участие в предвыборной гонке у Дональда Трампа теперь минимизируются; в оригинале говорилось, что политик все еще имеет право баллотироваться в президенты.

LeChat также «написал» текст. Отмечаем, что данная нейросеть генерирует тексты большого размера в отличие от ChatGPT, который выдает ответ в виде одного небольшого абзаца. Приведем фрагмент ответа LeChat, в котором сконцентрирована основная идея: “In a stunning turn of events, former President Donald Trump was found guilty on Thursday by a 12-person jury on 34 felony counts, including charges of fraud, conspiracy, and obstruction of justice. The verdict, which was delivered after a highly publicized trial, has sent shockwaves through the political world and has raised serious questions about Trump's future political ambitions.

Despite the gravity of the charges against him, Trump will not be facing any jail time. Instead, he has been ordered to pay a hefty fine and to perform a significant amount of community service.

While the lack of jail time has been met with relief by Trump’s supporters, it has also raised concerns about the fairness of the justice system. Many people have pointed out that if a regular citizen had been found guilty of the same charges, they would almost certainly be facing a lengthy prison sentence”.

(«В результате ошеломляющего поворота событий Дональд Трамп, президент в отставке, был признан виновным в четверг присяжными из 12 человек по 34 пунктам уголовного обвинения, включая обвинения в мошенничестве, заговоре и препятствовании правосудию. Вердикт, который был вынесен после получившего широкую огласку судебного процесса, вызвал шок в политическом мире и поднял серьезные вопросы о будущих политических амбициях Трампа.

Несмотря на тяжесть выдвинутых против него обвинений, Трампу не грозит тюремный срок. Вместо этого ему было предписано выплатить крупный штраф и выполнить значительный объем общественных работ.

Хотя сторонники Трампа с облегчением восприняли отсутствие тюремного заключения, это также вызвало беспокойство по поводу справедливости системы правосудия. Многие люди отмечали, что, если бы обычный гражданин был признан виновным по тем же обвинениям, ему почти наверняка грозил бы длительный тюремный срок»).

Большая часть информации, написанная данной нейросетью – общие фразы и «додуманные» ситуации. Ни в оригинальном тексте, ни в ключевых

словах не было информации об общественных работах и выплате крупного штрафа. Обеспокоенность по поводу справедливости системы правосудия также не фигурировала в официальном варианте новости. Нейросеть также сравнила наказание Дональда Трампа с гипотетическим тюремным сроком обычного гражданина.

По результатам исследования мы приходим к выводу, что более «натуральной» новостью может быть текст, сгенерированный ChatGPT. Данная нейросеть создала практически идентичный текст по ключевым словам из оригинального. Информация, созданная искусственным интеллектом, выглядит очень правдоподобно, так как нейросети обучаются на большом массиве данных, созданных человеком. Мы предполагаем, что в ближайшее время возможности отличить оригинальную новость от искусственно созданной не представится возможным без специальной экспертизы. Подобного рода контент может использоваться как оружие пропаганды и дискредитации, так как он легко создается и доступен каждому.

Список литературы

1. *Галяшина Е.И., Никишин В.Д., Богатырев К.М. [и др.] Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа*. М.: Проспект, 2022. 144 с.
2. Как распознать фейковые новости [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/how-to-identify-fake-news> (дата обращения 22.05.2024).
3. *Пахомова А.Ю.* К вопросу о типологии медиапотребления дезинформации // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. №2 (47). С. 63–69.
4. Что означает обвинительный вердикт Дональду Трампу [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/05/2024/6659090f9a7947e647f42cdc> (дата обращения 31.05.2024).
5. *Newman N.* Journalism, Media and Technology Trends and Predictions 2019. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2019. 46 p.

Источники

The Democrats just sealed Donald Trump's victory in November [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.rt.com/news/598583-democrats--donald-trump-victory/> (дата обращения 31.05.2024).

THE MANIPULATIVE ASPECT OF THE FAKE ELECTION NEWS GENERATED BY THE NEURAL NETWORK

N.N. Olomsкая, E.A. Yurova

Kuban State University, Krasnodar

Fake news can change the course of voting during elections and bring discredit to politicians. Intentional misinformation has become more possible to create thanks to artificial intelligence technologies. The article provides experimental data on generated fake and ordinary news with a common theme of the upcoming US elections in 2024.

Key words: political discourse, linguistic manipulation, artificial intelligence (AI), neural network, elections in the USA 2024, fake news.

УДК 81`33

ОЦЕНКА КОНТЕКСТОВ ЛОКАЦИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА РОМАНА Э.М. РЕМАРКА «ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО»)

О.И. Писарик

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Статья посвящена проблеме формирования оценки контекстов некоторых локаций в романе Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего». Рассмотрено девять наиболее частотных топонимов. В результате показано, что повторяющиеся леммы, за исключением общеупотребительных и служебных слов, встречаются редко, однако, лексемы, повторяющиеся 2-4 раза, можно считать маркерами идентичности. Предполагается, что метод будет более эффективен для анализа публицистических текстов, где языковое разнообразие менее выражено, чем в художественной литературе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, художественная литература, Э.М. Ремарк, роман «Возлюби ближнего своего», интерпретация текста, немецкий язык.

В данной работе мы ставим перед собой цель с помощью корпусного эксперимента сформировать оценку контекстов, в которых упоминаются обозначения некоторых локаций (наименований стран и городов), в романе Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего» (нем. “Liebe deinen Nächsten”). Материалом исследования служит *сбалансированный лингвистический корпус* [3] оригинального текста указанного романа размером 137 926 токенов (14 068 предложений).

Методологическую базу исследования образуют труды Е.О. Опариной [6], В.В. Катерминой, А.А. Гнедаш [4], А.И. Горожанова, И.А. Гусейновой [1; 9], Е.Ф. Косиченко [5], Е.А. Красиковой [2], посвященные исследованиям

различных аспектов употребления имен собственных в текстах разнообразных жанров.

Для достижения поставленной цели планируется решить ряд задач:

- 1) получить частотный список имен собственных, упомянутых в романе;
- 2) выделить из полученного списка необходимые для исследования наименования локаций;
- 3) программным путем получить контексты наименований локаций;
- 4) провести интерпретацию полученных контекстов.

На всех этапах исследования нами было использовано оригинальное программное обеспечение, созданное в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» [10].

Для решения первой задачи исследования была задействована функция «Частотный список 2» с выставленным флажком «ВКЛ ЧР – PROPН» корпусного менеджера, которая на базе загруженного лингвистического корпуса строит пронумерованный список имеющихся имен собственных – от самого часто употребляемого к употребляемым единожды – с указанием количества употреблений. Точность определения имен собственных не является абсолютной (88 % для первых 50-ти единиц), однако, по нашему мнению, является достаточной для нашего исследования, поскольку погрешность состоит в том, что к именам собственным могут быть добавлены другие токены, т. е. сами искомые нами единицы, выводятся в полном объеме.

Решая вторую задачу, мы выбрали из общего списка девять наименований стран и городов, которые имеют наибольшую частотность¹:

9. *Schweiz* (Швейцария): 43
11. *Wien* (Вена): 40
13. *Deutschland* (Германия): 39
18. *Paris* (Париж): 32
20. *Zürich* (Цюрих) : 26
23. *Prag* (Прага): 23
24. *Genf* (Женева): 23
25. *Österreich* (Австрия): 22
34. *Frankreich* (Франция): 18

Заметим, что для иммигрантского романа, признанным мастером которого является Э.М. Ремарк [7; 8], неудивительно, что топонимы, связанные непосредственно с Германией, не являются самыми частотными, а Швейцария, возглавляет список как наиболее желанная цель немецкого иммигранта того времени. Этот постулат подкрепляют топонимы «Цюрих» и «Женева».

Для решения третьей задачи исследования воспользуемся экспериментальной функцией «Полная оценка контекста» корпусного менеджера. Функция работает по следующему алгоритму:

¹ Здесь первое число – это номер в частотном списке, второе число – количество употреблений в корпусе; перевод на русский язык наш – О. П.

- считается частотный список из поля вывода корпусного менеджера;
- для каждой единицы списка ищутся (контексты) предложения, в которых она встречается;
- из этих предложений считаются все токены, кроме самой единицы, которые являются глаголами, существительными, прилагательными и наречиями;
- формируется частотный список токенов из контекста к каждому предложению.

В результате были получены следующие объемы контекстных единиц для выбранных топонимов:

- Schweiz* (Швейцария): 101
- Wien* (Вена): 148
- Deutschland* (Германия): 120
- Paris* (Париж): 133
- Zürich* (Цюрих): 65
- Prag* (Прага): 104
- Genf* (Женева): 69
- Österreich* (Австрия): 81
- Frankreich* (Франция): 63

Достаточно неожиданным оказалось то, что в частотных списках по каждой лексеме было обнаружено очень мало повторов одной и той же леммы. Если не принимать во внимание общеупотребительные и служебные слова, не предоставляющие какие-либо данные для интерпретации (например, «сказать», «идти», «приходить», «снова», «половина» и пр.), то получается, что не все наименования локаций имеют в своем окружении повторяющиеся хотя бы дважды «значимые» (другими словами, специфически характеризующие эту локацию) единицы.

К примеру, для той же «Швейцарии» два раза повторилась только лемма *Emigrant* (эмигрант). «Вена» получила более «яркие» маркеры идентичности с повтором лексем *Grenze* (граница) четыре раза, *Café* (кафе) и *Gefängnis* (тюрьма) по три раза. Для «Германии» повторились трижды *Emigrant* (эмигрант) и *Flüchtling* (беженец). «Париж» получил достаточно неясные образы: *Stadt* (город) три раза, *Hof* (двор) и *Kind* (ребенок) по два раза. То же *Café* (кафе), повторившись дважды, охарактеризовало «Цюрих». «Прага» оказалась связана с *Hotel* (гостиница) и *Mutter* (мать), которые были указаны дважды. Для «Женевы» четыре раза повторилась *Hauptpost* (главный почтамт), *Grenze* (граница) два раза, глагол *warten* (ждать) также два раза. «Австрия» получила маркеры (*sich*) *ausweisen* (предъявить удостоверяющие личность документы) – дважды, *Grenze* (граница) – дважды, *gefährlich* (опасный) – дважды. «Франция» не отметилась ни одной значимой леммой.

Несмотря на нечастые повторения одной и той же лексемы, полученный материал позволяет в целом заключить, что в окружении наименований локаций доминируют *Grenze* (граница), *Café* (кафе), *Emigrant* (эмигрант), что достаточно точно характеризует сюжет романа.

Безусловно, описанная выше процедура не является полностью сформированным решением проблемы оценки контекста той или иной лексической единицы (хотя и предоставляет интересные статистические данные для последующей интерпретации) и может быть доработана в будущем.

Предположим также, что описанный метод получения контекстов будет более эффективным при анализе публицистических текстов, поскольку языковое разнообразие в них не проявляется так ярко, как в художественной литературе.

Список литературы

1. *Горожанов А.И., Гусейнова И.А.* Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков). Казань: Бук, 2021. 208 с. ISBN 978-5-00118-759-2. EDN UNZHVK.

2. *Горожанов А.И., Красикова Е.А.* Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских сми) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05.

3. *Горожанов А.И., Степанова Д.В.* Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.

4. *Катермина В.В., Гнедаш А.А.* Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 59–71. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.4.4. EDN ZCXRHB.

5. *Косиченко Е.Ф.* Когнитивно-семиотические аспекты художественной ономастики // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 129–135.

6. *Опарина Е.О.* Имена собственные. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2021. № 2. С. 16–29.

7. *Похаленков О.Е.* Особенности поэтики эмигрантских романов Эриха Марии Ремарка (на примере романа «Возлюби ближнего своего») // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2021. № 1-2(86). С. 15–19.

8. *Свириева А.А.* Образ эмигранта и номадические мотивы в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» // Державинский форум. 2023. Т. 7. № 3(27). С. 362–369.

9. *Gorozhanov A.I., Guseynova I.A.* Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Vol. 13. No. 12. P. 2035–2048. DOI 10.17516/1997-1370-0702. EDN KFHPJI.

10. Gorozhanov A.I., Guseynova I.A., Stepanova D.V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.

EVALUATION OF LOCATION CONTEXTS IN A FICTIONAL WORK (BASED ON E.M. REMARQUE'S NOVEL "FLOTSAM")

O.I. Pisarik

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article is devoted to the issue of formation of an evaluation of location contexts in the novel "Flotsam" by E.M. Remarque. Nine names of countries and cities that have the highest frequency in the text were analyzed. The study showed that repetitive lemmas, with the exception of auxiliary and functional words, are rare. However the tokens, which occur 2-4 times, can be considered as identity markers. It was suggested that the method will be more effective for analyzing journalistic texts, where linguistic diversity is less pronounced than in fiction.

Key words: corpus linguistics, fiction, E.M. Remarque, the novel "Flotsam", text interpretation, German language.

УДК 81`38:81`25

АЛЛЮЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ В СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ

С.А. Погодаева, Т.А. Иванцова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена обоснованию использования такого стилистического приёма, как аллюзия, которая в художественном тексте функционирует в качестве механизма репрезентации концептов и символов произведения. В центре внимания исследования – имплицитный смысл данного лингвистического феномена в стихотворении Эдгара Аллана По «Ворон» и способы передачи аллюзий с английского языка на русский, использованные переводчиком К. Бальмонтом.

Ключевые слова: аллюзия, стихотворный текст, концепт, символ, литературная атмосферность, интертекстуальность.

Аллюзия как стилистический приём все больше привлекает внимание исследователей, поскольку обладая уникальной спецификой, она способна передать в тексте особые художественные образы и создать исключительную эстетичность. Изучение аллюзии ставит довольно широкий спектр вопросов, поэтому данный лингвистический феномен рассматривается в рамках

литературоведения, когнитивистики, психолингвистики, теории коммуникации и теории интертекстуальности.

В нашем исследовании мы будем опираться на определение В.П. Москвина, который определяет аллюзию как «стилистическую фигуру, содержащую явное указание, аналогию или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи» [6, с. 67].

Современные учёные предлагают различные классификации аллюзий, основываясь на специфических признаках, типичных для той или иной сферы функционирования аллюзий. Одну из наиболее известных типологий предложила известный российский лингвист И.В. Гюббенет [2]. По мнению этого учёного, аллюзии стоит делить по степени их известности, а также по их источникам. Так, И.В. Гюббенет выделяет очевидные и неочевидные аллюзии, которые, в свою очередь, подразделяются на библейские аллюзии; аллюзии из классической литературы; аллюзии из работ греческих и римских авторов, мифологии; аллюзии, которые ссылаются на детские и шуточные стихотворения [2].

Следующим важным аспектом рассмотрения аллюзии в качестве стилистического приёма являются её функции. Так, Н.Д. Белонежко [1] в своей диссертации «Аллюзия как оценочное средство языка» выделяет ряд основных функций аллюзий, которые отмечают и другие лингвисты:

- 1) средство создания подтекста;
- 2) оценочно-характеризующая функция;
- 3) окказиональная функция;
- 4) предсказательная функция [1].

Вслед за Н.Д. Белонежко [1], мы подчеркиваем особую роль функционирования аллюзии в художественном тексте. Во-первых, данное языковое средство выступает в качестве вспомогательного элемента создания так называемой «атмосферности произведения». Поясним, что, согласно И.Д. Смольнякову [9], «литературная атмосферность» – это особые элементы повествования, передающие настроение всего произведения в целом, а также его «психологический климат», которые в свою очередь создают сильный эмоциональный эффект, позволяющий читателям погрузиться не только в содержание самого текста, но и в некие чувства и ощущения, которые он транслирует [9]. Во-вторых, аллюзия является одним из средств репрезентации концепта, под ним принято понимать «многомерное смысловое образование», включающее в себя ценностную, образную и понятийную стороны [3, с. 109], и символа, который определяют как «тип образа, отличающийся от тропа и имеющий прямой предметный смысл, разворачивающийся в бесконечный спектр значений» [8, с. 226].

Важно отметить, что в художественном дискурсе аллюзия получила широкое распространение в эпоху постмодернизма, хотя к ней прибегали авторы текстов и ранее. Как известно, художественный текст принято подразделять на прозаический и стихотворный. В стихотворном или

поэтическом тексте аллюзия имеет уникальную особенность, которая связана с тем, что в отличие от прозаического, который обладает плотным содержанием информации, стихотворный текст обладает ограниченностью речевого пространства, теснотой и единством строк, а также преобладанием кратких слов [7].

Следовательно, в стихотворных текстах автор зачастую прибегает к помощи аллюзии, поскольку данное языковое явление позволяет в компактной форме выразить всю глубинную составляющую содержания.

Эмпирическим материалом данного исследования выступает одна из самых знаменитых и успешных работ американского писателя и поэта, жившего в первой половине XIX века, Эдгара Аллана По – стихотворение «Ворон» (“The Raven”) (Poe). Особый интерес для нашего исследования представляют аллюзии в данном поэтическом тексте, поскольку именно благодаря им автор побуждает читателя, что называется, «разгадывать загадки», декодировать зашифрованную информацию, воспринимать художественный текст на более глубоком уровне. С помощью аллюзий автор обращается к интертекстуальности – создаёт связь между разного рода текстами, более полно отражает эмоции героев, увеличивает эстетичность произведения. Отмечено, что «эстетически нагруженный текст должен переживаться, побуждать читателя к сотворчеству, должен намекать на те смыслы, которые выходят за пределы языковых значений» [10, с. 113].

В связи с этим нам представляется важным изучить эстетическую нагруженность текста “The Raven”, интенции автора использовать аллюзии, а также рассмотреть переводческие трансформации, применяемые переводчиком для их передачи на русский язык, на основе сравнительно-сопоставительного анализа и интент-анализа текста оригинала (Poe) и текста перевода, который был выполнен К. Бальмонтом (По). В данном исследовании мы опираемся на классификацию переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова [4].

Эдгар Аллан По использует преимущественно аллюзии, отсылающие читателя к классической литературе, Библии и мифологии. С помощью данного стилистического приёма автор заложил в подтекст важные элементы содержания стихотворения: они играют значительную роль в создании и раскрытии символов произведения, которые можно интерпретировать по-разному [11]. Таким образом, существует необходимость в анализе использования данного языкового средства с целью выявления и расшифровки смысла, заключённого в них, а также поиска стратегий их перевода. Рассмотрим некоторые значимые для сюжета аллюзии.

Пример литературной аллюзии можно найти в таких строках: “From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore – For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore – Nameless here for evermore” (Poe, p. 1). – «На страданье без привета, на вопрос о ней, о ней – О Леноре, что блистала ярче всех земных огней, О светиле прежних дней» (По, с. 52). Основным аллюзивным словом в данном отрывке является имя собственное “Lenore” – «Ленора», которое обозначает главную героиню баллады и делает отсылку к

одноимённому тексту немецкого писателя XVIII века Готфрида Бюргера (Бюргер).

Произведение Г.А. Бюргера повествует о девушке, которая убита горем, поскольку её возлюбленный не вернулся с войны. В отчаянии главная героиня начинать роптать на Бога, за что в последствии её постигло наказание: ночью к Леноре приезжает всадник, который оказался её умершим возлюбленным, и зовёт ехать вместе с ним и венчаться. Но, когда на рассвете они примчались к кладбищу и очутились над вырытой могилой, жених девушки превратился в прах. Отметим, что данная баллада содержит в себе мрачную нагнетающую атмосферу, а в повествовании чётко передаётся чувство страха. Таким образом, Эдгар По использует аллюзию для названия главной героини, с помощью «говорящего» или вызывающего определённые ассоциации имени создаётся специфичный подтекст, предсказывающий содержание поэтического текста «Ворон», поскольку обе работы содержат в себе схожую тему «скорбь по умершему», а также у данных произведений ключевым концептом является «смерть». Таким образом, аллюзия в стихотворении Эдгара По выполняет ещё и предсказательную функцию. Опираясь на типологию А.Г. Мамаевой [5], охарактеризуем данную аллюзию по тематическому принципу как доминанту, так как она содержит смысл текста. По классификации И.В. Гюббенет [2], вышеупомянутая аллюзия является неочевидной, так как данное произведение известно не каждому представителю той или иной культуры. Анализируя переводческие решения К. Бальмонта, можно сделать вывод, что аллюзивное слово “Lenore” было передано эквивалентно оригиналу с помощью приёма транскрипции. Однако, сравнивая отрывок, содержащий аллюзивную единицу, и его перевод, заметим, что было использовано полное преобразование предложений с сохранением только основного смысла. Предположим, что объяснением этому послужило стремление переводчика сохранить уникальную стихотворную форму и ритм оригинального текста.

Ещё одним примером «классической» аллюзии может служить отсылка к мифологии: “Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door” (Poe, p. 2) – «Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был моей» (По, с. 53). В данной строке ключевым элементом аллюзивности является упоминание «Паллады» – “Pallas”. Данный стилистический приём является отсылкой к древнегреческой богине-защитнице, Афине. Она участвует во многих мифологических событиях, а её образ насыщен мужскими атрибутами, главными из которых являются копье и щит. Данная богиня является символом защиты, мудрости и знаний, что усиливается тем, что её часто изображают в сопровождении таких животных, как сова и змея, олицетворяющих мудрость. Исходя из перечня функций аллюзий, который был предложен Н.Д. Белонежко [1], данная аллюзия служит в тексте для увеличения эстетичности произведения и создаёт подтекст, в котором лирический герой представляется образованным и мудрым человеком. Таким образом, доминирующей функцией данной аллюзии является оценочно-характеризующая. Согласно классификации И.В. Гюббенет [2], рассматриваемая аллюзия является неочевидной, поскольку

автор использовал вместо общеизвестного имени богини её эпитет от полного имени «Афина Паллада», которое известно не каждому читателю. Предположим, что данный выбор был сделан на основе эстетической составляющей стихотворного текста. Основываясь на типологии А.Г. Мамаевой [5], данная аллюзия по тематическому принципу является локальной, так как не влияет на общее содержание стихотворения, а только играет роль в определённом отрывке. При переводе предложения с аллюзивным словом К. Бальмонт использовал такие трансформации, как конкретизация “Perched upon” – «взлетел», грамматические замены с лексическим добавлением союза «что», также было добавлено местоимение «Он», приём опущения артикля и слова «just», и наблюдается приём перестановки “above my chamber door” – «над дверью моей комнаты». При переводе аллюзии был использован эквивалентный перевод “Pallas” – «Паллада», поскольку в обеих, американской и русской, лингвокультурах присутствует данная аллюзивная единица.

Следующим примером может служить: “tell me what they Lordly name is on the Nights Plutonian shore!” (Рое, р. 2). – Как ты звался, гордый Ворон, там, где ночь царит всегда?» (По, с. 53). В данной цитате присутствует аллюзия “Nights Plutonian shore”. Расшифровывая значение данного словосочетания, важно раскрыть его имплицитное значение: оно связано с богом подземного царства и смерти из древнегреческой и римской мифологии – Плутона. Упомянутый в предложении «ночной берег» является рекой Стикс, которая находится во владениях данного бога. Эта река является границей между миром живых и миром мёртвых, так как через неё перевозили души умерших в подземное царство. Выскажем гипотезу о том, что автор использует аллюзию с целью иллюстрации основного символа стихотворения, «ворона», который, благодаря данному стилистическому средству, приобретает отрицательную коннотацию, а именно выступает в качестве мрачного вестника судьбы. Эта мысль в оригинале подчёркивается тем, что птица прибыла к главному герою с «ночного плутонового берега». Согласно сюжетной канве произведения, главный герой обращается к ворону с различными вопросами, которые тревожат его, но он слышит только ответ из одного слова, а в конце стихотворения присутствуют строки, где повествователь просит птицу оставить его душу в покое. Так, данный отрывок, содержащий аллюзивную единицу, маркирует орнитологическую символику как нечто зловещее, поэтому согласно классификации функций аллюзий Н.Д. Белонежко [1], вышеупомянутая языковая единица создаёт не только подтекст, но и выполняет оценочно-характеризующую функцию, поскольку вводит характеристику одного из действующих лиц стихотворного текста, а также играет ключевую роль в создании символа «ворон», появление которого во многих культурах является предвестником смерти. Согласно И.В. Гюббенет [2], настоящая аллюзия является очевидной, поскольку её источник относится к всемирно известной мифологии. Анализируя перевод предложения, содержащий аллюзию, отметим,

что переводческим решением был полный отказ от данного стилистического средства путём его передачи нейтральной лексикой. Так, К. Бальмонт использует лексико-грамматическую трансформацию, с помощью которой эксплицирует значение аллюзии: “on the Nights Plutonian shore” – «там, где ночь царит всегда». Ввиду этого предложение в тексте перевода теряет аллюзию и, вместе с этим, интертекстуальность, так как нивелируется связь стихотворения с мифологией.

В стихотворении Эдгара По присутствуют религиозные аллюзии. Так, в строках: “Then, methought, the air grew denser, perfumed from an unseen censer Swung by Seraphim whose foot-falls tinkled on the tufted floor” (Poe, с. 3) – «Но постой: вокруг темнеет, и как будто кто-то веет, – То с каминой небесной серафим пришёл сюда?» (По, с. 54) используется аллюзия “Seraphim” – «серафим». Данное аллюзивное слово является названием одного из ангельских чинов и обозначает духовное существо с шестью крыльями. Серафимы – это хранители Божьего престола, которые произносят трижды только одно сакральное слово: «Свят, Свят, Свят», восхваляющее Бога. Так, в поэтическом произведении главный герой представляет, что слышит шаги ангелов, которые размахивают каминой. Отмечаем сходство между данным ангелом и вороном, поскольку оба произносят только одно слово. Во время сравнительно-сопоставительного анализа текста оригинала и текста перевода, выполненного К. Бальмонтом, нами был сделан вывод, что аллюзия была передана эквивалентно исходному тексту, поскольку была использована соответствующая аллюзивная единица в языке перевода.

Далее, рассмотрим аллюзию в строке: “thy God hath lent thee – by these angels he hath sent thee Respite – respite and nepenthe from thy memories of Lenore” (Poe, p. 3) – «Это бог послал забвенье о Леноре навсегда» (По, с. 54), которая тесно связана с эпизодом, описанным выше. Ключевым элементом аллюзивности предложения является слово “nepenthe”. Декодируя его значение, обнаруживаем связь не только с древнегреческой мифологией, но и классической поэмой Гомера «Одиссей» (Гомер). Так, “nepenthe” (по-русски: «Непенф») является лекарством от грусти и усталости, а в «Одиссее» данное зелье упоминается в качестве «средства полного забвения», которое избавило бы от всех печалей. В стихотворении «Ворон» автор использует данное стилистическое средство с целью передачи восприятия событий лирическим героем и его чувств, вызывая у читателя такие эмоции, как беспокойство, опасение, напряжённость и предчувствие чего-то плохого, а также вербализирует такие концепты, как «смерть» и «скорбь». Таким образом, в сюжете изображается горе лирического героя, чьи чувства захватили небесные существа, и он обеспокоен тем, что они могут заставить его выпить «Непенф», способный стереть воспоминания о любимом человеке. Ввиду этого, предположим, что образ, передающийся с помощью аллюзии “Seraphim” и “nepenthe” – скорее угнетающий, чем утешающий.

Опираясь на классификацию И.В. Гюббенет [2], аллюзия “nepenthe” является неочевидной, поскольку известна не каждому представителю той или

иной культуры, несмотря на то, что относится к всемирно известному источнику, а именно к мифологии и классической литературе. При переводе предложения с аллюзивным словом, переводческим решением К. Бальмонта был отказ от передачи эквивалентного аллюзивного слова “*perenthe*” и передача его смысла путём эксплицитного перевода: “*perenthe*” – «забвенье», а также предложение полностью было преобразовано с помощью трансформаций: лексические и грамматические опущения: слово “*respite*”, которое имеет значение «давать временное облегчение», «передышка», «отсрочка» и никак не было передано в тексте перевода. К тому же мы отмечаем использование приёма «стяжение», который позволил сократить количество слов в тексте перевода: “*thy God hath lent thee – by these angels he hath sent...*” (Пое, р. 3) – «Это бог послал...» (По, с. 54). Вполне возможно, что данное переводческое решение было принято связи с особым поэтическим строем текста и содержания, который для сохранения определённых стихотворных особенностей требует отказ от некоторых стилистических средств, в данном случае аллюзии.

Проанализируем аллюзию из отрывка: “*Tell me truly, I implore – Is there—is there balm in Gilead? – tell me – tell me, I implore!*” (Пое, р. 3) – «О, скажи, найду ль забвенье, – я молю, скажи, когда?» (По, с. 54), где основным элементом является “*is there balm in Gilead?*” (дословно по-русски: «есть бальзам в Галааде?»), который отсылает читателя к Библии. Уточним, что Галаад – это наименование холма, расположенного недалеко от реки Иордан, данный топоним служит также для обозначения библейской земли, исторической части Израиля. Это место славилось своей красотой, богатством и было известно благодаря удивительному лечебному бальзаму. Кроме того, данное аллюзивное слово вызывает у читателя воспоминание о стихотворении XIX века Лорда Байрона «Дочь Иевфая» (George), посвящённое ветхозаветному эпизоду, место действия которого происходили в Галааде. Данное произведение передаёт чувства дочери, которая пытается утешить своего отца. Текст наполнен атмосферой печали и тоски, что объединяет его по настроению со стихотворением «Ворон».

Поясним фабулу данного текста с целью выявления скрытого смысла, который передаётся путём аллюзии. Судья Иевфай просил победы в войне у Бога, а взамен обещал принести в жертву того, кто первый будет приветствовать победителя. Однако, этим «встречающим» оказалась его единственная дочь, и ему пришлось исполнить своё роковое обещание.

Эдгар Аллан По использует данную аллюзию, чтобы проиллюстрировать чувства лирического героя, который просит галаадский бальзам для исцеления своей души от тоски по умершей возлюбленной. Таким образом, автор передаёт переживания лирического героя о том, сможет ли он найти утешение. Однако, птица разрушила его надежду на спасение от боли утраты далее в тексте словом “*Nevermore*” (по-русски: «Никогда»). Следовательно, автор вводит в своё поэтическое произведение тему безнадежности, тоски и смерти. Отметим, что источником данной аллюзии является Библия. По-прежнему опираясь на

типологию А.Г. Мамаевой [5], данная аллюзивная единица – локальная, поскольку передаёт чувства персонажа в определенном фрагменте текста. Рассматривая перевод данного предложения, можно сделать вывод, что аллюзия не была передана, поскольку в тексте перевода отсутствует какое-либо упоминание бальзама – “balm”, что привело к полной потере особой экспрессивности, которая создаётся с помощью аллюзий, а также интертекстуальности.

Разберём ещё одну аллюзию, источником которого является Библия, во фразе: “Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn, It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore” (Poe, p. 3). – «Заклинаю, умоляя, мне сказать – в пределах Рая Мне откроется ль святая, что среди ангелов всегда» (По, с. 54). В данном случае ключевым словом является “Aidenn”, которое в контексте выступает поэтической формой слова “Eden”, которое обозначает загробный мир. Так, лирический герой спрашивает у вороны сможет ли он когда-нибудь вновь увидеть Ленор в Эдеме, на что ворон отвечает: “Nevermore” – «Никогда». С помощью данной аллюзии автор передаёт чувства персонажа, а именно то, что он действительно скучает по возлюбленной и мечтает о шансе снова увидеть и обнять её. Вслед за Н.Д. Белонежко [1], отмечаем, что текущая аллюзия выполняет такие функции, как создание подтекста и оценочно-характеризующую функцию, поскольку раскрывает внутренний мир персонажа, передавая его эмоциональное состояние. Согласно типологии И.В. Гюббенет [2], настоящая аллюзия является очевидной, так как рассматриваемое аллюзивное слово известно каждому образованному читателю. Полагаем, что данная аллюзия была переведена равноценно оригиналу. Переводческим решением было использование переводческого аналога: “Aidenn” – «Рай».

Итак, аллюзия может выступать ключевым элементом при создании стихотворного текста, поскольку она способна передавать смысл содержания произведения в конденсированной форме. В рассмотренном нами стихотворении Эдгара Аллана По «Ворон» присутствуют аллюзии, способствующие созданию уникального подтекста, который формирует авторский стиль писателя и образует связь между различными текстами, что заставляет читателя воспринимать информацию особым образом, опираясь на собственные фоновые знания. Помимо этого, в данном тексте аллюзии выступают важным элементом репрезентации основных концептов и символов произведения: «смерть», «скорбь», «отчаяние», и вместе с тем являются вспомогательным средством передачи атмосферы, настроения и эстетичности этого текста в целом. В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа текста оригинала и текста перевода, выполненного К. Бальмонтом, нами был сделан вывод, что не все аллюзии стихотворения были переданы в тексте перевода. Полагаем, что объяснением этому послужила поэтическая форма текста: с целью сохранения важных его характеристик переводческим решением был отказ от передачи аллюзий. Таким образом, проанализированный нами перевод стихотворения «Ворон» выполнен с

применением метода поэтического перевода, заключающегося в обеспечении поэтической коммуникации, где преимущественно сохраняются эстетическая и концептуальная информация.

Список литературы

1. *Белоножко Н.Д.* Аллюзия как оценочное средство языка на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2013. 150 с.
2. *Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: Ленанд, 2009. 204 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
4. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
5. *Мамаева А.Г.* Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тереза, 1977. 197 с.
6. *Москвин В.П.* Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Либроком, 2011. 164 с.
7. *Нестеров А.В.* Стихотворение как система образов, организующая роль аллюзий и поэтический перевод // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. №6. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvorenie-kak-sistema-obrazov-organizuyuschaya-rol-allyuziy-i-poeticheskiy-perevod> (дата обращения: 13.11.2023).
8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под редакцией Н.Д. Тamarченко. М.: Intrada, 2008. 358 с.
9. *Смольняков И.Д.* Атмосферность текста // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2020. № 3 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-19/humanities/text-atmosfernost.html?ysclid=ly04stga13279930630> (дата обращения: 11.11.2023).
10. *Цветова Н.С.* Эстетика медиаречи // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2020. С.112–116.
11. *Цюрупа В.П.* Поэма Э.А. По «Ворон»: опыт концептуального изучения художественного текста на занятиях // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2010. №1 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poema-e-a-po-voron-opyt-kontseptualnogo-izucheniya-hudozhestvennogo-teksta-na-zanyatiyah-po-sinteticheskomu-chteniyu> (дата обращения: 23.11.2023).

Источники

Бюргер Г.А. Ленора / перевод с немецкого В.А. Жуковского, П.А. Катенина. М.: Звезда и крест, 2016. 70 с.

Гомер. Одиссей / перевод В.В. Викентиевича. М.: Верже, 2017. 412 с.

По Э.А. Ворон. Стихотворения / перевод с английского К.Д. Бальмонта. М.: Эксмо, 2014. 288 с.

George G.B. Jephtha's Daughter. СПб.: Лань, 2013. 74 с.

Poe E.A. The Raven [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://royallib.com/book/Poe_Edgar/the_raven.html (дата обращения: 07.12.2023).

ALLUSION AS A STYLISTIC DEVICE IN POETRY

S.A. Pogodaeva, T.A. Ivantsova

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the rationale of the usage of such a stylistic device as an allusion, which functions as a mechanism for the purpose of representing concepts and symbols in a literary work. The focus of the study is the implicit meaning of this linguistic phenomenon in the poem "Raven" by Edgar Allan Poe and the methods of transmitting allusions from English into Russian, used by K. Balmot.

Key words: allusion, poetic text, concept, symbol, literary atmosphere, intertextuality.

УДК 82-32

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ М. ЭТВУД "MORAL DISORDER"

A.M. Прима, Н.Б. Шершнева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Востребованность понятия «архетип» в современной науке объясняется повышенным интересом к общим моделям мышления и поведения, которые присутствуют в культуре всех народов мира. Женский архетип является важным инструментом для понимания человеческого поведения, культуры и искусства. В данной статье предпринята попытка анализа женских архетипических образов на примере рассказа М. Этвуд «Moral Disorder».

Ключевые слова: архетип, гендер, женский архетип, Маргарет Этвуд, фемининность, маскулинность.

Общеизвестно, что архетипы, являясь воплощением коллективного опыта человечества, обладают особой значимостью в художественной литературе. Представляется естественным, что гендерные роли, а также их взаимодействие находят отражение в архетипических образах, выступающих стержневыми в литературном произведении, и обслуживают оппозиционные отношения «женского» и «мужского», носящие диалектический характер [4].

В современной науке понимание женских архетипических образов неоднозначно. Рассмотрим наиболее известную классификацию женских архетипов, состоящую из триады Дева – Женщина (Мать) – Старуха [3]. В ее основе лежат базовые физиологические изменения этапов жизни женщины. Так, состояние «Девы» предполагает юную непосредственность, отсутствие опыта, невозможность и/или нежелание иметь детей при известной сексуальной привлекательности, особый романтизированный взгляд на мир, доверие людям, нравственную чистоту.

Женщина как второй элемент триады является прямым воплощением определенного возрастного и социального состояния, которое предполагает возможность материнства, а именно половую зрелость и замужество. Отличительной особенностью этого этапа становится ответственность за решения, влияющие не только на судьбу самой женщины, но и на перспективы её близкого окружения: мужа и детей. Женщина обладает более заметным общественным статусом, более широкими правами, большей значимостью. В качестве пограничного этапа между состояниями «Девы» и «Женщины» выступает процесс женской инициации.

Образ Старухи связан с окончанием периода фертильности, возрастными изменениями, в ходе которых женщина утрачивает привлекательность как сексуальный объект, но приобретает особые качества: мудрость, проницательность, способность использовать и передавать накопленный опыт, значительную социальную влияние.

В мифах и фольклоре разных народов тройственное восприятие женского начала проявлено либо в образах трёх различных персонажей, объединенных выполнением общей задачи, либо в виде триединой сущности.

Обратимся к мифологии за примерами. Так, скандинавские мифы рассказывают о трёх норнах, которых обычно представляют женщинами в трёх возрастных периодах: молодая Скульд, зрелая Верданди и старая Урд.

Греческая мифология, в которой в цифру «три» заложен сакральный смысл, наделяет тройственностью богиню Гекату, покровительницу ночи, магии и таинстве, которая может в соответствии с фазами луны являться молодой девушкой (растущая луна), женщиной средних лет (полнолуние) и старухой (убывающая луна).

Таким образом, европейские мифология и фольклор, рассматривая три женских ипостаси, либо персонифицируют каждую из них, либо синтезируют их в едином образе, три аспекта которого в некой хронологической последовательности сменяют друг друга.

Три охарактеризованных выше возрастных состояния указывают на мистифицированное восприятие женственности, подчёркивают близость женщины к тайне рождения и смерти.

Собственно, славянская ведьма (от глагола «ведать» – знать) отвечает за ритуалы перехода, она стоит между миром живых и миром мёртвых, являясь жрицей. Такое восприятие обусловлено пониманием женской физиологии. Способность женщины давать новую жизнь, вынашивать детей – это особый сверхъестественный дар.

Существует теория, согласно которой древние сообщества рассматривали рождение ребёнка исключительно как женскую прерогативу и считали вполне жизнеспособным зачатие без участия мужчины. С одной стороны, это делало женщину более влиятельной, чем мужчина, более значимой, придавало ей особый статус. При этом такое видение деторождения приближало образ женщины к природе, вечно развивающейся, обновляющейся, обладающей свойством самовоспроизведения [3].

Вышесказанное является причиной того, что женские триады носили с точки зрения гендерного наполнения сугубо закрытый характер, они полностью исключали присутствие в них мужчины и даже временное исполнение мужчиной женских функций. Исследователь Т.М. Ляшенко отмечает, что образ женщины-ведьмы гораздо более распространён в фольклоре, в литературе и в целом в массовом сознании, чем образ мужчины-колдуна [3].

Однако данная классификация не является единственной. Исследователями неоднократно предпринимались попытки рассматривать женские архетипы на основании образов мифических женских персонажей. Как правило, в качестве мифологической базы выступают образы богинь древнегреческого пантеона; в частности Д. Болен выделяет семь женских архетипов (Деметра, Афродита, Персефона, Артемида, Афина, Гера, Гестия); в классификации Г.Б. Бедненко к указанным семи типам присоединяется восьмой – Геката [1]. Характеристики архетипов при этом обусловлены сюжетными линиями мифов Древней Греции: Деметра воплощает совокупные черты образа матери, Афродита – возлюбленной, Персефона – дочери, Артемида – сестры, Гера – жены, Афина – мудрого стратега, Гестия – хранительницы домашнего очага, Геката – свахи, посредницы, колдуньи. Исследователи акцентируют внимание на возрастной последовательности проявления архетипов в личности женщины, а также на возможность влияния того или иного архетипа на поведение женщины в любом возрасте.

Особый интерес представляет также классификация Н.А. Хафизовой, которая проанализировала архетипическое содержание главных женских образов в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» – Настасьи Филипповны и Аглаи Епанчиной, с опорой на две культурные традиции: античную (образы Афродиты Урании и Афродиты Пандемос) и иудео-христианскую (образы Евы и Лилит) [5].

Рассмотрим также теорию женских архетипов, предложенную Т. Четуиндом, которая включает как женские, так и мужские архетипы [6]. Ее

можно представить в виде круга, в секторах которого расположены четыре архетипа: Божественное дитя, Сила, Самость и Мудрость. Каждый из архетипов имеет позитивную и негативную стороны, описываемые в бытовой, общеупотребительной лексике, а также в терминологии мифов и сказок.

Архетип «Божественное дитя» представлен образами Принца/Принцессы (светлая сторона архетипа) и Бродяги/Дрянной девчонки (в оригинале – *Seductress*, «Соблазнительница»; тёмная, теневая сторона). «Сила» воплощена в образах соответственно Воина/Охотницы и Убийцы/Амазонки; «Самость» – в образах Хозяина/Хозяйки (Матери) и Людоеда/Ужасной матери; «Мудрость» – в образах Трикстера/Жрицы и Чёрного мага/Ведьмы.

Поскольку архетипические образы в литературном тексте представляют собой не столько набор статических черт, сколько динамические отношения внутри сюжета, предлагается принять в качестве исходной точки («точки координатора» – термин И.Н. Калинаускаса) образ героя – персонаж, который вступает во взаимодействие с персонажами-женщинами [2]. Такой подход предполагает, что мужское и женское начала взаимодополняемы, находятся одновременно в оппозиции и взаимодействии.

Вслед за Т.М. Ляшенко предлагаем выделять четыре архетипа: мать, жена (невеста), сестра, дочь [3]. Исследователь руководствовался использованием в названиях архетипов терминологии близкородственных связей, поскольку эти лексемы отражают базовые понятия человеческой жизни в условиях родоплеменного строя, а именно в этот период сформировались устойчивые образы коллективного бессознательного, зафиксированные в мифах и фольклоре. Уточним, что при выделении данных архетипов мать соответствует Самости из классификации К.Юнга, жена (невеста) – Мудрости, сестра – Силе, дочь – архетипу Божественное дитя. С точки зрения взаимодействия с героем мужского пола женский архетип может рассматриваться в системе двух критериев:

1) сексуальная объективация (мать, дочь – невеста, сестра): восприятие матери и дочери как сексуального объекта понимается как преступление, брак с ними осуждается; невеста и сестра могут выступать в качестве сексуального объекта (сексуального партнёра);

2) экзистенциальная самобытность (мать, сестра – дочь, невеста): мать и сестра существуют помимо героя, независимо от него, «до» него, они являются для него данностью; невеста (жена) и дочь существуют в результате совершённого героем поступка, выбора, появляются в его жизни его же волевым усилием.

Важно понимать, что данные термины (мать, сестра, жена, дочь), подчёркивающие особенности взаимоотношений женского архетипического образа с героем, ни в коем случае не ограничивают описание архетипа формальным родством. Мать – это любая женщина старшего поколения, имеющая психологическое влияние на героя, на его жизнь и мировоззрение и не состоящая с ним в сексуальных отношениях. Это может быть бабушка, опекушка или любое иное авторитетное лицо. Мать может стать источником

силы для героя, наделять его витальностью, способностью выживать, противостоять испытаниям, в том числе заботясь о его физической выносливости. Но в негативном аспекте она обрекает героя на бессилие перед трудностями, ослабляет, делает зависимым.

Сестра – женщина одной возрастной фазы с героем, существующая независимо от него. В позитивном проявлении это коллега, подруга, соратница; в негативном – соперница, конкурентка.

Невеста (жена) – женщина, способствующая мощной нравственной трансформации героя-мужчины, изменению не столько его номинального статуса (юноша - муж), сколько внутреннего мира, самоощущения, отношений с окружающей действительностью и другими людьми.

Дочь – это женщина младшего поколения, нуждающаяся в наставлении, опеке, защите. В этом образе отражена идея нравственной преемственности: статус дочери предполагает усвоение идеологических ценностей героя. В зависимости от того, как усваиваются эти ценности и к каким последствиям это приводит, архетип дочери выступает в тексте с позитивной или негативной (теневого) стороны.

Благодаря такому ракурсу рассмотрения проблемы мы получаем возможность наблюдать функционирование женских архетипов в рассказе М. Этвуд “Moral Disorder” наиболее ярко и отчетливо.

Героиня рассказа Маргарет Этвуд “Moral Disorder” в течение всего повествования проживает разные архетипические роли. Сюжет рассказа внешне незамысловат и крутится вокруг мужчины и женщины. Тиг и Нелл переезжают на новую ферму. Они начинают выращивать овощи и разводить животных, сначала кур, потом павлинов, коров и овец. Местные жители видят в них городских жителей, невежественных в деревенском образе жизни, но помогают им. Так, одного из новорожденных ягнят нужно кормить с руки и держать в доме. Нелл привязывается к нему. Когда ягненок подрастает, он не приспособляется к жизни с другими овцами и становится агрессивным по отношению к Тигу из-за ревности к Нелл. Его приходится усыпить. Возвращаясь с бойни, Нелл плачет и обвиняет Тига в том, что он не хочет, чтобы у нее были дети.

В начале рассказа в глазах Тига Нелл выступает в архетипической роли жены, хотя сама подчеркивает, что не является ею официально: “You shouldn’t have said I’m your wife ... But she had no other word to suggest – no word for herself that would be both truthful and acceptable”. Невеста (жена) должна способствовать трансформации героя мужского пола, но сама Нелл понимает, что находится в ложной позиции, не являясь и одновременно являясь женой. Она осознает, что не соответствует желаниям Тига и ожиданиям окружающих, в частности адвоката. Двойственность ее шаткого статуса удручает главную героиню, архетипическая роль жены не выполняется ею до конца.

Это состояние усугубляется с приездом детей Тига. Братья и отец сидят за столом, принадлежащим Нелл, поставив на него локти и едят приготовленное Нелл печенье. При этом сама Нелл думает лишь о том, что она

– единственный человек, не состоящий ни с кем в родстве. Она чувствует себя отрезанной от них. На первый план выходит архетипическая роль сестры, подчеркивающая независимость персонажа от героя-мужчины. Ощущение отрезанности, отстраненности сопутствует главной героине на протяжении всего повествования.

Изоляция Нелл прослеживается на уровне коммуникации с разными людьми, в том числе и с самыми родными и близкими. Родители держат ее в «серой зоне», одновременно и не разговаривая, и НЕ не разговаривая с ней. Темы, которые затрагиваются ими в беседе с дочерью, ограничены здоровьем и погодой (“topics limited to states of health and the weather”). Причина холодного отношения кроется в нежелании признать Тига, родители не одобряют, что их дочь живет с мужчиной, не вступив с ним в официальный брак, более того, с мужчиной, который официально не развелся и является законным мужем другой женщины. Мы видим, что нежелание родителей возобновить коммуникацию с Нелл приводит к невозможности реализации архетипической роли дочери.

На фоне душевных метаний Нелл с головой бросается в физическую работу. Отметим, что Тиг лишь помогает ей, а не является полноценным исполнителем (“she began with a fence; Tig helped with it”). Фактически Нелл действует всецело в рамках архетипа сестры, выполняя грубую физическую работу и негласно конкурируя с Тигом. Она даже допускает мысль об использовании острых инструментов, за исключением топора, являющегося в ее сознании максимально опасным мужским приспособлением (“hears and clippers, picks and shovels, pruning saws and pitchforks”). Когда Тиг покупает кур, чтобы получить от них яйца, а потом говорит, что можно будет съесть и самих куриц, когда они перестанут нестись, Нелл размышляет над тем, что будет убивать птиц, ведь Тиг не сказал, что сделает это сам.

Конкуренция как отличительная черта сестринского женского архетипа прослеживается не только с героем мужского пола, но и с персонажами-женщинами. Через призму отношения сыновей Тига мы видим, что Нелл значительно отстает от миссис Роблин в том, что касается фермерства: последняя успешно помогла корове разродиться телятком. Выражали свое отношение мальчики невербально через эмоционально окрашенный зрительный контакт (“the boys would look at Nell, not critically, but dismissively: there was no way Nell would ever find herself up to the elbows in a cow’s vagina, said that look”).

Занимаясь садом и огородом, Нелл включается в архетипическую роль матери. В тексте она сама представляет себя Деметрой, сажая бесчисленные овощи: помидоры, горох, шпинат, морковь, репа, свекла, кабачки, огурцы, цуккини, лук, картофель. Она разбила сад с травами, где росли зеленый лук, петрушка, розмарин, орегано и тимьян, а также три куста ревеня, несколько кустов смородины (красной и белой) и несколько кустов бузины, из которой весной можно было делать вино, и грядку с клубникой. М. Этвуд с помощью перечисления овощей, трав и ягод показывает степень увлеченности Нелл и

вместе с тем ее непохожесть на остальных женщин: “Real farm wives didn’t have gardens”. Фермерши покупают овощи и фрукты в городке в 20 милях к востоку, а не разводят огород. Таким образом, Нелл окружает себя плодородностью и изобилием, выполняя архетипическую роль матери, и проигрывает в конкуренции другим женщинам как представитель архетипа сестры.

Однако с ролью Деметры справиться нелегко. Нелл пишет списки дел, но не может уследить за всем. Многие из урожая портятся, покупки, совершенные ею на фермерских аукционах, требуют починки и доработки, но так и остаются мертвым грузом (незаштопанные одеяла, комод с оторванной петлей на двери).

Ягненок, от которого отказалась биологическая мать, становится для Нелл отдушиной. Ее материнский инстинкт включается, ведь ей 34 года, у нее нет своих детей, а дети Тига уже выросли (они выше и сильнее не только самой Нелл, но и Тига): “Nell cradled it in her arms while feeding it; she was embarrassed to find herself rocking it and singing to it” – «Нелл держала его на руках, пока кормила; ей было неловко, когда она укачивала его и напевала ему» (Перевод наш. А.П., Н.Ш.). Когда ягненок вырос, перестал жить в доме и стал проявлять агрессию по отношению к Тигу и его сыновьям, его повезли на бойню. Нелл плакала и горевала, а когда ела ягнатицу, которую приготовил Тиг, и называла себя каннибалом. Повествование заканчивается желанием Нелл стать той, к которой приходят за советом, стать мудрой и умелой, не боящейся обращаться даже с топором. Нелл фактически хочет стать идеальным воплощением архетипа матери.

Подводя итоги, укажем, что при существующем многообразии архетипических ролей женских персонажей в рассказе М. Этвуд не все роли реализованы главной героиней в полном объеме: к некоторым она стремится, какие-то пока недоступны для нее. Анализ женских архетипических ролей в художественном произведении позволяет глубже понять характеры и мотивы женских персонажей, их взаимодействие с другими героями и окружающим миром.

Список литературы

1. *Бедненко Г.Б.* Греческие богини. Архетипы женственности. М.: Класс, 2005. 320 с.
2. *Калинаускас И.Н.* Наедине с миром. СПб.: Лики культур, 2002. 306 с.
3. *Ляшенко Т.М.* Классификация женских архетипических образов в художественном тексте // *Филология: научные исследования.* 2022. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37489 (дата обращения 20.06.2024).
4. *Прима А.М., Шершнева Н.Б.* Женские архетипические сюжеты сказок в романе М. Этвуд «Рассказ служанки» // *Язык и социум: динамика взаимоотношений: монография.* Краснодар: КубГУ, 2022. С. 155–170.

5. Хафизова Н.А. Женские архетипы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. №4. С. 45–56.
6. *Chetwynd T.* A Dictionary for Dreamers. London: Routledge, 2019. 258 p.

Источники

Atwood M. Moral Disorder. NY.: EH USA, 2008. 224 p.

FEMALE ARCHETYPAL IMAGES IN “MORAL DISORDER” BY M. ATWOOD

A.M. Prima, N.B. Shershneva

Kuban State University, Krasnodar

The demand for the concept of "archetype" in modern science is explained by the increased interest in common patterns of thinking and behavior that are present in the culture of all peoples of the world. The female archetype is an important tool for understanding human behavior, culture and art. This article attempts to analyze female archetypal images using the example of M. Atwood's story "Moral Disorder".

Key words: archetype, gender, female archetype, Margaret Atwood, femininity, masculinity.

УДК 81'38:82

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ПЛОСКОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А.В. Самойлова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается понятие «реминисценция» и ее включение в полотно художественного текста в качестве способа конструирования ретроспективного временного плана осознанного периода жизни главного героя романа Д. Киза «Цветы для Элджернона», а также психологического приема, способствующего процессу саморефлексии и самоидентификации в социальном контексте.

Ключевые слова: реминисценция, категория времени, стилистический прием.

Понятие реминисценции имеет полисемантическую природу. С позиции литературоведения под реминисценцией понимают неявную отсылку к другому тексту, наводящую на воспоминание о нем и рассчитанную на ассоциации читателей [1]. Уточненное определение предлагает Н.А. Евгеньева: реминисценция воспринимается в качестве формы проявления

интертекстуальности, наиболее адекватной цели воплощения в литературном произведении заимствованных художественных и культурно-исторических смыслов [3, с. 101]. В психологии под реминисценцией принято понимать «мнемический эффект, состоящий в отсроченном припоминании того, что первоначально не удавалось воспроизвести. ... особенно ярко реминисценция проявляется в памяти на эмоционально окрашенные жизненные события» [6].

Первое более распространенное значение понимается в качестве литературоведческого приема, способствующего аллюзивности художественного текста, т.е. наполнении непосредственного контента скрытыми отсылками к другим произведениям с целью выявления дополнительных имплицативных смыслов и влияния на интеллектуально-эмоциональное восприятие оригинального текста. Но в рамках рассмотрения специфики реминисценций в романе Д. Киза «Цветы для Элджернона» мы прибегнем к использованию данного понятия в психологическом ключе; под реминисценцией понимаем инструмент реконструкции событий прошлого с целью соотнесения их значимости в фактическом текстовом настоящем главного героя художественного текста.

Художественное время является неотъемлемым бытийным элементом любого художественного текста [7, 10] и формирует основу его формально-структурных категорий, включающих континуум (логическую последовательность, темпоральную и пространственную взаимосвязь), ретроспекцию и проспекцию (соотнесенность к предшествующей и последующей информацией) [2].

Л.П. Король отмечала двойственность художественного времени любого литературного произведения, реализующую себя в художественном времени действительности персонажей и действительности реципиента воспринимаемого текста [4]. Первый вид художественного времени может подразделяться на сюжетное, фабульное, социально-бытовое, историческое, фантастическое, биографическое, событийное и др. Сюжетный и фабульный виды художественного времени играют ключевую роль в построении текстового массива произведения. Если фабульное время основывается на строгой хронологии событий, то сюжетное время формируется «методом ретроспекции и антиципации ... характеризуется вплетением в полотно художественного произведения сновидений, воспоминаний, нарушает четкую хронологию событий литературного текста и отвечает задачам и замыслу автора» [4]. Художественное время романа «Цветы для Элджернона» весьма многогранно и многопланово. Реминисценции в образе ярких, в подавляющем количестве случаев психологически травмирующих воспоминаний составляют темпоральный ретроспективный план сюжетного времени романа.

С точки зрения функциональности реминисценции можно отнести к неконвенциональным способам передачи сюжетного времени романа, т.е. способам, которые «возможны только в речи / тексте и в этой функции в языке не зафиксированы» [9, с. 8]. О.В. Спачиль конкретизирует данное понятие, связывая его с элементами предметного мира, окружающего героев

художественного текста. Такие средства индивидуализированы и окказиональны [8, с. 211]. Относя реминисценции к данной категории, мы рассматриваем их через призму генерализации и расширения просто предметного потенциала: не только отдельный образ (не содержащий зафиксированных в языке темпоральных характеристик) может нести темпоральную нагрузку, но и целый сюжетообразующий авторский прием может формировать временной план художественного текста. «Реконструкция художественного времени дает возможность изменить обычный порядок событий, трансформировать темп, позволяет использовать гротескные формы описания, а также ускорять процессы изображения» [5]. Именно поэтому мы считаем возможным обособить сферу воспоминаний главного героя романа, Чарли Гордона, в качестве отдельного объекта для изучения, поскольку при дальнейшем развитии сюжета воспоминания будут занимать значительную часть повествования и структурировать разрозненные отрезки ретроспекции в единый контур темпорального прошлого. Рассмотрим некоторые примеры реминисценций в лингвостилистическом ключе более подробно.

В отчете от 13 апреля, полтора месяца спустя после операции по повышению интеллектуальных возможностей главного героя, флешбеки из памяти начинают собираться как элементы паззла в общую картину прошлого. Одним из первых воспоминаний, наиболее отчетливо проявившихся в сознании Чарли Гордона, является образ пекарни, как если бы герой смотрел на ее глазами того, прежнего Чарли с врожденными отклонениями умственного развития. Воспоминания базируются на сенсорных ощущениях, которые влияют на восстановление нейронных связей в разделах мозга, отвечающих за реконструкцию прошлого:

“...a long time ago when I first started working at Donner’s Bakery. I see the street where the bakery is. Fuzzy at first and then it gets patchy with some things so real they are right here now in front of me, and other things stay blurred, and I’m not sure...

A little old man with a baby carriage made into a pushcart with a charcoal burner, and the smell of roasting chestnuts, and snow on the ground. A young fellow, skinny with wide eyes and a scared look on his face looking up at the store sign. What does it say? Blurred letters in a way that don’t make sense. I know now that the sign says DONNER’S BAKERY, but looking back in my memory at the sign I can’t read the words through his eyes. None of the signs make sense. I think that fellow with the scared look on his face is me” (Keyes, 2019).

Автор достаточно наглядно описывает процесс восстановления визуальной картинки пекарни, в которой Чарли работает большую часть жизни. Следует отметить, что и после проведения операции, Чарли некоторое время продолжает выполнять свои обязанности в пекарне, поэтому сам образ упоминаемого локуса не является для него новым или восстановленным из глубин памяти. Но воспоминание о пекарне дает возможность сравнительно-сопоставительного анализа между Чарли с уровнем интеллекта среднестатистического человека, и Чарли в дооперационный период. Инверсия

в форме использования прилагательного в начале предложения, а также безличная форма *it* (*fuzzy at first and then it gets patchy*) иллюстрируют размытость реконструируемой картинки, сложность и постепенность ее восстановления в сознании героя. В приведенной цитате дважды использована лексема *blur* (to become difficult to see clearly, or to make something become difficult to see clearly (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/blur>)), отражающая процесс визуального восприятия запечатленного в памяти объекта. Полисиндетон в виде повторяющегося союза *and* в предложении *A little old man with a baby carriage...*, эллипсис в виде опущения сказуемых усиливают динамичность восстановления визуальной картинки, проявления отдельных составляющих ее элементов. Использование приема графической маркированности – написания названия пекарни заглавными буквами *DONNER'S BAKERY* – несет, на наш взгляд, двойной функционал: во-первых усиливает эффект реминисценции, и во-вторых имеет имплицативный интертекстуальный смысл. Пекарня играет ключевое значение в дооперационной жизни Чарли – это единственное по-настоящему любимое им место; локация, где находятся (по мнению самого Чарли) все его друзья; место, где он действительно востребован. Дважды автор использует словосочетание *scared look* – семантическое значение прилагательного *scared* отражает состояние главного героя, в котором он пребывает большую часть своей дооперационной жизни. Местоимение третьего лица единственного числа *he* можно считать средством воссоздания темпоральной плоскости прошлого в рамках внутрисюжетного психологического времени главного героя. Полагаем, что оно является одним из основных неконвенциональных темпоральных индикаторов дооперационной жизни главного героя. Применение местоимения *he* проводит виртуальную разграничительную линию между личностью главного героя в момент повествования и его дооперационного альтер эго, а также отграничивает эпоху прошлого от эпохи настоящего.

Другим воспоминанием о пекарне становится сцена насилия, когда Чарли преследует компания парней:

“But there is something about the doorway – the dark hall, the laughing, that makes his skin twitch again. He tries to know what it is but all he can remember is their dirt and piss all over his clothes, and Uncle Herman shouting when he came home all covered with filth, and how Uncle Herman ran out with a hammer in his hand to find the boys who did that to him. Charlie backs away from the boys laughing in the hallway, drops the bundle. Picks it up again and runs the rest of the way to the bakery” (Keyes, 2019). С точки зрения лексического наполнения данная цитата не изобилует экспрессивной лексикой, но общая тональность четко прослеживается по некоторым отдельным лексическим единицам. Лексемы *dirt*, *piss*, *filth* обладают компонентом отрицательной оценочности, что выражается в создании эмоционально-негативного оттенка значения; единственным словосочетанием, несущим некоторую эмоционально-экспрессивную нагрузку является фраза *that makes his skin twitch*, в котором глагол *twitch* – to make a sudden, quick movement, sometimes one that you cannot control

(https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/twitch_1?q=twitch&) , иллюстрирует определенную некомплементарность с существительным *skin*, при этом передавая степень эмоциональной нагрузки, испытываемой главным героем. Синтаксические стилистические средства такие, как асиндетон (*the dark hall, the laughing; Charlie backs away, drops the bundle, picks it up again*), полисиндетон, выраженный повторяющимся союзом *and* (*and Uncle Herman shouting..., and how Uncle Herman ran out...*), а также отсутствие подлежащего в последнем предложении анализируемой цитаты выступают в качестве средств экспрессивности и передают степень эмоционального напряжения, страха, отчаяния главного героя. Сочетания противоположных синтаксических средств создает эффект убыстрения описываемого воспоминания, эффект сжатия времени и максимальной психоэмоциональной нагрузки.

Описанная реминисценция дополняет общий темпоральный контур биографии главного героя, связанный с работой в пекарне. Она является частью более объемного эпизода, оканчивающегося очередным актом насилия по отношению Чарли: один из работников пекарни сбивает спящего стоя Чарли, который только что укрылся от преследования:

“He relaxes here – squatting against the wall. The oven is crackling and makes him sleepy.

Sweet... warm... sleep...

Suddenly, falling, twisting, head hitting against the wall. Someone has kicked his legs out from under him.

That’s all I can remember. I can see it all clearly, but I don’t know why it happened. It’s like when I used to go to the movies. The first time I never understood because they went too fast but after I saw the picture three or four times I used to understand what they were saying” (Keyes, 2019).

С лингвостилистической точки зрения автор в большей степени использует синтаксические стилистические средства для передачи экспрессивности описываемого воспоминания, чем эмоционально-окрашенную лексику. Среди них можно выделить структурно-синтаксическое обособление (*Sweet... warm... sleep...*), градацию на фоне эллипсиса в виде отсутствия смыслового ядра и асиндетон (*Suddenly, falling, twisting, head hitting against the wall*). Используя пару личных местоимений *I / he*, автор отчета вновь разграничивает две личности в себе: местоимение *he* относится к тому Чарли, что в момент повествования фигурирует в описываемом воспоминании, местоимение *I* относится к лицу, способному к саморефлексии и реконструкции событий прошлого в единый темпоральный контур. Ввиду низкого уровня развития эмоционального интеллекта, а также простой жизненной неопытности Чарли не способен определить причину своей внезапной боли; попытки разобраться приводят к сравнению ситуативных первопричин со знакомством с кинематографом, поскольку только многократное прокручивание эпизода в сознании могло способствовать пониманию и принятию происходящего.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что одним

из главных приемов создания внутрисюжетного психологического времени главного героя, а также построения темпоральной плоскости прошлого являются реминисценции в значении мнемического эффекта воспроизведения первоначально стертого из памяти эмоционально насыщенного эпизода или события. Использование автором лингвостилистических, в большей степени синтаксических, средств экспрессивности способствовало более наглядному изображению реалий жизни главного героя в дооперационный период.

Список литературы

1. Белокурова П.С. Словарь литературоведческих терминов. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/312-реминисценция> (дата обращения 11.06.2024).
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Евгеньева Н.А. Функции реминисценции как формы проявления интертекстуальности // Вестник ОГУ. № 11(160). 2013. С. 101–105. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-reminisentsii-kak-formy-proyavleniya-intertekstualnosti/viewer> (дата обращения 11.06.2024).
4. Король Л.П. Время и пространство как формообразующая категория // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №5(2). 2014. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-i-prostranstvo-kak-formoobrazuyuschaya-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta/viewer> (дата обращения 11.06.2024).
5. Лихущина М.В. Художественное время и его особенности // Общество: философия, история, культура. 2021. №2(82). [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-vremya-i-ego-osobennosti> (дата обращения 13.06.2024).
6. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [https://psychological.slovaronline.com/1576-REMINISTSENTSIYA#:~:text=РЕМИНИСЦЕНЦИЯ%20\(от%20лат.,непосредственном%20воспроизведении\)%20не%20удавалось%20воспроизвести](https://psychological.slovaronline.com/1576-REMINISTSENTSIYA#:~:text=РЕМИНИСЦЕНЦИЯ%20(от%20лат.,непосредственном%20воспроизведении)%20не%20удавалось%20воспроизвести) (дата обращения 11.06.2024).
7. Самойлова А.В., Шершневая Н.Б. Многоаспектность категории времени // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Краснодар: КубГУ, 2018. С. 77–82.
8. Сначиль О.В. Неконвенциональные способы передачи времени в художественном тексте // Текст – дискурс – культура. Краснодар: КубГУ, 2023. С. 210-216.
9. Сначиль О.В. Референтные сферы неконвенциональных средств передачи времени в художественных текстах // Филология и человек. № 1. 2024. С. 7–23.

10. *Чернова И.В.* Лингвистический анализ и интерпретация художественного текста, лингвокогнитивный подход: теория и практика. Краснодар, КубГУ, 2022. 134 с.

Источники

Киз Д. Цветы для Элджернона. М.: ЭКСМО, 2018. 384 с.
Cambridge Dictionary. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 13.06.2024).

Keyes D. Flowers for Algernon. London: SF Masterworks, 2019. 215 p.
Oxford Learner's Dictionary. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 13.06.2024).

REMINISCENCE AS A WAY OF TEMPORAL PLANE FORMATION IN FICTION

A.V. Samoylova

Kuban State University, Krasnodar

The article dwells upon the notion of reminiscence and its incorporation in the literary text canvas as a means of formation of the retrospective time plane of the conscious period in the life of the main character of the novel “Flowers for Algernon” by D. Keyes. It is also viewed as a psychological means, which advances the process of self-reflection and self-identity in the social context.

Key words: reminiscence, the category of time, stylistic device.

УДК 811:911:37.016

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

А.В. Самойлова, П.Ю. Ремизова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Лингвострановедческий компонент представляет собой важный аспект обучения иностранному языку, владение которым способствует оптимизации коммуникативной компетенции через формирование системы знаний социокультурного характера. Цель данной статьи заключается в разработке и анализе способов включения лингвострановедческого материала для формирования навыков монологической речи на этапе обучения иностранному языку учащихся средней школы. Актуальность исследования подтверждается релевантностью разработанного лингвострановедческого дидактического материала, а также прогнозируемых результатов в ходе его применения.

Ключевые слова: лингвострановедение, социокультурная компетенция, лексическая компетенция, монологическая речь.

В процессе освоения иностранного языка особое внимание уделяется развитию навыков монологической речи – способности свободно выражать свои мысли на иностранном языке. При этом реализация лингвострановедческого аспекта играет важную роль именно при формировании навыков непосредственной коммуникации. Лингвострановедение является неотъемлемой частью изучения иностранных языков, помогая учащимся понимать культурные особенности и ценности страны, язык которой они изучают. В современном образовательном процессе лингвострановедческий аспект также занимает важное место, поскольку «...это направление, с одной стороны, сочетает в себе обучение языку, а с другой – дает определенные сведения о стране изучаемого языка» [12, с. 79], соответственно способствует развитию межкультурной коммуникации и расширению кругозора учащихся.

Поскольку лингвострановедение исследует язык через призму культуры, его внедрение в процесс обучения иностранному языку базируется на ряде ключевых методологических принципов. Основой для первого принципа является понимание того, что язык не только облегчает общение между людьми, но и является корпусом знаний в индивидуальном и коллективном сознании коммуникантов. Второй принцип заключается в том, что обучение языку тесно связано с процессом аккультурации, включающим в себя освоение ключевых аспектов другой национальной культуры, таких как нормы и ценности народа-носителя. Третий принцип подчеркивает важность развития положительного отношения к народу, чей язык изучается. Четвертый принцип отмечает необходимость в интеграции страноведческой информации через языковой материал, используемый в процессе обучения. Пятый принцип проявляется в значимости включения лингвострановедческого аспекта в процесс обучения, который позволяет более глубоко осмыслить специфику языка и его культурный контекст [4].

Одной из основных задач лингвострановедения, по мнению Г.А. Королёвой, является изучение языковых единиц, которые наиболее ярко отображают уникальные черты культуры народа-носителя. Эти языковые единицы включают в себя:

– реалии (слова и выражения, обозначающие предметы и явления, уникальные для определенной культуры и отсутствующие в другой);

– коннотативную лексику (слова с похожим основным значением, но разные по культурно-историческим ассоциациям);

– фоновую лексику (обозначение предметов и явлений, которые можно встретить в разных культурах, но которые отличаются национальными особенностями в своем применении) [7]. По мнению М.В. Соловьевой к лексике, которая включает в себя страноведческий культурный компонент также относятся и ключевые слова, а именно лексические единицы, которые отражают конкретный исторический этап в развитии данного общества [11].

Таким образом, при изучении иностранного языка важным аспектом становится усвоение лингвострановедческого компонента, который включает в

себя понимание и знание коннотативной лексики, реалий и фоновой лексики, а также основных тем страноведения, включая историю зарубежных стран, их традиции, обычаи, политическую систему и особенности быта [5].

Как считают многие исследователи, практическая составляющая и результат обучения во многом зависят от выбора лингвострановедческого материала. Именно поэтому при отборе материала необходимо ориентироваться на следующие критерии:

- актуальность современных реалий страны. Важно учитывать текущую политическую и экономическую ситуацию, а также особенности общественного строя, быта и обычаев современных жителей;

- аппроксимация формата учебных материалов таких, как тексты, аудио- и видеозаписи, к ситуациям реального общения между носителями языка;

- распространенность лексико-грамматической тематики учебных материалов – они должны быть широкоупотребительными, то есть состоять из лексики и грамматических конструкций, которые используются в повседневном общении;

- приоритет лингвистического подхода, при котором страноведческие знания не являются самоцелью. Необходимо уделять внимание тому, чтобы материалы были взаимосвязаны с изучением фонетического, лексического и грамматического строя языка, а также дополняли уже имеющиеся знания;

- учет готовности обучающихся к получению страноведческих знаний. Важно учитывать наличие не только внутреннего стремления к освоению определенных аспектов языка, но и языковую готовность учащихся [9].

По мнению И.И. Бурлакова, «основной целью обучения иностранным языкам является формирование у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции, одним из компонентов которой, наряду с языковой и речевой, является социокультурная компетенция» [3, с. 109]. Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин предложили следующую трактовку данного термина: «Социокультурная компетенция – совокупность знаний о стране, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [1, с. 268]. Подходы, применяемые при обучении иноязычной культуре, являются важным инструментом для достижения целей обучения. Так, обучение иноязычной культуре предполагает использование межкультурного подхода, который способствует интегрированию языка и культуры его носителей в процессе обучения.

Внедрение лингвострановедческого подхода в процесс обучения через формирование элементов социокультурной компетенции во многом связано с методикой обучения иноязычной монологической речи, основной целью которой является развитие умений анализировать культурные особенности страны изучаемого языка и передавать эти знания через монологическое высказывание. Такой подход позволяет учащимся окунуться в языковую среду и проявить повышенный интерес к изучаемой культуре, что способствует

повышению мотивации изучения языка и качества усвоения изучаемого материала. Развитие умений вычленять, анализировать и ситуативно учитывать культурные особенности страны носителя языка посредством монологического высказывания также способствует формированию толерантного отношения к разным культурам. Этот подход важен не только для освоения иностранного языка, но и для формирования гражданского сознания и уважения различий между людьми, являющихся элементами социокультурной компетенции.

Однако овладение навыками социокультурной компетенции невозможно представить без достаточного лексического запаса. Следует отметить, что при скудном словарном запасе общение значительно ограничено. Можно с легкостью обойтись без углубленных знаний грамматики, но без лексических навыков сделать это невозможно. Лексическая компетенция представляет собой «знание словарного состава языка и способность им пользоваться в процессе общения» [1, с. 121]. О.В. Турова подчеркивает тесную взаимосвязь данного компетентного аспекта с коммуникацией: «лексическая компетенция формируется в процессе коммуникативной деятельности учащихся, а коммуникативная компетенция в свою очередь совершенствуется по мере развития лексической компетенции» [13, с. 107]. Таким образом, в нашем понимании лексическая компетенция означает не только способность интуитивно и без дополнительных усилий употреблять слова в устной и письменной форме, но и связывать их в целостное высказывание на иностранном языке.

Результатом формирования лексической компетенции следует считать автоматизированное использование лексических единиц, позволяющее учащимся понимать и интерпретировать лексику иностранного языка и находить соответствующие эквиваленты в родном языке. Для продуцирования успешного монологического высказывания необходим хороший словарный запас. Более того, в ходе обучения иностранному языку учащиеся должны приобрести такие навыки, как умение логически строить монологическое высказывание и умение обходиться без необоснованных пауз в процессе высказывания. Поэтому именно лексическая компетенция играет ключевую роль в формировании иноязычной монологической речи. И.Л. Колесникова понимает монологическую речь как «речь одного лица, обращенную к другому лицу или группе слушателей (собеседников) с целью в более или менее развернутой форме передать информацию, выразить свои мысли, намерения, дать оценку событиям и явлениям, воздействовать на слушателей путем убеждения или побуждения их к действиям» [6, с. 109].

Российский лингвист, специалист в области методики обучения иностранным языкам Т.П. Леонтьева выделяла следующие свойства монологического высказывания: активность, произвольность, целенаправленность, логичность, связность, завершенность, продуктивность, непрерывность, самостоятельность и выразительность [8, с. 68].

Согласно И.А. Бредихиной существует два подхода к обучению монологической речи:

1) дедуктивный путь характеризуется постепенной работой с лексическими и грамматическими структурами, путем постепенного увеличения количества фраз;

2) индуктивный путь в свою очередь предполагает непосредственно работу с готовым текстом, который может быть представлен как аудитивно, так и зрительно [2].

К средствам обучения монологической речи следует отнести:

– аудитивные стимулы (аудиотексты с последующим говорением по услышанному);

– вербально созданные речевые ситуации (ролевая игра);

– аудио визуальные средства (кинофильмы);

– зрительные стимулы (тексты для чтения с последующим говорением по прочитанному) [14].

Следует отметить, что на современном этапе развития системы образования, при обучении монологической речи посредством лингвострановедческого компонента имеющаяся вариативность дидактического материала представляет эффективный ресурс обучения. При анализе страноведческих текстов, обработке аутентичной лингвострановедческой информации из аудио- и видеоматериалов учащиеся активизируют свою мыслительную деятельность и находят нестандартные решения задач, связанных с историческими, культурологическими, социальными реалиями страны изучаемого языка. Такая практика увеличивает интерес учащихся к изучению иностранного языка и способствует разнообразию учебного процесса.

Для анализа реализации лингвострановедческого компонента обучения иностранному языку нами была выбрана конкретная категория учащихся – ученики 6 класса лицея № 23 имени И. И. Кромского г. Сочи.

На основе базового УМК «Английский в фокусе» (“Spotlight”) для 6 классов, мы разработали аутентичный дидактический материал в виде образовательной игры, который поможет учащимся ознакомиться со знаковыми локациями Лондона и фактологическими данными о них. Данный трехступенчатый блок лингвострановедческого материала направлен на составление подготовленного монологического высказывания в форме сообщения и предполагает прохождение нескольких этапов: введение через просмотр тематического видеофрагмента, проведении образовательной игры, подготовка монологического высказывания по лингвострановедческой тематике.

Первый этап представляет собой введение в тему: “Fascinating sights of London” и заключается в просмотре видеоматериала на тему “This is Britain – London”, представленного на образовательной платформе [Islcollective.com](https://en.islcollective.com/english-esl-video-lessons/this-is-britain-london/418801) (<https://en.islcollective.com/english-esl-video-lessons/this-is-britain-london/418801>) и выполнении к нему заданий. Первое задание на соответствие “Matching” учащимся следует выполнять во время просмотра видео. Учащимся необходимо сопоставить слово с картинкой из видео.

Exercise while watching the video
Exercise №1. Try to match the word and the picture.

1) Tower Bridge	
2) A ticket	
3) Big Ben	
4) A sightseeing bus	
5) A train station	
6) The London Eye	
7) Buckingham Palace	
8) A taxi	

Рисунок 1. Упражнение 1.

Следующее задание на альтернативный ответ “True/False” следует выполнять после второго просмотра видео.

After watching the video for the second time
Exercise №2. Choose if the sentences are true or false.
Correct false sentences or parts of the sentences.

- Emily lives in London with her brother Max and her mum and dad.
- London is a small city but there are a lot of things to see.
- There are a lot of famous shops in London. For example, Harrods is a big toy shop.
- Trafalgar square is in the middle of London.
- The London Eye is a big wheel. It's 145 metres high.
- Big Ben is the name of the tower.

Рисунок 2. Упражнение 2.

Третье задание “Gap filling” заключается в заполнении пропусков активной тематической лексикой.

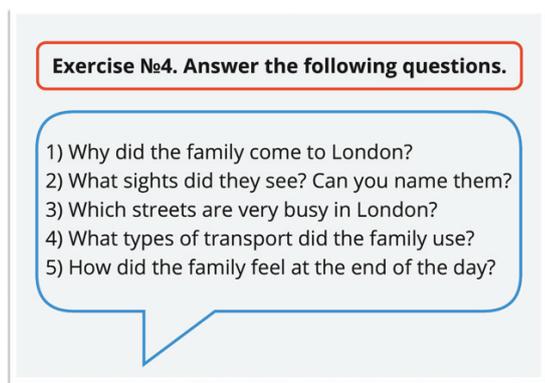
Exercise №3. Fill in the gaps. Use the words from the box.

Tickets Department Boat Capital Toy Queen
 Monument Wheel Busy Government Thames

- London is the _____ city of the United Kingdom.
- Harrods is a big _____ store.
- Hamleys is a _____ shop.
- Oxford Street and Piccadilly Circus are very _____.
- That's Buckingham Palace. The _____ lives there.
- Nelson's column is a famous _____ in Trafalgar Square.
- The London Eye is a big _____.
- The Prime Minister and the _____ work in the Houses of Parliament.
- There are a lot of bridges over the river _____ in London.
- You can see interesting places from a _____.

Рисунок 3. Упражнение 3.

Четвертое задание заключается в ответах на вопросы по содержанию видео.

Exercise №4. Answer the following questions.

- 1) Why did the family come to London?
- 2) What sights did they see? Can you name them?
- 3) Which streets are very busy in London?
- 4) What types of transport did the family use?
- 5) How did the family feel at the end of the day?

Рисунок 4. Упражнение 4.

Пятое задание представляет собой составление учащимися монологического высказывания с опорой на вопросы.

Exercise №5. Imagine that you visited London last week and now you want to share your impressions of the trip with your friends. Answer the following questions and tell your classmates about your journey!

- 1) What season of a year did you go and why?
- 2) Who did you go with?
- 3) What type of transport did you use to get around the city and why?
- 4) Which of the presented attractions did you visit and why?
- 5) Did you enjoy the trip?

Рисунок 5. Упражнение 5.

Второй этап заключается в проведении образовательной игры на тему: “Fascinating Sights of London”.

Цель игры: формирование социокультурной компетенции и развитие навыков монологической речи у учащихся 6-х классов посредством образовательной игры как способ повышения мотивации к изучению иноязычной культуры. Раздаточный материал к образовательной игре включает карточки с достопримечательностями; карточки с описанием достопримечательностей; игровое поле – карта Лондона.

Правила игры: преподаватель делит учащихся на 4 команды по 4 человека. Мелкогрупповая работа в рамках языковой группы, состоящей из 16 человек, позволяет каждому участнику группы активно участвовать в процессе игры. Более того, работа в небольших группах не только занимает меньше времени и способствует более глубокому усвоению материала, но и предоставляет больше возможностей для практики речи. Каждая группа получает раздаточный материал (8 карточек с достопримечательностями Лондона, 8 карточек с описанием достопримечательностей и одно игровое поле

Последний третий блок задания представляет собой закрепление знаний и реализуется при выполнении домашнего задания. Учащиеся самостоятельно находят дополнительную информацию и интересные факты о достопримечательностях, с которыми они работали в классе и впоследствии освещают ее на уроке в форме подготовленного монологического высказывания (микромонолог, состоящий из 8-10 предложений). Темы подготовленных сообщений: “The London Eye”, “Westminster Abbey”, “Buckingham Palace”, “The Science Museum”, “Tower Bridge”, “Harrods”, “Madame Tussauds”, “Big Ben”. Следует отметить, что темы сообщений дублируют названия достопримечательностей на карточках игры. При подготовке сообщений учащимся необходимо использовать следующие СЛС, которые учитель вводит заблаговременно: firstly; secondly; thirdly; moreover; in addition; finally; it’s important to note that; a significant point is that... .

В качестве методической основы при подготовке монологического высказывания в форме сообщения лежал дедуктивный подход.

Итак, данный дидактический лингвострановедческий материал подразумевает овладение учащимися следующих универсальных учебных действий:

- умение работать с информацией;
- использование средств информационно-коммуникационных технологий при выполнении домашнего задания;
- выполнение задания в различных тестовых форматах;
- рациональная организация индивидуальной работы в классе и в домашних условиях;
- сотрудничество со сверстниками и работа в группе.

Таким образом, на основе результатов данной образовательной игры можно сделать следующие выводы: учащиеся могут распознавать и запоминать достопримечательности Лондона; закрепляют лексику по теме «Travelling»; осваивают soft skills в форме коллективной работы и коммуникативных навыков; формируют навыки монологического высказывания; повышают мотивацию к изучению иноязычной культуры через игровую деятельность. Следовательно через овладение рядом навыков социокультурной компетенции учащиеся могут успешно применять лингвострановедческие знания в практике общения, качественно владея тематической страноведческой информацией.

Список литературы

1. *Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

2. *Бредихина И.А.* Методика преподавания иностранных языков: обучение основным видам речевой деятельности. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 104 с.

3. *Бурлакова И.И.* Практика формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку // *Язык и текст.* 2018. № 1. С. 109–115.
4. *Варламова В.А.* Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранного языка // *Молодой ученый.* 2015. № 7 (87). С. 920–923. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16865/> (дата обращения: 10.07.2024).
5. *Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
6. *Колесникова И.Л.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», «Cambridge University Press», 2001. 224 с.
7. *Королёва Г.А.* Актуальность использования лингвострановедческого аспекта в обучении английскому языку // *Концепт.* 2017. №8. С. 23–29.
8. *Леонтьева Т.П.* Методика преподавания иностранного языка: учебное пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2017. 240 с.
9. *Миков В.Ю.* Принципы отбора лингвострановедческой и лингвокультурной информации о родной стране в англоязычных учебниках: социокультурный подход // *Педагогическое образование в России.* 2019. №8. С. 12–19. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-otbora-lingvostranovedcheskoy-i-lingvokulturnoy-informatsii-o-rodnoy-strane-v-angloyazychnyh-uchebnikah-sotsiokulturnuyu> (дата обращения: 14.06.2024).
10. *Скалкин В.Л.* Обучение монологическому высказыванию (на материале английского языка). М.: Просвещение, 2002. 153 с.
11. *Соловьева М.В.* Задачи лингвострановедения как учебной дисциплины // *Лесной вестник.* 1999. №3. С. 79–80.
12. *Томахин Г.Д.* Понятие лингвострановедения: его лингвистические и лингводидактические основы // *Иностранные языки в школе.* 1980. №4. С. 77–81.
13. *Турова О.В.* Иноязычная лексическая компетенция как первооснова изучения иностранного языка // *Педагогика, психология, филология.* 2018. №3 (97). С. 105–111.
14. *Фадеева Л.В.* Методика обучения иностранным языкам: от теории к практике. М.: Флинта, 2021. 224 с.

IMPLEMENTATION OF LINGUOCULTURAL ASPECT IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE MONOLOGIC SPEECH

A.V. Samoylova, P.Yu. Remizova

Kuban State University, Krasnodar

Linguocultural component is an important aspect of teaching a foreign language, the possession of which contributes to the improvement of communicative competence by forming a system of knowledge of a socio-cultural nature. This article aims to develop and analyze ways to incorporate linguocultural materials in order to enhance monologic speaking skills at the secondary school level. The relevance of this research is supported by the significance of the developed linguocultural teaching materials, as well as by the anticipated outcomes from their implementation.

Key words: linguocultural studies, sociocultural competence, lexical competence, monologic speech.

УДК 81'23

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЛЬФАКЦИИ

A.A. Сахно

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная работа посвящена изысканиям в области функционального аспекта ольфакторной системы в рамках психолингвистики. Автор рассматривает ольфакцию как составляющую невербальных компонентов коммуникации, описывает применение ольфакции в окружающей действительности. Работа имеет характер междисциплинарности, написана на рубеже психолингвистики, лингвистики и биологии, исследуемый материал будет интересен как специалистам в области гуманитарных, так и естественно-научных знаний.

Ключевые слова: ольфакция, психолингвистика, невербальные компоненты коммуникации, запах, ольфакторная самопрезентация.

Одной из особенностей ольфакторной коммуникации является ее функционирование на бессознательном уровне. При этом считается, что именно данный компонент невербальной коммуникации выполняет роль одного из фундаментальных способов обмена невербальной информацией. Необходимо отметить, что запахи длительны в своих проявлениях, переносятся за рамки одного тела и выступают в качестве дальней связи.

Основываясь на результатах исследования в данной области, представляется возможным зафиксировать базовые свойства ольфакторной сенсорики:

- она оперирует в аспекте чувств и ощущений, указанная концепция объясняется особым строением центральной нервной системы человека;
- имеет способность продолжительно воздействовать на участника невербальной коммуникации;
- относится к бессознательным процессам человеческой психики;
- выступает в качестве интимного ощущения;
- является естественным процессом;
- доказано, что ольфакция вызывает воспоминания, оказывает влияние на психоэмоциональное состояние участников коммуникации, способна повышать или понижать работоспособность и т.д.
- является этической структурой окружающего мира;
- скорость рассеивания запаха ниже, чем, например, звука, запах не имеет способности быстро трансформироваться;
- существуют определенные случаи, при которых возникают сложности в обнаружении первоисточника аромата или его тяжело угадать [4].

Исследователи в области ольфакции совершали неоднократные попытки систематизировать и типизировать запахи. Так, Э. Синотт остановился на следующей классификации: природные, искусственные и символические. Здесь необходимо сделать ряд пояснений: к природным возможно отнести запах человеческого тела, к искусственным – парфюмерные продукты или синтетические загрязнения, к символическим – одоризмы или ольфакторные метафоры [7].

Природные запахи реализуют базовую функцию – аттрактивную, которая заключается в привлечении противоположного пола на уровне телесности и чувственности. Также имеет место быть функция доминирования среди представителей мужского пола – в этом случае мужчины поднимают руки и замыкают их на затылке, таким образом, бессознательно увеличивая площадь распространения запаха. Что касается синтетических ароматов, то, они, в свою очередь, являются отличным примером реализации функции социализации и привлечения внимания. Здесь необходимо учитывать, что аттрактивная функция природных и искусственных запахов сильно отличается. А заключается данное различие в наличии намеренности воздействия. Так, влечение естественных ароматов имеет произвольную основу, в то время как искусственные запахи намеренно используются для привлечения общественного внимания, повышения определенного статуса. При этом видится интересным следующий факт: социальная функция ольфакторных элементов работает через использование синтетических ароматов для уничтожения запахов природных.

Как естественные, так и искусственные ароматы возможно представить в качестве элементов видимого, выразительного индивидуума, определенными практиками проявления его внутреннего мира и при этом действенным способом сокрытия окружения, принимая формы в зависимости от факторов внешних реалий. Следует сделать акцент на необходимости демонстрации себя

кому-то другому и формирования образа в зависимости от потребностей и видения какого-то человека [2, 3].

Самопрезентация имеет высокий уровень социальной потребности, она выступает как первостепенная социальная задача. С ее помощью человек подчеркивает свои наиболее важные индивидуальные особенности и достижения. В контексте данного вопроса необходимо обратиться к приему ольфакторной самопрезентации, который заключается в представлении себя общественности благодаря тому или иному аромату. Таким образом, возможно сделать вывод о том, что запах содержит в себе определенную информацию о человеке, является составляющей его сформированного образа.

Персональный имидж в рамках семиотической совокупности состоит из разнообразных знаков, которые мы применяем в нашей повседневной жизни для обозначения и оценки внутреннего содержания участника коммуникации – это относится и к ольфакторным знакам в том числе. Данные знаки могут оформляться под влиянием рекламы и тенденций моды. Описание запахов вызывает определенные сложности и по этой причине в рекламных текстах или слоганах применяется язык ассоциаций и визуальная трансляция ольфакторного декодирования [5, 6].

Рассматривая вопросы функциональных особенностей ольфакции, интересно изучить научную попытку сопоставления гендерных реакций из разных культурных реалий. Так, были проанализированы мужские и женские реакции представителей трех стран (Германии, Японии и Италии) на телесные запахи супруга. Данный эксперимент был обусловлен потребностью выявить способность узнавать партнера по запаху. Каждому члену группы предлагалось десять футболок, которые носили на голое тело не только супруги, но и незнакомые люди. Изначально предполагалось, что члены «контактной» группы (Италия) с более высокой степенью вероятности выберут нужную футболку, нежели члены «неконтактной» группы (Германия, Япония). В результате прогнозы исследователей не подтвердились, так как респонденты показали, в общем и целом, одинаковую способность распознавать телесные запахи. Вкусовые предпочтения мужчин и женщин похожи – запах мужчины воспринимался как менее привлекательный, в сравнении с запахом женщины. Самым интересным оказалось то, что женщины оценили запах своего супруга как неприятный. При этом наиболее резкими в рассуждениях были японки.

В процессе восприятия женских футболок мужчинами последовали удивительные результаты – в независимости от культурной принадлежности мужчины оценивали запах своей супруги как приятный.

Исследование также показало во всех представленных культурных группах схожее негативное отношение к запахам гниения, фекалий, пота, мочи. Как итог, можно сделать вывод о том, что в любой культурной реальности формируется определенная шкала, в соответствии с которой запахи оцениваются как приятные и неприятные [1].

Ольфакторная самопрезентация представляет собой не только многообразное культурное образование, но и социально-психологическая реалию, в рамках которой взаимодействуют разнообразные признаки личности.

В общем и целом, вопрос изучения ольфакции и ее корреляции с культурой выступает одним из аспектов взаимодействия культуры и природы. В наши дни просматриваются определенные тенденции к возрастанию значимости запаха в повседневной жизни, на основании чего можно сделать выводы об усилении синтетически выстроенной среды. Запах начинает осуществлять в культурном поле навязанную ему деятельность и факт этого позволяет переосмыслить значение ольфакции в исторической ретроспективе, проанализировать изменение ценности ольфакторных единиц на уровне традиций цивилизаций. В данном ключе представляет особый интерес проследить трансформацию человеческих предпочтении того или иного аромата в зависимости от исторической эпохи. Здесь необходимо отметить развитие области сознательного применения запахов, совершенствование парфюмерного дела.

Список литературы

1. *Епанешникова М.А.* Рецепция запаха и его природно-культурный смысл // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2010. С. 101–104.
2. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 608 с.
3. *Лабунская В.А., Герасимова О.А.* Гендерная интерпретация парфюмерных запахов // Психологический вестник РГУ. Вып. № 5. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2000. С. 282–283.
4. *Мартынова Е.М.* Аномалии ольфакторного поведения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. № 6 (69). Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2015. С. 158–161.
5. *Сидорчукова Л.Г., Клещева Е.Ю.* Ольфакторная самопрезентация как культурный феномен // АНТРО. Вып. № 2 (11). Пермь: Западно-Уральский институт экономики и права, 2012. С. 27–37.
6. *Antipova I.A., Volkodav T.V.* Teachers' body language: the power is in the palm of their hands // Форум молодых ученых. Вып. № 1 (29). Саратов: Институт управления и социально-экономического развития, 2019. С. 11–17.
7. *Synott A.* The body social: symbolism, self, and society. London: New York: Routledge, 1993. 309 с.

FUNRTIONAL REPRESENTATION OF OLFACTION

A.A. Sakhno

Kuban state university, Krasnodar

The article surveys the functional aspect of olfactory system in the field of psycholinguistics. The author examines olfaction as an element of nonverbal components of communication, describes olfaction application within reality. The work is of an interdisciplinary nature, written at the junction of psycholinguistics, linguistics and biology, the test material will be of interest to both experts in the field of humanitarian and natural-scientific knowledge.

Key words: olfaction, psycholinguistics, nonverbal components of communication, smell, olfactory self-presentation.

УДК 81'33

ОНОМАСТИКОН В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. СЛИМАНИ «СТРАНА ДРУГИХ»): КОРПУСНЫЙ АСПЕКТ

В.Л. Соколова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В данной работе предпринимается попытка исследования ономастикона в рамках франкофонного лингвокультурного пространства в современной художественной литературе методом корпусного анализа. С помощью корпусного анализа авторы выявляют общие тенденции и особенности использования имен собственных в современном французском романе, а также их влияние на структуру текста и восприятие читателя. Статья также обращает внимание на то, как изменения в использовании ономастики отражают социокультурные и литературные тенденции современной французской литературы.

Ключевые слова: ономастикон, этноним, франкофонная литература, корпусная лингвистика, художественная литература.

Сегодня все более активно развиваются контакты между цивилизациями, что включает в себя языковой, социокультурный, ментальный, политический аспекты. Подобного рода взаимодействие носит двусторонний характер, одним из аспектов которого являются радикальные реакции или неприязнь «другого» [1, с. 31]. Изучение культур в целом и посредством языка в частности особенно важно в современном мультязычном глобальном пространстве, так как

позволяет лучше понимать и глубже анализировать модели мышления и поведения, способы коммуникации, в том числе и межкультурной.

Изучение современного французского ономастикона актуально в аспекте кросс-культурных взаимоотношений французской лингвокультуры (т. е. метрополии) с другими, т. е. постколониальными лингвокультурными франкофонными пространствами. Изучение ономастикона представляет особый интерес так как он аккумулирует в себе социокультурные элементы, являющиеся частью социокультурной памяти.

В данной статье предпринимается попытка методом корпусного анализа сформировать список онимов и определить их частотность в романе Л. Слимани «Страна других» (фр. «Le pays des autres»).

Методологическую базу в рамках корпусного анализа исследования образуют труды А.И. Горожанова, И.А. Гусейновой, Д.В. Степановой [4; 10]; в рамках межкультурного аспекта – Т.Ю. Загрязкиной, В.В. Красных [5; 7]; в области оперирования большими (текстовыми) данными – Г.Г. Бондарчук [2], В.В. Катерминой, А.А. Гнедаш [6]; рамках теории номинации – Е.С. Кубряковой, Н.В. Подольской [8; 9].

Ономастикон как социолингвистическое явление во франкоязычном пространстве

В современной литературе роль онимов, в частности этнонимов, особо важна. Их генезис гетерогенен. С точки зрения лингво-когнитивного подхода мы рассматриваем генезис онимов как гетерогенное явление. С одной стороны, они отражают национальную специфику ментально-лингвального комплекса; с другой – манифестируют национально-культурную специфику. Как правило, они рождаются в недрах национально-лингво-культурного сообщества [5, с. 25] и находят свое отражение в разных типах дискурса: медиа, политическом, художественном. Ономастические единицы могут анализироваться как через призму теории номинации, так и с точки зрения лингвокультурологии [Там же, с. 231].

Онимы, в частности этнонимы, выступают в качестве мощного средства категоризации [3, с. 20]. Они создают дихотомическое пространство «мы-они», что усиливает манифестацию отношений другоизации между лингвокультурой донором и лингвокультурой реципиентом, становясь сильнодействующим коммуникативным инструментом.

Под ономастиконем мы понимаем совокупность собственных имен или репертуар имен определенного этноса или социума в рамках заданного исторического периода [5, с. 127]. На наш взгляд, ономастикон – интегративное понятие, так как является точкой взаимодействия ономастики, социолингвистики и истории. Современный французский ономастикон манифестирует динамику развития не только французского языка, но и экстраполяцию лингвокогнитивного и культурного франкофонного пространства в геополитическом аспекте.

В качестве эмпирического материала был выбран роман титулованной франко-марокканской писательницы, обладательницы Гонкуровской премии, Лейлы Слимани «Страна других» (фр. *Le pays des autres*), который позволит нагляднее отобразить особенности франкоязычных онимов в мультикультурном марокканском пространстве. В общей сложности в романе выделены следующие наиболее частотные виды онимов, из которых отметим следующие (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Частотные онимы в романе

<i>Вид онима</i>	<i>Кол-во едини ц</i>	
антропоним	80 ед.	
топоним	34 ед.	14 (Европа)
		20 (Магриб; Африка)
этноним	10 ед.	
этнически маркированная лексика	15 ед.	

В ходе корпусного анализа текста удалось получить следующие результаты по наиболее частотным онимам:

топонимы: «France» – Франция (32), «Maroc» – Марокко (20), «Casablanca» – Касабланка (12), «Paris» – Париж (11);

этнонимы: «français» – французский, француз (76), «marocain» – марокканец (26), «européen» – европеец (20).

Современный ономастикон франкоязычного лингвокультурного пространства – это продукт исторического развития и маркер «ареалов франкофонии».

Особый интерес представляет собой использование топонимов. Путем корпусного исследования представляется возможным определить их частотность, локализацию, а также проанализировать оценочный компонент (пейоративный или мелиоративный). Так, например, топоним «France» является одной из наиболее частотных лексем (32), которую мы интерпретируем как пример кризисной гетеротопии, которая в тексте романа употребляется в пейоративном контексте (*Omar haïssait son frère autant qu'il haïssait la France.* – *Омар также сильно ненавидел своего брата, как он ненавидел Францию*). Еще одним из наиболее частотных топонимов является «Maroc» (20), с которым повторялись такие лексемы как «partir» (уезжать) «venir», «aller» (приезжать). Отметим, что в частотных списках по каждой лексеме было найдено малое количество повторов одной и той же леммы.

Ономастикон франкоязычного лингвокультурного пространства гетерогенен. Его основой являются французские собственные имена, а одной из составных частей аллогенные онимы, в частности антропонимы и топонимы.

В современной франкоязычной литературе ономастикон играет ключевую роль – трансмиссия и трансляция исторического, социально-экономического и лингвокультурного опыта мирового франкоязычного пространства.

Полученный корпус позволяет сделать вывод о том, что в романе отображается плюрицентричность французского языка и приоритет ономастикона метрополии, что демонстрирует симбиоз культур и исторического прошлого двух стран: Франции и Марокко.

Список литературы

1. *Бенедикт Р.* Модели культуры / Рут Бенедикт; пер. с англ. А.К. Данильченко; под ред. И.В. Кузнецова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Альма Матер, 2024. 340 с.

2. *Бондарчук Г.Г.* Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4(885). С. 23–29. EDN BXILCR.

3. *Борисова И.З.* Экспрессивные этнонимы в современном французском языке // Вестник ЧелГУ. 2014. № 10 (339). С. 19–23.

4. *Горожанов А.И., Гусейнова И.А.* Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков). Казань: Бук, 2021. 208 с. ISBN 978-5-00118-759-2. EDN UNZHVK.

5. *Загрязкина Т.Ю.* Франкофония: перекрёсток языков и культур. Вып. 6; под ред. Т. Ю. Загрязкиной. М.: КДУ, 2015. 251 с.

6. *Катермина В.В., Гнедаш А.А.* Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2022. № 21(4). С. 59–71. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.4.4. EDN ZCXRHB.

7. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

8. *Кубрякова Е.С.* Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. 1977. С. 222–303.

9. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.

10. *Gorozhanov A.I., Guseynova I.A., Stepanova D.V.* Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 195-210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.

Источники

Slimani L. Le Pays des autres. Ed: Gallimard, 2022. 368 p.

ONOMASTICON IN MODERN FRENCH LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF L. SLIMANI'S NOVEL “THE LAND OF OTHERS”): CORPUS ASPECT

V.L. Sokolova

Moscow State Linguistic University, Moscow

This research attempts to study the onomasticon within the framework of the Francophone linguistic and cultural space in modern fiction by the method of corpus analysis. Using corpus analysis, the authors identify general trends and features of the use of proper names in the modern French novel, as well as their influence on the structure of the text and the reader's perception. The article also draws attention to how changes in the use of onomastics reflect the socio-cultural and literary trends of modern French literature.

Key words: onomasticon, ethnonym, Francophone literature, corpus linguistics, fiction.

УДК 81'373.21:27-526.6-057.36(235.123) “18/19”

АРАРАТ В ВОСПОМИНАНИЯХ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

О.В. Сначиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Гора Арарат не только вошла в историю Армении, стала национальным символом армянского народа, но оказала влияние на историческую и культурную атмосферу народов Турции, Персии, России. В статье рассмотрено использование оронима Арарат в воспоминаниях участников Кавказского фронта Первой мировой войны.

Ключевые слова: ороним Арарат, Константин Образцов (священник), Ф.И. Елисеев, библейская топонимика, символ.

В сознании русского общества понятия Арарат-гора, Арарат-местность в большей степени закрепились во второй половине XIX века. Это связано с русско-турецкой войной 1877 – 1878 годов и затем с военными действиями на Кавказе в Первой мировой войне. В этих войнах участвовали кубанские казаки, для которых Арарат стал, как и для армян, своеобразным символом мужества,

мерилом жизни и смерти. В воспоминаниях, письмах, очерках, написанных участниками военных событий, мы находим множество свидетельств того, как воевали кубанские казаки на Кавказе, и, что для нас в данном контексте особенно важно, каким видели и как относились они к святыне армянского народа – Арарату.

Библейская энциклопедия 1891–1892 годов, составленная архимандритом Никифором (в миру Алексей Михайлович Бажанов, 1832–1895) не потеряла своей актуальности и до сих пор считается авторитетным справочным изданием. Арарату в ней отведена обширная статья, в которой, в частности говорится: «Арарат (святая почва) (Быт. VIII, 4) – область, или страна, лежащая близ центра Армении. Она имела некогда несколько городов, бывших резиденцией преемственных царей и правителей Армении, посему-то слово Арарат часто употребляется для означения всей области (Армении). В Свящ. Писании (4 Цар. XIX, 37, Ис. XXXVII, 38) она именуется землею Араратскою. В с.-в. части Армении на границах России с Турцией и Персией, на возвышенной равнине Аракса, возвышается одна из высочайших гор Армении, с двумя вершинами: Большой и Малый Арарат. Первый называется у персов *Cuhi-Nuc*, т. е. гора Ноя. Полагают, что на этой горе остановился ковчег Ноя.» [4, с. 57–58].

Мы можем предположить, что именно такую информацию о горе Арарат получил в Тифлисской духовной семинарии Константин Николаевич Образцов (1877–1918), русский священник, поэт и автор песни «Ты, Кубань, Ты наша Родина» (1914), написанной на русско-турецком фронте и ставшей народной песней, а затем и гимном Кубани [8; 9]. В 1904 году, в год своего рукоположения, молодой иерей Образцов еще не знал, что судьба приведет его к подножию библейской горы, где он переживет много тяжелых испытаний в качестве полкового священника вместе с казаками Первого Кавказского полка Кубанского казачьего войска, куда он был назначен в 1912 году. Священник, наравне с казаками, участвовал в тяжелых переходах по продуваемым ветрами заснеженным горам, иногда без еды и отдыха, попадал в перестрелки и настоящие боевые столкновения. Ф. И. Елисеев, кубанский казак, офицер, писатель, в брошюре «История войскового гимна Кубанского казачьего войска» пишет о священнике Константине Образцове: «Проводя все время с полком, участвуя во всех боевых его перипетиях, живя так же в своей одинокой палаточке, как и другие, тащась в хвосте колонны верхом на своей захудалой клячонке, наблюдая ежедневно и ежечасно жизнь – лишения казаков, невольно прислушивался к их разговорам, к их заунывным песням...» [1, с. 7]. В этих условиях, можно сказать, у подножия Арарата, и родилась песня, которая отражала думы и чаяния воинов – кубанцев.

В письмах своей супруге с места боев отец Константин описывал трудности военного быта, и, одновременно, отмечал библейские названия – Сивас – место исповеднического подвига Сорока Севастийских мучеников, реку Евфрат, вытекающую из Едемского сада, гору Арарат, ставшую пристанищем для ковчега Ноя. Находясь на передовой позиции, он написал

стихотворение «Кубанцы» (апрель, 1916), в котором передал важность, значимость Арарата для кубанских казаков как символа воинской славы: «Спроси величавый / Седой Арарат – / Над ним нашей славы / Знамена шумят. / Спроси у Евфрата, / У Тузлы-реки: / Там наши ребята / Острили клинки. / Наш сокол помчится / на дальний Сивас, / Нигде не укрыться / Османцу от нас. / До стен Цареграда / Направим мы лёт: Кубанцам отрада / Девиз их – “вперед!”».

В письмах отца Константина Образцова есть и упоминания встреч с армянами-беженцами. После боя около селения Комсор к священнику неизвестно откуда появилась группа армян. Вот как описал Константин Образцов это происшествие: «Явилась группа армян-беженцев. Едва добежали до казаков. Обрадовались до безумия своим освободителям. Узнали, что я “тер-тер” (священник), припали к моим рукам и давай целовать наперерыв, мой крест наперстный весь измусолили губами. “Давно, уже несколько лет, – говорят они, – не видели креста”. И еще рассказали любопытную историю своего спасения. Оказывается, их укрывали курды от турок. Здесь, т. к. в этом районе отношения армян и курдов не те, что в Алашкертском и Ванском районах: турки тут общие их угнетатели. Но когда наши части появились в этом районе, курды – укрыватели армян возымели большое подозрение к последним и говорили им: “Это вы направили на нас русских, выдали нас”. Решили резать укрытых ими армян. Те взмолились и пустились на хитрость: “Отпустите, – говорят они курдам, – отпустите последний раз помолиться, а потом уж, что делать режьте нас”. Курды поверили и отпустили их помолиться, а те, пользуясь темнотой ночной, – на задворки, по крышам, да и удрали в горы. Долго бродили по снежным вершинам, прячась от турок, пока, наконец, не набрали на наши казачьи части» [6, с. 78-79].

Главное дело войскового священника – духовная помощь, утешение и поддержка казаков. Часто приходилось молиться под открытым небом. Но в селе Хумларе, избранном как опорный пункт, господствующий над всей высотой, отцу Константину удалось «отслужить воскресную всенощную и обедницу в помещении опустелой каменной армянской церкви. Здание просторное и очень удобное. Много богомольцев было за богослужением, как из нашего полка, так и из других частей. Хотелось даже, чтобы еще задержались мы там, дабы воспользоваться этою церковью для говения наших казаков» [6, с. 84].

Как священнослужитель, иерей Константин Образцов постоянно поддерживал веру казаков. В доказательство истинности библейских повествований он использовал то, что видел вокруг себя. Известен случай, описанный много лет спустя на чужбине полковником Ф.И. Елисеевым и воспроизведенный в статье протоиерея Сергия Овчинникова: «Помню я как-то, взобрался на высокое плато, возвышавшееся непосредственно над нашим биваком, и там случайно встретил отца Константина. Наблюдая местности и высящиеся невдалеке, словно две сахарные головы, Большой и Малый Арараты, он стал пояснять мне о библейских временах сих мест, о Ноевом ковчеге, о бывшем дне морском на нашем месте и в доказательство этого,

порывшись в земле, достал оттуда несколько морских ракушек. “А вот слово ‘Адам’. Адам по-тюркски – это значит человек. Почему оно здесь имеет такое нарицательное определение?” И на эту тему он развил мне целую историю о первой колыбели человечества сих мест, последовательно связав его с именем нашего прародителя и первого человека Адама. Не знаю, ветхозаветная ли местность, далекое ли наше уединение от людей, иль мое напряженное внимание к его словам вызвали в нем поток какого-то откровения и экстаза... Я слушал и в моих глазах постепенно перерождался наш неказистый на вид батюшка и выявлялся человек с большой душой и глубоким содержанием» [5, с. 87].

Имена священника Константина Образцова и писателя Ф.И. Елисеева, как мы убеждаемся, неразрывно связаны между собой, и связывает их участие в боях на Кавказе в 1914 – 1917 годах.

Ф.И. Елисеев (1892–1987), кубанский казак, полковник, участник Первой мировой и Гражданской войн, стал подлинным летописцем казацкого войска. Его книга «Казачья жизнь на Кавказском фронте (1914–1917)» (Елисеев), написанная в эмиграции, является бесценным вкладом в историю кубанского казачества, боевых дел казачьих соединений и частей на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны. И в этих военных записках наряду с картинами военных действий отразилось трепетное отношение казаков к библейскому символу - горе Арарат, описание которой часто встречается на страницах книги, добавляя лирическую тональность в суровые картины войны. Уже в начале повествования в главе «На Джульфе. Гора Арарат» автор отмечает впечатление, которое испытали казаки, впервые увидев Арарат: «На утро следующего дня через окна офицерского вагона в юго-восточном направлении увидели громаднейшую конусообразную гору. Черная, таинственная, наполовину покрытая снегом, с круглою вершиною, она привлекла к себе внимание всех. Рядом с нею, восточнее, отделенная глубоким провалом, возвышалась такая же гора, с еще более выраженным острым конусом, но ниже первой и вся черная, словно осыпанная истлевшим пеплом.

Што это? спрашивают казаки недоуменно. Мы же сразу определили, что это и есть библейские Большой и Малый Арарат.

Так вот они какие, так хорошо нам знакомые по Ветхому Завету еще со школьной скамьи! И вспомнился сам Ной, виноградные лозы, охмелевший отец и его второй сын, по имени Хам. Казаки просят нас в свои вагоны, чтобы от своих офицеров выслушать более подробно о ветхозаветной истории, что мы охотно и делаем, сами с волнением любуясь величественной и таинственной панорамой. Они так близко от нас. Мы определяем расстояние в 3–5 верст до них, но каково же было наше удивление, когда на первой остановке железнодорожные служащие ответили – до них 25 верст! Мы долго, часа два, двигаемся на юго-восток, но эти “две сахарные головы” все так же близко остаются от нас и наконец — остались позади!» (Елисеев).

В главе «На разведке» снова возникает картина величавого Арарата:

«Выйдя из Макинского ущелья, мы вновь увидели наш библейский Большой Арарат, но уже с юго-восточной стороны. Его нарядная белая шапка никогда не тающего снега дышала суровостью, недоступностью и какой-то мистической таинственностью. Малый Арарат, который теперь ближе к нам по расстоянию, темный, мрачный, почти конусообразный, был словно детеныш против Большого Арарата и страшил своею дикостью. В провале между ними сходилась стык трех государств – России, Турции и Персии. За ними было наше Отечество, почему кровь так тепло пробежала по всему организму... Это, конечно, заговорило, пронизало организм любовное чувство к Родине, так как здесь мы почувствовали себя так далеко и сурово отрезанными горами от России, до которой, казалось, и не доскачешь» (Елисеев). Так в книге начинается тема слитности Отчизны и далекой для простого казака Армении.

У Ф.И. Елисеева Арарат всегда присутствует как молчаливый и бесстрастный свидетель свершающейся истории, как представитель высших небесных сил на земле: «Турецкий гребень был чуть ниже нашего. За ним – первое турецкое село, над которым развевался их флаг на высоком древке. Южнее нас шел высокий кряж в сторону Баязета. За селом – долина, а правее нее, словно вынырнув из ее плоскости, как на ладони предстал Большой Арарат, наполовину в снегу. Яркое солнце заливало его своими лучами, и он весь блестел в молчании природы – величественный, таинственный» (Елисеев). Писатель смотрит на Арарат глазами художника, ощущая его природную силу, мощь, вековую тайну, которую несут его вершины. И еще одна картина, завораживающая своей таинственной красотой: «Холодом обвевают нас бока Арарата. Вершина же его все так же величаво спокойна, словно умудренная предветхозаветной старостью, притягивает своим мистицизмом. Загадочно поблескивает и искрится вечными льдами. Потом нахмурится и смотрит, как кубанские пластуны занимают склоны. И вспоминает... а есть что вспомнить. Видал Арарат виды. В темную даль тысячелетий углубляется он воспоминаниями» (Елисеев). И нет сомнения, что величавая гора притягивала внимание Ф.И. Елисеева не только как мощное природное явление, но в первую очередь как символ святой христианской веры, которая поддерживает воинов на поле брани.

Кубанские казаки и армянские добровольческие дружины воевали против турок в полном согласии. «При таком резком контрасте в конце апреля 1915 года в Баязетской долине, в селении Диза, что к югу от Баязета, был сосредоточен только что сформированный Араратский отряд для наступления вглубь Турции. Отряд предназначался для занятия Ванского вилайета и города Ван, почитавшегося среди армян «Армянской Москвой», то есть центром и сосредоточением армянской культуры, политической жизни» (Елисеев).

Араратский отряд вместе с казачьими отрядами входили «Три армянские добровольческие дружины: 2-я – Дро, 3-я – Амазаспа и 4-я – Кери. <...> Дружины Дро и Амазаспа еще перед Рождеством Христовым 1914 года действовали с Закаспийской бригадой на Тапаризском перевале. Тогда же был

ранен Дро, считавшийся храбрейшим из всех. Его мы с почетом отправляли на излечение в Игдырь.

1-я армянская дружина Андроника все время находилась в Персии, в отряде генерала Чернозубова.

Их доблестные вожди были штатскими национальными армянскими политическими деятелями в России. Одеты и вооружены они были, как и их дружинники, но только без винтовок. Все были без погон, но их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью - освобождением Армении от турок.

Они были очень ценными помощниками казачьему отряду в этой операции. К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно» (Елисеев). Казаки на древних армянских землях так же демонстрировали образцы бесстрашия и героизма, многие и многие из них здесь погибли. Ф.И. Елисеев в своих воспоминаниях передал то душевное состояние, которое позволяло кубанским казакам мужественно сражаться на стороне армянского народа. «По рядам пробежала дрожь. Не от страха. То рвались концы, связывающие каждого с миром. Как рвутся концы парохода, спешно отчаливающего от пристани. С этого момента своя сотня для каждого казака и офицера стала все: отец, мать, жена, дети... И все это заключается в одном слове, в одном чувстве – товарищество. Ночь. Моросит осенний дождь. На юго-востоке высится задумчиво-молчаливый, снегами и льдами окованный Большой Арарат» (Елисеев).

Армяне не были чужим народом для казаков, они издавна жили бок о бок [11]. Добрые отношения между казаками и армянским населением подтверждается многими историческими свидетельствами и документами, бережно сохраняемыми в национальном архиве Армении и в Военно-историческом архиве Российской Федерации. Вот как об этом пишет специально изучавший этот вопрос ученый-историк С.М. Степанянц: «Местное христианское и особенно армянское население относилось к казакам всегда очень дружелюбно и благосклонно. <...> Местные армяне предоставляли казакам под казармы, полковые церкви и под хозяйственные помещения свои дома» [7, с. 12].

В русской литературе «Арарат выступает как космогонический паттерн (то, без чего непредставима земля армян), как мета пространства... <...> верный свидетель всех перипетий и трагедий, посланных армянской земле, армянскому народу – от библейских времен до современности» [10, с. 182]. Уникальная нота, привносимая священником Константином Образцовым, состоит в том, что величественная гора – это еще одно подтверждение бытия Божия, живой свидетель истории взаимоотношений Творца со Своим творением.

Список литературы

1. *Бардадым В.* Жизнь и творчество отца Константина Образцова // Отец Константин Образцов, полковой священник «Ты, Кубань, ты наша Родина...». Стихи, песни, письма. Краснодар: Советская Кубань, 1998. С. 5–18.
2. *Корсакова Н.* Елисеев Федор Иванович // Энциклопедия Кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2011. С. 155.
3. *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
4. *Никифор, архимандрит.* Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Москва: Типография А. И. Снегиревой, 1891. 902 с.
5. *Овчинников С. протоиерей.* Войсковой гимн Кубанского казачества как памятник гласного исповедания народной души // Отец Константин Образцов, полковой священник «Ты, Кубань, ты наша Родина...». Стихи, песни, письма. Краснодар: Советская Кубань, 1998. С. 85–110.
6. *Отец Константин Образцов,* полковой священник «Ты, Кубань, ты наша Родина...». Стихи, песни, письма. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 112 с.
7. *Степанянц С.* История казачества в Армении: Материалы национального архива Армении и Военно-исторического архива Российской Федерации. Ереван: Изд-во Вэлас Принт, 2013. 228 с.
8. *Суворова Н.* Образцов Константин Николаевич // Энциклопедия Кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2011. С. 323–324.
9. *Сынча-Форсова С.* Автор бессмертного гимна Кубани. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://synchasvetlana.livejournal.com/79308.html> (дата обращения 03.05.2024).
10. *Шафранская Э.Ф., Кеишфидинов Ш.Р.* Арарат – главный паттерн армянского текста в русской поэзии // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 176–188.
11. *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесогоаев. Краснодар: Традиция, 2010. 336 с.

Источники

Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте (1914–1917). [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.dk1868.ru/history/kazaki_kavkaz.htm (дата обращения 02.05.2024).

ARARAT IN THE MEMORIES OF KUBAN COSSACKS AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

Mount Ararat not only entered the history of Armenia, became a national symbol of the Armenian people, but also influenced the historical and cultural atmosphere of the peoples of Turkey, Persia, and Russia. The article examines the use of the oronym Ararat in the memoirs of participants in the Caucasian Front of the First World War.

Key words: Oronym Ararat, Konstantin Obraztsov (priest), F.I. Eliseev, Biblical toponyms, symbol.

УДК 81'255.2

«ЧЕРНЫЙ МОНАХ» А.П. ЧЕХОВА В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена сравнению четырех английских переводов рассказа А.П. Чехова «Черный монах», выполненных в начале XX и в начале календарного XXI веков. Основное отличие современных переводов – наличие комментария переводчиков. Сделаны выводы о том, насколько литературоведческий и биографический комментарий представляется необходимыми для более глубокого понимания художественного произведения.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Черный монах», Р. Лонг, К. Гарнетт, Р. Пивер и Л. Волохонская, художественный перевод, комментарий.

Перевод произведений классики – процесс, который принципиально незавершен. Прекрасные переводы долго живут в культуре, но проходит время и появляется новая версия. Переводчица и исследовательница произведений А.П. Чехова Розамунд Бартлетт [11, р. ххvii] сравнивает этот процесс с исполнительским искусством: чтобы классическое музыкальное творение жило, нужно, чтобы кто-то включил его в свой репертуар. Новое исполнение чаще всего равно новой интерпретации. Для Бартлетт в таких новых прочтениях нуждаются прежде всего произведения А.П. Чехова, которые не перестают быть не только остросовременными, но и не теряют своей неуловимости и, порой, даже загадочности. Именно к этой категории «загадочных» [5]

большинство исследователей относит рассказ «Черный монах» опубликованный в журнале «Артист» за 1 января 1894 г.

При жизни писателя рассказ был переведен на английский язык англо-ирландским журналистом Робертом Лонгом (1872–1938). К сожалению, в 30-томном академическом полном собрании сочинений А. П. Чехова этот факт не отмечен. Лонг перевел рассказ в 1903 г. и позже перевод воспроизводился в сборниках произведений А.П. Чехова (13, далее в тексте – L.). В транскрипции Лонга фамилия русского писателя выглядела несколько для нас непривычно – Anton Tchekhoff. В сборник 1915 года вошли в переводе Лонга рассказы «Палата № 6», «На пути», «Дома», «В ссылке», «Скрипка Ротшильда», «Спать хочется», «Событие». Из более ста рассказов Лонг выбрал те, которые, по его мнению, были наиболее доступны для восприятия публикой, незнакомой с русскими нравами и русской мыслью: “But in choosing these stories from among more than a hundred, I have been guided not merely by what was best, but also by what seemed most likely to be understood by a public unfamiliar with Russian manners and Russian thought” [12].

В конце XIX в. начала переводить произведения А.П. Чехова Констанс Гарнетт (1861–1946). Сын Михаила Павловича Чехова Сергей, разбирая архивы отца, нашел письмо К. Гарнетт от 10 декабря 1896 г. «Милостивый Государь, я прочла с большим удивлением некоторые из ваших коротеньких рассказов на русском языке и перевела некоторые из них, и собираюсь предложить ваши произведения английской публике» [9, с. 109]. Публикация переводов состоялась только через двадцать лет – в 1917 г.

Два перевода, опубликованные в самом начале XX в. сравним с двумя переводами, выполненными почти через сто лет. Это перевод 2000 г. Р. Пивера и Л. Волохонской (Chekhov 2000, далее в тексте – P. & V.) и перевод 2004 г. Розамунд Бартлетт (Chekhov 2004, далее в тексте – B.).

Если рассматривать удачные находки и неточности, то таковые существуют во всех переводческих версиях. Приведем несколько примеров.

В рассказе изменение отношения персонажей друг к другу передано через отношение к деталям внешности, которые раньше либо не замечались, либо не вызывали раздражения. Таня Песоцкая, все чаще видя в поведении мужа болезненные проявления, обращает внимание на изменения в его внешности и связывает это с переменной прически Андрея Коврина: «И в самом деле, голова у него острижена, длинных красивых волос уже нет, походка вялая, лицо, сравнительно с прошлым летом, пополнело и побледнело» (Чехов, с. 250). «Да и раньше она замечала, что на его лице уже чего-то недостает, как будто с тех пор, как он остригся, изменилось и лицо» (Чехов, с. 253). Сравним переводы «с тех пор как он остригся». Пивер и Воолхонская предположили, что Коврин сам себе состриг волосы – “since he cut his hair” (P. & V., p. 248). Бартлетт решила, что Коврина побрили налысо – “when he had had his head shaved” (B., p. 87). И только Гарнетт и Лонг перевели все в соответствии с чеховским текстом: “ever since his hair had been cut” (G) “ever since his hair had been cut off” (L).

Есть разночтения в переводе православной реалии «Успенский пост». У Чехова читаем: «Незаметно подошел Успенский пост» (Чехов, с. 247). Напомним, что этот пост, один из самых строгих, хотя и непродолжительных, длится с 14 по 27 августа и установлен в честь Успения Пресвятой Богородицы, которое празднуется 28 августа (по новому стилю). Максимально приближен к чеховскому варианту перевод Пивера и Волохонской, у которых – “The Dormition fast arrived unnoticed” (P. & V., p. 242). У Лонга сам праздник прошел незамеченным (что, безусловно, невозможно, поскольку это не только время окончания поста, но и большой церковный праздник, который в то время широко отмечался): “Assumption passed unobserved” (L); у Гарнетт пост перед Успением только приближается: “Imperceptibly the fast of the Assumption was approaching” (G), а у Бартлетт время этого поста уже наступило: “The period of fasting for the Assumption arrived” (B., p. 81), но не «подошло незаметно».

Как и следовало ожидать, перевод идиомы не всем дался легко. В разговоре с садовником Иваном Карлычем Егор Семеныч Песоцкий восторженно говорит об Андрее Васильиче Коврине: «Когда он был мальчиком и рос у меня, то у него было такое же ангельское лицо, ясное и доброе. У него и взгляд, и движения, и разговор нежны и изящны, как у матери. А ум? Он всегда поражал нас своим умом. Да и то сказать, недаром он магистр! Недаром! А погоди, Иван Карлыч, каков он будет лет через десять! Рукой не достанешь!» (Чехов, 246). Переводы идиомы ‘рукой не достанешь’ имеют разные оттенки значения. У Лонга Коврин вообще исчезнет из видимости, или, если вспомнить английскую поговорку “Out of sight – out of mind”, то пропадет – с глаз долой: “Why, he’ll be out of sight!”. У Пивера и Волохонской “He’ll be unapproachable!” (P. & V., p. 241). У Бартлетт до него нельзя будет дотронуться: “You won’t be able to touch him!” (B., p. 81). Констанс Гарнетт дала описательный перевод и предположила, что Коврин будет над всеми: “He will be above us!”.

Разница в оттенках значений, тем не менее, не позволяет сказать, что какой-то перевод значительно лучше, но следует отметить появившееся в более поздних переводах одно существенное отличие. Оно заключается в наличии у текстов, опубликованных после 2000 г., комментария. Это, безусловно, новый этап приближения англоязычной аудитории к более полному восприятию содержания чеховского рассказа. Сравним комментарии коллаборации Пивера и Волохонской с таковыми у Бартлетт. У коллаборации – 11 полных комментариев, у Бартлетт – 13. Из этого числа следует сразу вычесть три комментария, которые сделал сам А.П. Чехов – в опубликованном рассказе они оформлены как постраничные сноски. Это перевод двух латинских выражений, которые совершенно неуместно появляются в статье Егора Семеныча Песоцкого, посвященной узкопрофессиональным вопросам: «Вот статья, кажется, с самым мирным заглавием и безразличным содержанием: говорится в ней о русской антоновской яблоне. Но начинается ее Егор Семеныч с “audiatur altera pars” и кончает – “sapienti sat”, а между этими изречениями целый фонтан разных ядовитых слов по адресу “ученого невежества наших патентованных гг. садоводов, наблюдающих природу с высоты своих кафедр”, или г. Гоше, “успех

которого создан профанами и дилетантами”, и тут же некстати натянутое и неискреннее сожаление, что мужиков, ворующих фрукты и ломающих при этом деревья, уже нельзя драть розгами» (Чехов, с. 237). Еще одно латинское выражение использует в своем собеседовании с черным монахом магистр Коврин: «Римляне говорили: *mens sana in corpore sano*». На что черный гость возражает: «Не все то правда, что говорили римляне или греки». (Чехов, с. 243). Речь ученых людей маркирована использованием латинских афоризмов, А.П. Чехов, а вслед за ним и переводчики, их поясняет для тех, кто менее сведущ.

В комментариях переводчиков много общего: поясняется, что за серенаду разучивают Таня Песоцкая и ее гости; дается объяснение аллюзиям из Библии, уточняется, какой православный праздник предваряет Успенский пост, на каком основании Коврин сравнивает себя с Поликратом. Несколько комментариев у обоих переводчиков посвящено цитатам и реминисценциям из А.С. Пушкина. Рассмотрим эти комментарии более подробно.

Рассказы Тани Песоцкой о саде вызвали у магистра Коврина неожиданную реакцию: «Ему почему-то вдруг пришло в голову, что в течение лета он может привязаться к этому маленькому, слабому, многоречивому существу, увлечься и влюбиться, – в положении их обоих это так возможно и естественно! Эта мысль умилила и насмешила его; он нагнулся к милому, озабоченному лицу и запел тихо:

Онегин, я скрывать не стану,

Безумно я люблю Татьяну...» (Чехов, с. 230).

Комментарий Пивера и Волохонской: “Lines from *Evgeny Onegin*, a novel by Alexander Pushkin (1799–1837), used in the opera of the same name by P. I. Tchaikovsky” (P. & V., p. 462). У Бартлет находим примерно такую же информацию, но она представлена более подробно: “*Onegin, I don’t want to hide it... madly*’: from Tchaikovsky’s opera *Eugene Onegin* (1870), based on Pushkin’s novel in verse of the same name (1823–31). Pushkin’s heroine is called Tatyana – often shortened to Tanya. The words Chekhov quotes come from an aria in which Prince Gremin proclaims his love for Tatyana, his wife, to the love-struck Onegin who once spurned her. Chekhov was particularly fond of this opera” (B., p. 207).

В тексте «Черного монаха» есть еще одно упоминание пушкинского персонажа: «У Песоцкого, говорят, яблоки с голову, и Песоцкий, говорят, садом себе состояние нажил. Одним словом, богат и славен Кочубей» (Чехов, с. 236). Этот случай прокомментирован только у Пивера и Волохонской. “The words are a quotation from *Poltava*, a long poem by Pushkin. Kochubey, who appears in the poem, was a wealthy Ukrainian landowner” (P. & V., p. 462).

Для любознательного читателя указание на А.С. Пушкина значит довольно много, оно непосредственно ведет к истокам возникновения образа черного монаха в творческом воображении А.П. Чехова. Пытаясь проникнуть в художественный мир писателя, «мы имеем дело, прежде всего, с литературными истоками этого мира» [10, с. 648]. А.П. Чехов без сомнения

черпал вдохновение в произведениях своих братьев по перу. В русской литературе, в особенности в произведениях А.С. Пушкина, которыми зачитывался писатель [2], мы находим образы монахов-соблазнительей.

Готовя трагедию «Борис Годунов» к печати, А.С. Пушкин исключил две сцены («Ограда монастырская» и «Уборная Марины»), сцена «Ограда монастырская» давала образ какого-то «злого чернеца», по совету которого Григорий и принимает на себя имя убитого царевича. «Упоминание о “злом чернеце” Пушкин нашел у Карамзина <...> Из этого сообщения, по-видимому, и возник замысел. Резко отличная от всех других по стиховому размеру, эта сцена в корне противоречила и всей социально-исторической концепции пушкинской трагедии» [3, с. 157–160].

Образ Татьяны Лариной связан с Таней Песоцкой не только благодаря имени, но и благодаря некоей опосредованной связи с черным монахом. Читая о суеверных страхах Татьяны, из пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин», мы встречаем и такие строки: «... Вдруг увидя / Младой двурогий лик луны / На небе с левой стороны, / Она дрожала и бледнела. / Когда ж падучая звезда / По небу темному летела / И рассыпалась, – тогда / В смятенье Таня торопилась / Пока звезда еще катилась, / Желанье сердца ей шепнуть. / Когда случилось где-нибудь / Ей встретить черного монаха / Иль быстрый заяц меж полей / Перебегал дорогу ей, / Не зная, что начать со страха, / Предчувствий горестных полна, / Ждала несчастья уж она» (Пушкин, с. 101–102). Известно суеверное отношение и самого А. С. Пушкина к людям в священническом или монашеском черном облачении, переходящим дорогу. Это предубеждение-примета также зафиксирована в пословицах русского народа, собранных В.И. Далем: «Встретил попа – не хорош выход. Поп, монах дорогу перешел».

Здесь уместно отметить и отсутствие биографического комментария, на который намекает текст рассказа, но мимо которого прошли переводчики. Магистр Коврин, пытаясь объяснить Тане, почему он начал разговор о черном монахе, говорит: «Но удивительнее всего, – засмеялся Коврин, – что я никак не могу вспомнить, откуда попала мне в голову эта легенда. Читал где? Слышал? Или, быть может, черный монах снился мне?» (Чехов, с. 233).

Рассказ о черном монахе создавался, когда А.П. Чехов жил в Мелихове. Сопоставление строк из текста рассказа и писем писателя этого периода убедительно свидетельствует: ряд биографических деталей вошел в рассказ, они сопоставлены и проанализированы в статьях [7; 6; 1] и сделан вывод о скрытом автобиографизме «Черного монаха». «Не что иное, как человеческая судьба Чехова и его личный духовный опыт, как они протекали и развивались с весны 1892 г., когда была куплена усадьба, по лето 1893 г., когда писалась повесть, и образуют тот центр, тот психологический стержень, на который, неизбежно сращиваясь, и нанизываются многочисленные подробности и впечатления бытового характера» [7, с. 35]. Приведем только один, но довольно яркий пример.

Летом 1892 г. началась холера и Чехов начинает свою работу в качестве санитарного земского врача Серпуховского уезда, делая все возможное для

предотвращения эпидемии на своем участке. Разъезды по деревням и фабрикам, чтение лекций, устройство больниц и противохолерных барачков отнимало все время и все силы. В письмах друзьям и знакомым писатель говорит о полной непригодности огромного участка для борьбы с болезнью, о своем чрезмерном утомлении и слабеющем здоровье: «Утомлен и раздражен я адски. <...> Дано мне 25 деревень, а помощника ни одного» (Чехов. Письма, т. 5, с. 94). С августа по 15 октября 1892 г. Чехов принял больше тысячи больных. Весь 1893 год ушел на литературную работу, хотя поток больных не ослабевал. Денег за лечение доктор с пациентов не брал – кормила всю семью только литература. Напряженная работа привела к нервному истощению, Чехов почти перестал спать. В Мелихово приезжали гости, Лика Мизинова под аккомпанемент И.Н. Потапенко пела серенаду Брага. Как пишет брат Михаил [8, с. 165], велись разговоры о миражах и вот в один из дней А.П. Чехову приснился страшный сон – он увидел во сне черного монаха, несущегося через поле. Сон оставил тяжелое впечатление и наваждение не оставило писателя, пока не был написан знаменитый рассказ.

Возвращаясь к комментариям переводчиков, следует сказать, что они помогают лучше понять смысл рассказа и могли бы быть существенно увеличены. Объем комментариев – вопрос дискуссионный. Как показал опыт В. Набокова (его перевод «Евгения Онегина» с примечаниями в восемь раз по объему превышает объем романа А.С. Пушкина), комментирование может разрастаться до огромных размеров и, видимо, должно быть ограничено задачами публикаторов и целевой аудиторией. Примечательно, что комментирование необходимо не только для переводной литературы, но и для аудитории, читающей Чехова по-русски. Православный календарь не у всякого читателя четко связан с действующим календарем. Оба переводчика поясняют для своих читателей, каким датам соответствуют упоминаемые в «Черном монахе» Ильин день («Под Ильин день в вечером в доме служили всенощную» (Чехов, с. 250) и Успенский пост («Незаметно подошел Успенский пост...» (Чехов, с. 247). И Пивер с Волохонской, и Бартлетт отмечают, что это, соответственно, 20 июля и 15 августа. Но ни в одном, ни в другом комментарии не отмечено, что эти даты даны переводчиками по Юлианскому календарю, т. е. по так называемому старому стилю. В действующем сегодня во всем мире, и на территории Российской Федерации, в частности, Григорианском календаре мы отмечаем эти праздники 2 и 28 августа.

Розамунд Бартлетт принадлежат еще три комментария, не имеющих соответствий в переводе Пивера и Волохонской. Английская исследовательница поясняет, что такое «Старинный парк, угрюмый и строгий, разбитый на английский манер» (Чехов, с. 226), окружающий дом Песоцких: “in the English manner: from the eighteenth century onwards, it became customary for Russian landowners to plant a part of their estates following the English fashion of ‘natural’ landscape-gardening” (В., p. 207).

В следующем комментарии Бартлетт уточняет, кто такой г. Гоше, упомянутый в рассказе дважды: “N. Gaucher, French-born horticulturalist, whose

works were published in Russian translation in the late 1880s and 1890s” (В., p. 208). Это важная информация, подчеркивающая обширные познания А.П. Чехова в садоводстве. В мемориальной библиотеке чеховского дома-музея в Ялте сохранилось около двух десятков справочников по садоводству и каталогов [4]. В шутку и всерьез А.П. Чехов говорил и писал знакомым: «Мне кажется, что я, если бы не литература, мог бы быть садовником» (Чехов. Письма. Т. 9. С. 58).

Заключительный комментарий Бартлетт поясняет, что город Севастополь, где Андрей Васильич Коврин остановился с Варварой Николаевной по пути в Ялту, находится в Крыму: “Sevastopol: is a Crimean port and naval base; Yalta is a resort on the southern Crimean coast” (В. p. 208).

Изучение переводов рассказа А.П. Чехова «Черный монах» обнаружило наличие прижизненного перевода Р. Лонга, не отмеченного в Полном собрании сочинений А.П. Чехова. В плане точных языковых соответствий переводы Р. Лонга и К. Гарнетт иногда точнее переводов конца XX в. Современные переводы, тем не менее, имеют одно существенное преимущество – они снабжены комментариями, которые помогают понять рассказ и более адекватно его интерпретировать.

Список литературы

1. *Батракова С.П.* Чеховский сад («Черный монах» и «Вишневый сад») // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 44–52.
2. *Головачева А.Г.* Диалог второй. О блудных дочерях // Чехов: литературные диалоги с Пушкиным. М.: «Гелиос АРВ», 2020. С. 48–52.
3. *Городецкий Б.П.* Драматургия Пушкина. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1953. 356 с.
4. *Долгополова Ю.Г.* Необыкновенный сад А. П. Чехова // Необыкновенный сад А. П. Чехова: альбом-каталог. Т. 1. Белгород: Константа; Ялта, 2018. С. 6–22.
5. *Катаев В.Б.* «Черный монах» // А. П. Чехов. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. С. 209–210.
6. *Клуге Р.-Д.* Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 52–59.
7. *Тихомиров С.В.* «Черный монах» (опыт самопознания мелиховского отшельника) // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 35–44.
8. *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. // *М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Е. М. Чехова.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. С. 18–190.
9. *Чехов С.М.* О семье Чеховых. Ярославль: Верхне-Волжской книжное издательство, 1970. 224 с.
10. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2016. 704 с.
11. *Bartlett R.* Note on the Translation // *Anton Chekhov. About Love and Other Stories / translated with an Introduction and Notes by Rosamund Bartlet.* New York: Oxford University Press, 2004. P. xxvii–xxviii.

12. *Long R.E.C.* Preface // Anton Tchekhoff. The Black Monk and other Stories. New York: Frederick A. Stokes Company, 1915. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/55307/pg55307-images.html> (accessed 24.04.2024).

13. *Tchekhoff A.* The Black Monk and other Stories. New York: Frederick A. Stokes Company, 1915. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/55307/pg55307-images.html> (accessed 24.04.2024).

Источники

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 5. М.: Наука, 1964. С. 5–213.

Чехов А.П. Черный монах // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 226–257.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. 5. М.: Наука, 1977. С. 94.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. 9. М.: Наука, 1980. С. 58.

Chekhov A. The Black Monk // Anton Chekhov. About Love and Other Stories / Translated with an Introduction and Notes by Rosamund Bartlet. New York: Oxford University Press, 2004. P. 61–92. (B).

Chekhov A. The Black Monk // Anton Chekhov. Stories / Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Bantam Books, 2000. P. 223–252. (P&V)

Chekhov A. The Lady with the Dog and Other Stories / Translated by Constance Garnett, New York: Macmillan Company, 1917. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/blackmonk.htm> (accessed 28/04/2024).

Tchekhoff A. The Black Monk and other Stories. New York: Frederick A. Stokes Company, 1915. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/55307/pg55307-images.html> (accessed 24.04.2024). (L)

ENGLISH TRANSLATIONS OF “THE BLACK MONK” BY A.P. CHEKHOV

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

The article compares four English translations of A.P. Chekhov’s story “The Black Monk”, spanning from the early 20th century to the early 21st century. The primary distinction among modern translations lies in the inclusion of translators’ commentary. The article draws conclusions about the importance of literary and biographical commentary for facilitating a deeper understanding of a work of art.

Key words: A.P. Chekhov, “The Black Monk”, R. Long, K. Garnett, R. Piver and L. Volokhonsky, literary translation, commentary.

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКОГО РЯДА
«ТРАДИЦИОННЫЕ ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ
ФРГ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ГАЗЕТЫ «ФРАНКФУРТЕР
АЛЬГЕМАЙНЕ ЦАЙТУНГ»)**

Д.В. Степанова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Данная статья посвящена установлению специфики презентации существительных семантического ряда «традиционные энергоносители» в современном немецкоязычном периодическом издании. С помощью созданного сбалансированного лингвистического корпуса объемом более трех млн токенов был проведен анализ контекстов автоматически выделенных лексических единиц исследуемой предметной области, который позволил сделать некоторые выводы о состоянии проблемы перехода ФРГ на альтернативные источники энергии.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, тексты СМИ, газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг», корпусный менеджер, энергоносители, немецкий язык.

В предлагаемом исследовании ставится цель изучить, каким образом и в каком контексте существительные семантического ряда «традиционные энергоносители»¹ представлены в современных СМИ ФРГ. В качестве языкового материала привлекаются электронные тексты газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», изданные в период с середины 2023 года по начало 2024 года и организованные в *сбалансированный лингвистический корпус* [3] объемом 3 653 195 токенов или 200 856 предложений.

Корпус был создан автоматически с помощью программы-генератора, которая является частью программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» (Свидетельство Роспатент № 2023683209) [10].

Методологической базой исследования послужили работы, посвященные проблемам корпусной лингвистики и крупным текстовым датасетам в целом [1; 4; 5; 6; 7] и методам работы с лингвистическими корпусами и программным обеспечением в русле концепции профессионально ориентированного программирования, разработанной в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного

¹ Мы формируем данный семантический ряд достаточно условно, исходя из субъективной оценки проблемы с энергоносителями в современной Германии.

лингвистического университета совместно с Минским государственным лингвистическим университетом, в частности [2; 8; 9].

Создание сбалансированного лингвистического корпуса актуальных электронных текстов газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» и явилась успешным решением первой задачи нашего исследования, после чего предстояло решить прочие задачи, а именно:

- составить семантический ряд «традиционные энергоносители»;
- произвести поиск по леммам указанного семантического ряда в корпусе;
- провести количественный и качественный анализ полученных контекстов.

Итак, в качестве «традиционных энергоносителей» нами были выбраны:

Erdgas / Gas (природный газ);

Öl / Erdöl (нефть);

Heizöl (мазут);

Benzin (бензин);

Kerosin (керосин);

Kohle / Braunkohle / Steinkohle (уголь, бурый уголь, каменный уголь);

Holzkohle (древесный уголь).

Безусловной доминантой в предложенном семантическом ряду является *природный газ*, поскольку граждане ФРГ, привыкнув с 70-х гг. XX в. к постоянным поставкам этого вида топлива из Союза Советских Социалистических Республик и Российской Федерации, массово оборудовали свои домохозяйства газовым отоплением с использованием газгольдеров, поскольку цена газа для потребителя многие годы была чрезвычайно выгодна, что в настоящее время вылилось в полную противоположность².

Мгновенный переход на новые (альтернативные) источники энергии объективно невозможен в период нескольких лет, но императивно требуется со стороны правящей элиты Евросоюза. Отсюда мы можем предположить, что центральные, якобы «нейтральные» СМИ ФРГ должны пропагандировать отказ от традиционных источников энергии. Проверим это предположение, используя собранные корпусные данные.

В корпусном менеджере комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» был сформирован поисковый запрос по семантическому ряду, который вывел контексты (предложения) искомым лемм.

Всего по указанному семантическому ряду было зафиксировано 412 контекстов, содержащих 504 токена, из них:

Erdgas / Gas – 216

Öl / Erdöl – 140

Heizöl – 16

Benzin – 39

² URL: <https://www.check24.de/strom-gas/ratgeber/fluessiggaspreise>.

Kerosin – 22

Kohle / Braunkohle / Steinkohle – 61

Holzkohle – 8

Приведенный перечень показывает, что тема энергоносителей затрагивается в современных немецких СМИ, причем большую важность имеют газ и нефть, как мы уже предположили выше. Согласно образцу № 3881, *Im vergangenen Jahr wurde immer noch fast jedes dritte fertiggestellte Gebäude mit Gas beheizt.* (В прошлом году почти каждое третье достроенное здание все еще отапливалось газом)³. Для нефти звучат неутешительные прогнозы, например, в образце № 744: *Es ist zu erwarten, dass die Preise für Öl und andere wichtige Rohstoffe steigen werden.* (Ожидается, что цены на нефть и другое важное сырье вырастут).

С другой стороны, учитывая общий объем корпуса, доля упоминаний компонентов нашего семантического ряда довольно ничтожна, что может говорить не об отсутствии проблемы, но скорее об ее умалчивании. Во втором случае удивительно, что из общего информационного потока «выбиваются» уже приведенные примеры, которые показывают, что альтернативные источники энергии не справляются с возложенной на них миссией.

Приведем еще нескольких примеров.

Лексемы «бензин» и «керосин» употреблялись в связи с единичным инцидентом, связанным с неполадками при посадке самолета, экипаж которого был вынужден произвести слив топлива в воздухе.

Интересен образец № 197794, который свидетельствует о сложности с переходом на альтернативные источники энергии: *Was Hellmann vergisst: Einen Ersatz für Tankstellen oder Gas gibt es für die meisten Menschen nicht.* (Замены для бензоколонок или газа для большинства людей не существует).

ФРГ обладает развитым машиностроением, в этой сфере потребление энергии особенно высоко. Здесь обозначается в перспективе переход на «зеленую» энергию, но это же указывает, что переход все еще не осуществлен и предприятия зависят от газа и угля – № 198019: *Die Stahlwerke sollen statt mit Kohle künftig mit grünem Wasserstoff laufen.* (Предполагается, что металлургические заводы в будущем перейдут с угля на «зеленый» водород); № 198033: *Dabei soll zunächst mit Gas und später mit Wasserstoff Eisenerz der Sauerstoff entzogen werden, um Eisen herzustellen.* (При этом планируется, что сперва с помощью газа, а затем с помощью водорода железная руда будет извлекаться из оксидов, чтобы производить железо).

Последний пример говорит о том, что при всех разговорах о переходе Германии в будущем исключительно на альтернативные источники энергии, в главных отраслях промышленности не удалось отказаться даже еще от использования угля, который должен быть заменен природным газом, который, в свою очередь, должен быть заменен водородом, в то время как в домохозяйствах уже сегодня говорят о необходимости отказаться от газа.

³ Здесь и далее перевод наш – Д. С.

В итоге мы провели исследование, в результате которого нам удалось извлечь текстовые образцы для семантического ряда «традиционные энергоносители» из корпуса текстов газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг». С технической точки зрения используемое программное обеспечение сработало штатно и не показало сбоев. С точки зрения лингвистического содержания образцы дали нам данные для интерпретационного анализа, который позволил сделать некоторые общие выводы о состоянии проблемы перехода ФРГ на альтернативные источники энергии (энергию ветра, солнца, биоразлагаемых материалов и пр.), а именно: заверения политиков о том, что отказ от нефти и газа произойдет уже «завтра», не нашли подтверждения в исследуемом корпусе текстов выбранного для анализа периодического издания.

Список литературы

1. *Баранов А.Н.* Инструментарий лингвистики в лингвистической экспертизе: корпусные технологии // Язык. Право. Общество: сб. ст. по материалам VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 16-19 мая 2023 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. С. 54–58. EDN RDCIFQ.

2. *Горожанов А.И.* Автоматизация процесса обучения иностранному языку: от элементарных программ для ЭВМ до электронных учебников. Краснодар: ИП Акелян Нарине Самадовна, 2013. 148 с. ISBN 978-5-905897-40-5. EDN RONPVJ.

3. *Горожанов А.И., Степанова Д.В.* Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.

4. *Каменский М.В., Ломтева Т.Н., Кабылкина Н.С.* Языковая игра в текстовом пространстве анимационного сериала: лингвокультурный и лингвопрагматический анализ с применением корпусной методологии. Ставрополь: Параграф, 2021. 236 с. ISBN 978-5-6046318-8-1. EDN VHMILE.

5. *Катермина В.В., Гнедаш А.А.* Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 59–71. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.4.4. EDN ZCXRHB.

6. *Котюрова И.А., Щеголева Л.В.* Визуализация образовательных данных в немецкоязычном корпусе студенческих текстов // Перспективы науки и образования. 2024. № 2(68). С. 578–594. DOI 10.32744/pse.2024.2.35. EDN UTDLFM.

7. Лексические параметры учебного текста (на материале текстов учебного корпуса русского языка) / Е.В. Мартынова, М.И. Солнышкина, А.Ф. Мерзлякова, Д.Ю. Гизатулина // Филология и культура. 2020. № 3(61). С. 72–80. DOI 10.26907/2074-0239-2020-61-3-72-80. EDN HMIWZC.

8. *Степанова Д.В.* Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 6(127). С. 123–130. EDN FMBTKO.

9. *Gorozhanov A.I., Guseynova I.A.* Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. №. 4. P. 23–38. DOI 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38. EDN ENGZZF.

10. *Gorozhanov A.I., Guseynova I.A., Stepanova D.V.* Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. №. 1. P. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.

PRESENTATION OF THE SEMANTIC ROW “TRADITIONAL ENERGY CARRIERS” IN MODERN MEDIA IN GERMANY (BASED ON THE TEXTS OF “FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG”)

D.V. Stepanova

Minsk State Linguistic University, Minsk

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the presentation of semantic nouns “Traditional Energy Carriers” in a modern German-language periodical. Using the developed balanced linguistic corpus of more than 3 million tokens, an analysis of the contexts of automatically selected lexical units of the subject area under study was carried out, which made it possible to draw some conclusions about the state of the problem of transition to alternative energy sources in Germany.

Key words: corpus linguistics, media texts, Frankfurter Allgemeine Zeitung, corpus manager, energy carriers, German language.

УДК 81’28:008

О РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ КАК НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Г.В. Токарев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула*

В статье обосновано новое направление лингвокультурологии – региональная лингвистика, показаны её отличия от смежных областей знаний, описан объект, перечислены аспекты изучения региональной культуры.

Ключевые слова: язык, культура, наивная картина мира, региональная лингвистика, регионализм.

В конце XX века появилось немало новых наук, которые образовались на стыке нескольких областей знания. Одной из таких отраслей стала лингвокультурология, изучающая взаимодействие языка и культуры. Лингвокультурология является наукой когнитивного, интерпретационного типа, её главный объект – наивная (не научная) картина мира, получившая воплощение в естественном языке. За десятилетия развития лингвокультурологии были оформлены несколько её направлений, одним из которых стала региональная лингвистика. Почему данную область знаний мы соотносим с лингвокультурологией? Во-первых, потому, что региональная лингвистика имеет тот же объект – наивную картину мира, объективированную естественным языком. Во-вторых, потому, что региональная лингвистика своей целью видит интерпретацию фактов языка в категориях региональной культуры. Бучучи отраслью лингвокультурологии, региональная лингвистика использует её понятийный и методологический инструментарий. Итак, региональную лингвистику можно определить как отрасль лингвокультурологии, которая изучает особенности отражения региональной культуры средствами естественного языка. Региональную лингвистику следует отличать от диалектологии, которая изучает преимущественно формальные признаки диалектов, распространённых на тех или иных территориях. Безусловно, диалектология рассматривает и словарный состав, но в её задачи не входит его интерпретация в категориях культуры. Этими же особенностями региональная лингвистика отличается от ареального и этнографического языкознания, цель которых заключается в фиксации региональных явлений, имеющих вербальную манифестацию. Хотя, безусловно, между данными направлениями лингвистики нет явных границ. Региональную лингвистику не нужно отождествлять с лингвистическим краеведением, имеющим общирные задачи, имеющими поисково-обобщающий и методический характер.

Региональная лингвистика рассматривает тексты, в которых отражается идеология региона. В отличие от выше упомянутых областей знания региональная лингвистика учитывает административные границы региона и рассматривает культурно специфические явления в данных границах.

Одним из ключевых понятий региональной лингвистики, объединяющих ряд частных терминов, рассмотренных в данном пособии, является регионализм, под которым мы понимаем вербальную единицу, отражающую ценности административно выделенной территории. Как синонимы этого термина используются локализм (Т.И. Ерофеева), регионим (С.А. Кошарная). В отдельных исследованиях предпринимается попытка отождествить понятия городского просторечия и регионализма. Полагаем, что данные понятия находятся в эквиполентных отношениях, поскольку далеко не все регионализмы можно отнести к просторечным словам. В любом случае мы стоим у истоков региональной лингвистики, чем объясняется многообразие подходов к понятийному аппарату, его нестабильность.

Для изучения лингвокультуры региона важно учитывать следующие социальные параметры:

национальный состав (этот параметр позволяет осмыслить ориентированность сообщества на ту или иную систему ценностей этноса, охарактеризовать регион как монокультурный или поликультурный),

гендерное соотношение (данный параметр даст возможность охарактеризовать культуру как гармоничную, феминную или маскулинную),

возрастная характеристика (этот параметр позволяет охарактеризовать культуру как склонную / не склонную к воспроизводству, статичную / динамичную, депрессивную / прогрессивную, инновационную / традиционную),

уровень образованности (этот аспект осветит культуру как элитарную / массовую).

Кроме того, следует учитывать уровень жизни в регионе. Данный параметр позволит охарактеризовать культуру как ориентированную на потребление или производство материальных ценностей, комфортную / некомфортную. По активности использования интернета культуру можно охарактеризовать как открытую или закрытую.

Кроме того, необходимо учитывать особенности региона: его расположение (в центральной части или на границе), плотность населения, особенности экономического развития (в регионе преобладает промышленное производство, сельское хозяйство или сфера услуг).

Для изучения региональной культуры нужно использовать семиотический подход, позволяющий в одном аспекте рассматривать тексты разной знаковой природы. Интерес представляют произведения о локации и её субъектах, артефакты, которые используются в брендинге данного культурного феномена. Изучение региональной культуры предполагает работу с текстами, извлечение из них культурно маркированных единиц: символов, эталонов, брендов, эмблем, интерпретация их смыслов и моделирование тезауруса, включающего представления, смысловые доминанты, нормы и запреты региональной культуры. Своеобразным фильтром, используемым при отборе единиц, является, с одной стороны, скрытость смыслов для тех, кто не включён в данную культуру, с другой – узнаваемость культуры по данным элементам. Региональная культура, как правило, не вступает в противоречие с национальной. Её основная задача заключается в аккумуляции специфических знаний и самопрезентации своей идентичности. Региональная лингвистика использует лингвокультурологический подход и поэтому рассматривает языковые единицы как знаки культуры, то есть выполняющие функции культуры. Региональная лингвистика должна использовать достижения смежных наук, исследующих ареальное проявление языка.

Список литературы

1. *Токарев Г.В.* Проблемы изучения символярия региональной идентичности. Лингвокультурологический аспект. Тула: ТППО, 2023. 167 с.

ON REGIONAL LINGUISTICS AS A NEW TREND IN LINGUOCULTURAL STUDIES

G.V. Tokarev

Tula State Pedagogical University named after L. Tolstoy, Tula

The article gives prove of a new trend in linguocultural studies – regional linguistics. It shows its differences from similar fields of learning, describes its object, specifies the aspects of regional culture studies.

Ключевые слова: language, cilture, naive worldview, regional linguistics, regionalism.

УДК 80/81

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ И ВОСПРИЯТИЕ ТЕМЫ ЛЮБВИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

О.Д. Фивейская, Н.А. Земскова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья рассматривает появление и употребление изречений, пословиц, высказываний и крылатых выражений о любви в литературном языке и повседневной речи. В статье подчеркивается, что романтические чувства и ассоциации всегда представляли особый интерес в поэзии, народном творчестве и художественной литературе и являются одной из главных тем образных высказываний английского и русского языков.

Ключевые слова: пословица, изречение, любовь, восприятие, ассоциация, культурные ценности, национальный характер, образ, народное творчество, фольклор.

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам,
Её порывы благотворны,

Как бури вешние полям – писал Александр Сергеевич Пушкин в романе «Евгений Онегин». Поэт относился к любви как силе, предопределяющей существование человеческой жизни, ведь именно любовь даёт вдохновение и радость, обогащает душевный мир разной палитрой чувств, желаний, эмоций и переживаний.

Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

Уильям Шекспир неоднократно воспевал прекрасные чувства в своих драмах и пьесах, а его сонеты принято считать образцами лирики эпохи Возрождения.

Любовь, похожая на сон,
Сердец хрустальный перезвон.

Твоё волшебное люблю,

Я тихим эхом повторю – поясняет современный автор Валерия Горбачёва слова о счастливой любви, которые стали легендарным хитом нашего времени.

Романтические чувства можно выразить разными способами, среди которых пословицы о любви занимают особое место в народной культуре разных стран. Пословицы – это короткие популярные высказывания, обычно неизвестного и древнего происхождения [2]. Они выражают эффективную банальную истину или полезную мысль, а пословицы о любви помогают в образной форме выразить пылкие чувства и донести суть вещей.

Пословица – это изречение в виде грамматически законченного предложения, в котором выражена народная мудрость в поучительной форме и является неотъемлемой частью народного фольклора, имеющее буквальное или образное значение. Высказывания о любви встречаются во всех языках и культурах, многие были переведены на английский язык и теперь являются широко распространёнными английскими пословицами, например:

1. Coffee and love taste best when hot – Ethiopian
2. There is no cure for love other than marriage – Irish
3. A heart in love with beauty never grows old – Turkish
4. Old love and wood will burn as soon as they get the chance – South American
5. The one who loves you will make you weep – Argentinian
6. Love has produced some heroes but even more idiots – Swedish
7. Love, pain and money cannot be kept secret. They soon betray themselves – Spanish
8. Being loved is the best way of being useful – French

Общества и цивилизации развивались, как и употребление пословиц во все времена. В историческом прошлом знание литературы рассматривалось как особая привилегия, а использование образных высказываний позволяло точно определить суть вещей, показывая высокий уровень мудрости в жизненных делах. За это время они стали неотъемлемой частью повседневного общения, отражая различные ассоциации, национальный характер, культурные и социальные ценности того времени.

Анализируя английские пословицы о любви, их можно распределить по нескольким группам:

Affectionate Love

1. The way to a man's heart is through his stomach.
2. There is no difference between a wise man and a fool when they fall in love.
3. Absence makes the heart grow fonder.
4. Two shorten the road.

5. Opposites attract.
6. Beauty is in the eye of the beholder.
7. The heart wants what it wants.

Unconditional Love

8. Love is blind.
9. All you need is love.
10. Love conquers all.
11. Love will find a way.
12. Love makes the world go 'round.
13. Love knows no bounds.

Familial Love

14. Blood is thicker than water.
15. Home is where the heart is.
16. You can choose your friends, but you can't choose your family.
17. That's a face only a mother could love.
18. Tough love.
19. Happy wife, happy life.

Self-love

19. You can't love until you love yourself.
20. Love yourself or no one else will.
21. Wanting to be someone else is a waste of the person you are.
22. Lend yourself to others, but give yourself to yourself.
23. Love thyself.
24. Trust me, but look to thyself.

Lost Love

25. All is fair in love and war.
26. Love hurts.
27. It is better to have loved and lost than never to have loved at all.
28. If you love someone, let them go. If they come back to you, they were really yours.
29. Hell hath no fury like a woman scorned.
30. Time heals all wounds.
31. Out of sight, out of mind.
32. Absence makes the heart grow fonder.

Исследователь Т.Г. Орлова, говоря о сходстве и различии семантики английских и русских пословиц, отмечает паремиологический парадокс, который заключается в том, что с одной стороны, пословицы выражают национальный характер, душу народа, с другой – значения большинства пословиц являются универсальными, и большинство пословиц имеет синонимы в других языках, что свидетельствует об универсальности человеческого опыта [1, с. 36].

Лингвисты отмечают, что в пословицах и поговорках присутствует поучительный смысл, активно используются такие приёмы, как аллитерация,

ассонанс, рифма и другие звуковые механизмы, наполняющие высказывание своим внутренним ритмом и художественной окраской [3, с.120].

Сравнение английского и русского языков позволяет выделить общие универсальные значения, характерные для пословиц о любви:

1. Для любви нет преград.
2. Любовь слепа.
3. Любящие не видят недостатков друг друга.
4. Насильно мил не будешь.
5. С любовью нельзя справиться.
6. Путь истиной любви не бывает гладким.
7. Разлука укрепляет чувства.
8. Старая любовь не забывается.
9. Любовь не выдерживает испытание бедностью.
10. Где любовь, там красота.

Тем не менее, некоторые пословицы для выражения похожей мысли используют разные образные ассоциации, что является отражением иного восприятия, социального уклада и образа жизни, поэтому представляют определённые трудности для интерпретации, т.к. не имеют готовых соответствий в другом языке:

Lovers' time runs faster than the clock / Счастливые часов не наблюдают.

Love laughs at locksmiths / Любовь на замок не закроешь.

Love cannot be compelled / Сердцу не прикажешь.

No herb will cure love / Любовь не пожар, а загорится – не потушишь.

Calf love, half love / Юношеское увлечение – половина любви.

Love locks no cupboard / Для милого дружка и серёжка из ушка.

Absence makes the heart grow / Разлука укрепляет чувства.

Love makes a cottage a castle / С милым рай в шалаше.

Love covers many infirmities / Любовь зла – полюбишь и козла [1].

Необходимо отметить, что для английских пословиц уникальным значением является «любовь порождает ответную любовь»: Love is the mother of love; Love begets love, которое дублирует латинское выражение; Love is the reward of love, Love is the true price of love – Ответная любовь – лучшая награда. Для пословиц русского языка можно выделить следующие важные значения:

1. «Любовь – высшая ценность»: Нет ценности супротив любви; Милее всего, кто любит кого; Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается.

2. «Любовь имеет божественное происхождение»: Где любовь, там и бог. Бог – любовь. Не отколь взялся, а бог дал.

3. «Кого больше любят, того больше ругают»: Кого журят, того и любят. Иван-то тут, да уряд-то худ.

4. «Кого любят, того и терпят»: От того терплю, кого больше люблю. Милый не злодей, а иссушил до костей. Сердцу не прикажешь.

5. «От любви не спрячешься»: Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить. Любовь не тюрьма, а сводит с ума [1].

В заключении отметим, что понимание и использование устойчивых фразеологических высказываний представляет особый интерес для исследователей. Пословицы о любви демонстрируют многообразные аспекты человеческих отношений, предостерегают, учат, наставляют, передают характерный для своей эпохи культурный код и осуществляют связь времён между поколениями и народами. Знание пословиц способствует лучшему восприятию языка, мышления, национального характера изучаемой страны и укрепляет взаимопонимание и сближение различных культур.

Список литературы

1. Орлова Т.Г. Черты сходства и различия в восприятии концепта «Любовь» в пословицах английского и русского народов. // Филологические науки. Евразийский союз учёных (ЕУС). № 1(18), 2015. С. 35–39.
2. Панеш С.Р. Некоторые особенности функционирования адыгских (черкесских) паремий, отображающих отношения девочки с родителями. // Филологические науки в 21 веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 124–130.
3. Фивейская О.Д., Земскова Н.А. Пословица как элемент устного народного творчества и житейской мудрости // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 118–122.

Источники

Английские пословицы о любви и их значение // Молодой ученый [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://moluch.ru/archive/507/111458/> (дата обращения 28.06.2024).

Горбачёва В. Любовь, похожая на сон [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://love-songs.ru/teksty-pesen/lyubov-roxozhaya-na-son.html> (дата обращения 28.06.2024).

Пушкин А.С. Любви все возрасты покорны [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/aleksandr-pushkin/lyubvi-vse-vozrasty-pokorny.html> (дата обращения 28.06.2024).

Пословицы о любви и чувствах на английском языке [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://livexp.com/ru/blog/anghliiskiie-poslovitsy-o-liubvi/> (дата обращения 28.06.2024).

Русские пословицы – Викицитатник [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://ru.wikiquote.org> (дата обращения 28.06.2024).

Шекспир У. – сонеты [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.stihi-rus.ru/World/Shekspir/116.htm> (дата обращения 28.06.2024).

Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 28.06.2024).

Native English [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.native-english.ru> (дата обращения 28.06.2024).

30 English Proverbs About Love [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.fluentu.com/blog/english/english-proverbs-about-love/> (дата обращения 28.06.2024).

NATIONAL COLOUR AND PERCEPTION OF THE THEME OF LOVE IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

O.D. Fiveiskaya, N.A. Zemskova

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the appearance and use of sayings, proverbs, popular phrases and set phraseological expressions about love in literary language and every day speech. The article emphasizes that romantic feelings and associations have always been of particular interest in poetry, folk art and fiction and are one of the main themes of figurative statements in English and Russian languages.

Key words: proverb, saying, love, perception, association, cultural values, national character, image, folk art, folklore.

УДК 377

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОНЛАЙН-КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «МЕТОДЫ РАБОТЫ С ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОЙ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА»)

Д.А. Фурсова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при проектировании онлайн-курсов повышения квалификации для преподавателей иностранного языка: ограниченный маркетинговый ресурс, приоритет качества образовательного продукта по отношению к скорости производства, высокий уровень компетентности обучающихся. На примере одной из образовательных программ ДПО ФГБОУ ВО МГЛУ предложены способы решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, онлайн-курсы повышения квалификации, непрерывное образование, преподаватели иностранного языка.

Парадигма непрерывного образования (англ. *life-long learning*) определяет развития сегмента дополнительного профессионального образования (ДПО). Исследователи в области андрагогики наблюдают изменение образовательных

запросов, увеличение спроса на образовательные продукты [5; 6]. Следует, однако, отметить, в отличие от сфер бизнеса или государственного менеджмента, программы дополнительного образования в области образования не являются новым явлением. Цель данного исследования – рассмотреть проблемы проектирования онлайн-курсов для преподавателей иностранного языка. Объектом исследования стала программа дополнительного профессионального образования «Методы работы с иноязычной лексикой: вчера, сегодня, завтра», разработанная лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО МГЛУ в русле концепций обучающей виртуальной среды [3; 7] и профессионально ориентированного программирования [2; 8].

Разработка программ повышения квалификации для педагогов, а также презентация подобных образовательных продуктов на рынке ДПО является ответственной и непростой задачей. Во-первых, требования целевой аудитории всегда выше, чем на основных программах высшего профессионального образования, что обусловлено компетентностью обучающегося в данной сфере. Это, в свою очередь, детерминирует необходимость привлечения к разработке онлайн-курсов специалистов, обладающих высоким уровнем компетентности в конкретной сфере.

Несмотря на то что профессорско-преподавательский состав образовательного учреждения обязан проходить повышение квалификации регулярно, это не гарантирует выбор целевой аудиторией конкретного онлайн-курса. На наш взгляд, существует ряд факторов, так или иначе детерминирующих привлекательность онлайн-курса, наиболее важными из которых мы считаем наличие маркетингового ресурса и скорость производства новых образовательных продуктов.

Зачастую государственные вузы не обладают большим маркетинговым ресурсом, что значительно ослабляет их позиции на рынке ДПО – интерфейс онлайн-курса, репрезентация и технологии его продвижения в цифровом пространстве – все это становится дополнительной нагрузкой для разработчика онлайн-курса. Решением данной проблемы в данном случае является объединение в работе над онлайн-курсом преподавателей с различными навыками и компетенциями. В случае с программой повышения квалификации «Методы работы с иноязычной лексикой: вчера, сегодня, завтра», на примере которой мы строим наше исследование, к работе были привлечены специалисты, обладающие компетенциями в области лингвистики (цифровой лингвистики), лингводидактики, педагогики, психологии и культурологии.

Что касается скорости производства новых образовательных продуктов, то следует отметить, что для университета скорость всегда является вторичным фактором по сравнению с качеством и фундаментальностью образовательного контента. Это означает, что онлайн-курсы повышения квалификации, разработанные высшим учебным заведением, всегда будут работать с более «элитной» (в профессиональном смысле) аудиторией – и именно этот сегмент

лаборатория фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования считает своей нишей.

Некоторые исследователи отмечают необходимость создавать более вариативные программы [1]. Не оспаривая данного мнения, считаем необходимым подчеркнуть, что вариативность должна основываться на фундаментальном базисе.

Совпадение в профессиональной сфере имеет ряд дополнительных преимуществ для нашей целевой аудитории: формируется профессиональное сообщество, вовлеченное в исследования и научные мероприятия, инициированные лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования или дружественными структурами.

Разрабатывая программу повышения квалификации «Методы работы с иноязычной лексикой: вчера, сегодня, завтра», мы ориентировались на широкую аудиторию преподавателей иностранного языка – представителей учреждений среднего, среднего профессионального и высшего профессионального образования. Однако анализируя контингент, зачисленный на данную программу за 2023-2024 учебный год, мы отметили, что в большей степени он представлен преподавателями высших учебных заведений. Мы объясняем данную тенденцию тем, что большая часть школьных учителей фокусируется на более узких темах, таких как подготовка обучающихся к ЕГЭ или олимпиадам по иностранному языку. Кроме того, школьные учителя зачастую ищут скорее прикладной материал, в формате мастер-класса, тогда как образовательный запрос преподавателей высших учебных заведений почти всегда связан с фундаментальной теоретической базой.

Программа повышения квалификации «Методы работы с иноязычной лексикой: вчера, сегодня, завтра» является полностью дистанционной. Данный формат позволяет сочетать индивидуальную работу в образовательном цифровом пространстве с групповой очной работой в формате семинаров [4].

Программа представлена теоретическим и практическим модулями. В теоретический модуль входят три лекционных занятия, а также материалы для самодиагностики – тесты, вопросы к семинару. Темы, рассматриваемые в рамках лекционных занятий, затрагивают не только непосредственно лингводидактическую область (например, *Обучение лексике в отечественной и зарубежной лингводидактике*), но и смежные – нейрофизиологическую (*Исследования памяти, представляющие интерес для преподавателя иностранного языка*) и мнемотехнику (*Мнемонические приёмы в обучении иноязычной лексике*). Мы обратили внимание, что у преподавателей, специализирующихся в области теории перевода, а также преподавателей, работающих в аспирантуре, первая лекция обычно вызывает положительный отклик и не вызывает существенных затруднений. Преподаватели, работающие с обучающимися уровня бакалавриата, а также те, кто специализируется в сфере лингводидактики, часто отмечают, что первая лекция вызывает сложности.

Лекционный материал, посвященный психофизиологии памяти, обычно воспринимается с большим интересом. Мы объясняем это следующими факторами: во-первых, далеко не все педагогические вузы уделяют внимание психофизиологии обучения иностранным языкам; во-вторых, мы постарались собрать самые актуальные данные об исследованиях памяти.

Практический модуль представлен семинарскими занятиями, в ходе которых происходит обсуждение пройденного теоретического материала, а также презентация проекта – методической разработки на основе изученного теоретического материала. В ходе обсуждения различных мнемотехник, мы со слушателями пришли к выводу, что наблюдается определенная закономерность в выборе той или иной мнемотехники. Так, например, аспиранты и обучающиеся по техническим направлениям предпочитают классические таблицы или ментальные карты, если они не слишком развернутые; предпочитают работать с лексикой индивидуально. Обучающиеся бакалавриата, напротив, стремятся максимально применять современные технологии: используют различные приложения, рисуют развернутые ментальные карты, избегают таблиц; с удовольствием работают онлайн в команде. Особо хочется отметить наблюдение коллег из ГИТИСа, которые рассказали о фонетических основаниях для запоминания у обучающихся по направлению «Актерское мастерство». Важно, что такие семинарские занятия больше подходят на камерный круглый стол и часто дают коллегам пищу для размышлений и вдохновение для научно-исследовательской работы или методической. Многие наши слушатели отмечали, что из проекта, который они подготавливали в процессе обучения, в дальнейшем выросли научные публикации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что рассматриваемая модель образовательной программы – сочетание самостоятельной работы в онлайн-пространстве с групповой встречей в режиме видеоконференцсвязи – является оптимальной. Комбинация лингводидактических тем со смежными темами из области нейропсихологии и психофизиологии также зарекомендовала себя как достаточно успешное методическое решение. При проектировании онлайн-курсов повышения квалификации для преподавателей иностранного языка, разработчики сталкиваются с рядом вызовов, таких как ограниченность маркетингового и материального ресурса, а также высокий уровень компетентности обучающихся. Таким образом, решение задачи повышенной сложности становится своего рода повышением квалификации для самих разработчиков. С другой стороны, каждому педагогу необходимо быть в роли обучающегося, в том числе для того, чтобы расширить профессиональные границы, раскрыть собственный творческий потенциал. Качественные онлайн-курсы повышения квалификации становятся таким профессиональным образовательным пространством, которое способствует профессиональному и личностному развитию педагогов.

Список литературы

1. *Бобешко Е.В.* Проблемы и перспективы развития отечественного дополнительного профессионального образования // *NovaInfo*. № 54. С. 209–214.
2. *Горожанов А.И.* Автоматизация процесса обучения иностранному языку: от элементарных программ для ЭВМ до электронных учебников. Краснодар: ИП Акелян Нарине Самадовна, 2013. 148 с. EDN RONPVJ.
3. *Горожанов А.И.* Подготовка будущих преподавателей иностранного языка к работе в условиях обучающей виртуальной среды (на примере учебного пособия) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2024. № 1(850). С. 38–43. EDN MXVJJG.
4. *Демина Д.А.* Очное обучение онлайн // *Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции, Москва, 28–30 октября 2020 года*. М.: МГЛУ, 2020. С. 348–352. EDN OWOOUA.
5. *Оринина Л.В.* Специфика современной Российской андрагогики в меняющихся социокультурных условиях // *Наука и образование: новое время*. 2018. № 2(25). С. 406–410. EDN UOZTXZ.
6. *Штанько М.А., Морозова С.М.* Андрагогика в России: новые акценты // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. № 4(61). С. 288–292. DOI 10.25683/VOLBI.2022.61.416.
7. *Gorozhanov A.I.* Institutional Educational Virtual Environment for Linguistic Purposes: Theory and Practice. Казань: Бук, 2019. 184 p. EDN ZSBXTF.
8. *Gorozhanov A.I., Guseynova I.A.* Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula // *Training, Language and Culture*. 2020. Vol. 4. №. 4. P. 23–38. DOI 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38. EDN ENGZZF.

PECULIARITIES OF DESIGNING ADVANCED PROFESSIONAL COURSES FOR FOREIGN LANGUAGE TEACHERS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE PROGRAM “METHODS OF WORKING WITH FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW”)

D.A. Fursova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article covers the issues of designing advanced training online courses for foreign language teachers: limited marketing resources, priority of the quality of the educational product in relation to the speed of production, high level of competence of students. Using the example of one of the continuing education programs, the author proposes the ways to solve the problems discussed.

Key words: additional professional education, advanced training online courses, continuing education, foreign language teachers.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ

М.М. Цатурян, М.А. Саркисян

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению проблем пополнения политической лексики за счёт словообразовательных инноваций. В статье подчеркивается, что в языке политической коммуникации особое место уделяется подбору слов и выражений. Поскольку в условиях демократического социального устройства вопросы власти открыто обсуждаются, и решение целого ряда политических проблем зависит от того, насколько адекватно эти проблемы будут интерпретированы языком.

Ключевые слова: политическая коммуникация, язык политики, словообразование и новообразование.

В связи с интенсивным развитием политических технологий, в средствах массовой информации возрастает роль политической деятельности, что способствует повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации. Поскольку в современном обществе возрастает значимость политической коммуникации, вопрос о современном состоянии языка политики остаётся быть актуальным в научных исследованиях (О.Л. Михалёва [5], В.В. Катермина [3], А.В. Зиньковская [2], Е.И. Шейгал [6] и др.). В работах Е.И. Шейгал мы находим определение политического дискурса: «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [6, с. 9]. Интерес к изучению политического дискурса привел к появлению нового направления в языкознании – политической лингвистики. Австрийский лингвист Р. Водак утверждает, что «политический язык находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Поэтому политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [1, с. 49].

Язык политики рассматривается лингвистами как политическая языковая подсистема, обладающая определёнными функциями, в том числе идеологическими и манипулятивными, политическим тезаурусом, сопровождающим политический акт в политической обстановке. Язык политических текстов не тождественен обыденному языку, причем специфика его заключается не столько в использовании каких-либо особенных формальных средств, сколько в таком изменении соотношения между

означаемым и означающим, при котором единицы хорошо знакомого языка получают несколько иную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации подводятся под другие категории. Выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования политической действительности. Совокупность приёмов, обуславливающих применение языковых средств является словотворчеством.

Словосложение как тип словообразования представляет собой слияние двух или более основ для образования нового слова. Для английских сложных слов наиболее частотными являются образования, состоящие из двух основ.

В языке английских и американских политиков появилось большое количество имен существительных, образованных по конверсии способом словосложения из сочетаний глагола и наречия, так например: spin-off – дополнительный доход; stay-in – пикетирование; ride-in – протест против дискриминации в отношении проезда афро-американцев в транспорте; apply-in – требование равных возможностей при найме на работу; recite-in – конкурс декламаторов; lobby-in – конференция по политическим вопросам; take-over – захват власти; push-over – легко преодолимое препятствие; lay-out – человек, потерявший работу; build-up – накопление военных сил. Это связано со стремлением к номинализации глаголов для придания им более абстрактного значения. Номинализация также позволяет управлять процессом понимания, так как дает говорящему возможность выводить из обсуждения некоторых участников действия, оставляя при этом тех, кто необходим в данном речевом акте. Так, например: “But the prime minister stressed the build-up did not mean Nato was planning for a ground invasion.” [<https://inosmi.ru/20220325/politika-253542241.html>] – «Но премьер-министр подчеркнул, что наращивание сил не означает, что НАТО планирует наземное вторжение».

Сложные слова часто используются для названий реалий, свойственных данной стране, и для их понимания необходимо знание экстралингвистических факторов, например: agroterrorism – агротерроризм; blowback – неблагоприятные результаты политических выступлений; transhumanism – трансгуманизм; fight-back – принятие контрмер, отпор; sit-down protest – сидячий протест; shut-down – ликвидация предприятия, закрытие организации. Так, например: “...300 demonstrators quickly won City council support against the shut downs.” [<https://inosmi.ru/20220325/politika-253542241.html>] – «...300 демонстрантов быстро добились поддержки городского совета против закрытия предприятий».

Хотелось бы отметить сложные слова, возникшие из синтаксических словосочетаний, например has-been. Оно возникло для обозначения политического деятеля, потерявшего свой вес в политике (a political has-been), а в настоящее время употребляется шире для обозначения вышедших из употребления товаров. Или, например, know-how означает и умение, и опыт, и практику, и знание и т. д.

Е.С. Кубрякова, в исследованиях метафоры, важное внимание уделяет изучению «блендинга», который понимается как своего рода «смешивание»,

«слияние» двух концептов, образующих метафору [4, с. 186], например: ObamaMania, Obamamentum, Obmanomics, O-phoria and Obamalot. Или, например: “The charismatic Illinois senator is drawing big crowds at campaign rallies in a phenomenon known as Obamamania.” [https://inosmi.ru/20220325/politika-253542241.html] – «Харизматичный сенатор от Иллинойса собирает большие толпы людей на предвыборные митинги, создавая явление, известное как Обамамания».

Аффиксация, образование новых слов с помощью суффиксов и префиксов, также часто применяется в языке английских и американских политиков. Например, суффикс -ship в политической лексике в сочетании с морфемой -man образует отвлеченные имена существительные со значением качества, признака: craftsmanship – искусство воздействия на массы; oneupmanship – стремление быть первым; showmanship – умение показать товар лицом, пустить пыль в глаза; statesmanship – мудрость государственного деятеля. Или, например: “While they were sickened by the flamboyant showmanship of the previous prime minister, Binyamin Netanyahu, they found Mr Barak to be reclusive and uncommunicative” [https://inosmi.ru/20220325/politika-253542241.html]. – «Хотя им было противно яркое зрелище предыдущего премьер-министра Биньямина Нетаньяху, они сочли г-на Барака замкнутым и необщительным». Образование новых слов при помощи префиксов и их частое использование также характерно для политического языка. За последнее время появилось много слов с префиксом non-: non-presidential – непрезидентский, non-candidate forum – неандидатский форум, non-starter – нестартовый, non-governmental organizations – неправительственные организации.

Проведённый анализ показал, что появление новых слов в языке политики зачастую связан с особенностями самого политического дискурса, дискурса предвыборной кампании, в частности. В работе исследуются активные способы словообразования политических словесных знаков, классифицируются самые продуктивные словообразовательные элементы.

Список литературы

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 2004. 139 с.
2. Зиньковская А.В., Волошина Е.В. Особенности русскоязычных заимствований в английском общественно-политическом тексте // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 37–41.
3. Катермина В.В. Давыдова А.А. Имя собственное в различных типах дискурса (на материале английских неологизмов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С.83–89.

4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 144–238.

5. Михалёва О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state2> (дата обращения 04.08.2024).

6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2003. 326 с.

7. INOSMI [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://inosmi.ru/20220325/politika-253542241.html> (дата обращения: 16.02.2024)

WORD-FORMATION MODELS OF POLITICAL LANGUAGE

M.M. Tsaturyan, M.A. Sarkisyan

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to considering the problems of replenishing political vocabulary through word-formation innovations. The article emphasizes that in the language of political communication a special place is given to the selection of words and expressions. Because in a democratic social system, issues of power are openly discussed, and the solution to a number of political problems depends on how adequately these problems are interpreted in language.

Key words: political communication, political language, word formation and new formation.

УДК 81'42

КОНЦЕПТ «БОГ»/“GOD” В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЭП ЛИРИКЕ

Е.С. Червякова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья исследует как зарубежные и отечественные рэп исполнитель изображает бога в своих текстах, какие идеи ценности они черпают из него, также как и это соотносится с их личными убеждениями. В статье рассматривается концепт, с учетом особенностей восприятия и интерпретации у различных концептоносителей, а также его роль в формировании ценностных ориентаций в рэп музыке. Анализируется каким образом концепт «Бог» отражается в текстах песен и какие значения и символику он несет для исполнителей и их аудитории; каково его влияние на восприятие в различных музыкальных традициях.

Ключевые слова: жанр, концепт, Бог, рэп лирика, семантическая модель.

Согласно Д.С. Лихачеву «Концепты есть мысленные образования, которые замещают нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода... У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, которым и определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений» (www.lihachev.ru).

Концепты играют ключевую роль в нашем понимании мира и организации знаний. Изучение концептов и взаимосвязи в рамках концептосферы является важным аспектом лингвистики, а также имеет фундаментальное значение для понимания когнитивных процессов.

Образ Бога в сознании людей прошёл значительный путь становления и концепт «Бог» является базовым культурным концептом, на основе которого формировалось сознание русского человека, что показывает, что русские вкладывают в понятие нечто иное, чем американцы или европейцы (www.vvsu.ru). Интерес музыкантов к религиозной тематике проявился ещё во времена позднего СССР. В песнях советской поры боги фигурировали редко, что вполне ожидаемо для атеистического государства. Поначалу он находил свое отражение в песнях рок музыкантов. Характерно, что на западе в рок-музыке все заметнее в то время проявлялись не христианские, а окультные устремления. Однако, отражение христианской тематики нашло свое воплощение не только в роке, но и во восстановлении древнерусской певческой храмовой культуры, и в появлении православного хип-хопа.

Концепция Бога часто присутствует в различных формах и жанрах искусства, включая рэп музыку. В рэпе Бог может быть изображен как символ веры, справедливости, мудрости или даже как критика религиозных институтов. Рэперы могут использовать образ для выражения своих мыслей о религии, морали, политики и социальных вопросов. Некоторые рэперы обращаются к библейским образам Бога, используя его как источник вдохновения или морального авторитета. Другие рэперы могут критиковать религиозные учреждения или выражать свои сомнения в существование высшей силы. У А.А. Цихова (ака Смоки Мо) и К.А. Толмацкого (ака Децл) Бог выступает в текстах как источник силы и поддержки в трудные времена.

Смоки Мо «Бог любит всех людей»:

Бог любит всех людей:

И меня, и тебя

И больших, и малышей

Примет всех любя (genius.com).

Децл «Бог есть»:

Я перехожу из этого мира в иной

И только бог со мной, сопровождаемый верой...

Бог есть

Вне сомнения.

Ты знаешь сам, что

Он внутри тебя.

Запомни, брат

Твоё оружие – вера (genius.com).

При этом Бог выступает у К. Толмацкого, как карающий, но справедливый, а не только как поддержка («За свет луч во тьме спасибо тебе. Бог, дай сил мне. Я верю, что Бог есть. Боюсь, что меня коснётся его месть за каждый грех...»)(genius.com).

Интересно также отметить что рэп музыка часто отражает разнообразие культуры верований, поэтому образ Бога может быть представлен через призму различных реалий и философии, от христианство до ислама и других духовных учений. Концепт является сложным и многогранным явлением. Концепт «Бог» в исследуемых языках во многом схож и общим является то, что Бог – это Всевышний, Всемогущий Творец; Властитель человеческих судеб, Судья и Защитник. Подобное можно проследить в текстах В.М. Вакуленко (ака Баста) и А.В. Меньшикова(ака Лигалайз).

Баста «Хочешь жить»:

Мы старше стали, кулаки крепче стали только Бог знает какими мы были, какими стали.

У этой медали две стороны или тебя, или ты...(www.basta-aka-noggano.ru).

Лигалайз «Остаться»:

Я понимаю все: Бог судья каждому

И пусть награждает он или накажет пусть

Свой путь у каждого, совесть укажет нам...(genius.com).

Концепт «Бог» в английской лингвокультуре является константным и характеризуется определённым набором характерных свойств: предметность, субъективность, целостность, категориальность и пр. (cyberleninka.ru). В английской лингвокультуре это всесильное и верховодящее существо, которое обладает всей полнотой власти над человеком. Однако, тут просматриваются противоречия, ведь, с одной стороны Бог конкретизирован и персонифицирован, тогда как с другой стороны он выступает в качестве продукта людского воображения. Тем не менее, можно говорить о том, что в обеих лингвокультурах превалирует традиционно позитивное отношение к Богу, как к всемогущим существу, создателю, высшему разуму и созидательной силе, что можно проследить через паремии в русском и английском языке. К примеру, где Господь пшеницу сеет, там чёрт – плевелы или Бог с рожью, а чёрт с костром. «Молись Богу – от него победа. Бог наш генерал, он нас и водит», как сказал великий русский полководец А.В. Суворов. Среди английских пословиц и поговорок можно выделить такие как *Where there is peace, God is. God gives his anger by weight, but his pity without measure. "We may ignore, but we can nowhere evade the presence of God. The world is crowded with Him. He walks everywhere incognito"* – слова известного британского писателя и теолога К.С. Льюиса.

Можно говорить о том, что в русском и английском языке есть репрезентация уважительного отношения к Богу и веры в него. Специфика

концепта объективируется через несовпадение признаков. В русском языке активнее вербализируется признак судья, правитель, в английском – создатель, творец. Поскольку каждая нация объективирует наиболее значительные признаки, то, чем больше из них входит в структуру национальных концептов, тем заметнее разница между лингвокультурами (cyberleninka.ru).

Отношение к Богу в Америке является многообразным и комплексным, поскольку США являются многоконфессиональным обществом, существует разнообразие уровней религиозной активности. Большинство американцев исповедуют христианство, но также существуют значительные сообщества ислама, иудаизма, а также растущий процент тех, кто определяет себя как нерелигиозные или атеисты. Религиозные традиции играют важную роль в культуре и общественной жизни Америки, создавая постоянные общественные дискуссии на тему разделения церкви и государства, свободе вероисповедания.

Рэп является одним из наиболее эффективных жанров для передачи определённой информации слушателю. Вследствие чего исполнители могут влиять на религиозные убеждения своих фанатов. В большинстве проанализированных текстов Бог выступает не как высший разум, а сами американские рэперы сравнивают себя с Творцом. Для некоторых из них назвать себя Богом не означает богохульство, а лишь то, что лучше них в определённой сфере никого нет. Так, к примеру, в песне Rap God исполнителя М.Б. Мэтерса (aka Eminem) он намекает на то, что он ведущий в индустрии, ещё с 1998 г. И с высокой скоростью зачитывает строчки “I am beginning’ to feel like a rap God, rap God. All my people from the front to the back nod, back nod...” (genius.com). Примечательно, что данная песня занесена в книгу рекордов Гиннеса, как песня с самым большим количеством слов.

Другой, не менее известный рэп исполнитель Америки Канье Уэст, который любит сравнивать себя с Мессией, и даже собирался переименовать себя в Иисуса, нередко обращается в своих текстах к Богу и духовному. В частности, песни Jesus walks, в которой К. Уэст раскрывает свои сложные чувства по отношению к религии и Творцу. Мы можем это увидеть в строчках “God show me the way because the devil’s tryna break me down... I wanna talk to God, but I am afraid because we ain’t spoke in so long” (genius.com).

Подобная песня воспринимается многими как гимн или госпел, направляющий людей к вере. Сама песня написана от имени наркоторговца, который рассказывает о своих взаимоотношениях с Богом, а также подспудно критикует отношения СМИ к вопросам религии и вероисповедания:

Radio needs this

They say you can rap about anything except for Jesus

That means guns, lie, videotape

But if I talk about God, my record won’t get played, huh?” (genius.com).

Даже некоторые звукозаписывающие компании отказались от данного трека, считая, что это отходит от традиционного хип-хопа и не будет иметь успеха. Вопреки прогнозам песня получила признание критиков за открытое принятие веры, несмотря на светскость музыкальной индустрии и была

номинирована на множестве наград, включая номинацию Уэста как лучшего госпел исполнителя, хотя он не работает в этом жанре. Таким образом можно говорить не только о том, что рэп исполнители выражают свое отношение к Богу или провозглашают себя таковым, но и влияют на всю индустрию в целом. Тот же самый трек *Jesus walks* объединяет религию и мейнстримную рэп музыку. Начиная с 2004 г. Хип-хоп стал ближе к жанру госпел и начал использоваться при служении в церкви, тем самым привлекая в неё и молодёжь.

В свою очередь рэп исполнитель К. Ламар в песне *God* отходит от религиозных мотивов и сравнивает себя с Богом. Строчка “*this was God feel like*” звучит рефреном, определяя тем самым значимый эпизод в жизни певца, когда он, наконец, находит Бога, но в себе, поскольку благословлен, при этом К. Ламар в тексте продолжает хвастаться своими грехами, в частности гордыней (“*everything I touch is a gold mine. Everything I say is from an angel*” (genius.com)), что явно не символизируют христианские добродетели. Подобное использование концепта является более распространённым для молодых западных рэп исполнителей, хвастающихся своими значительными и не очень достижениями. Подобное смешение возвышенного и низменного не позволяет говорить о серьезном отношении автора к религии или его религиозности или христианской идентичности.

Анализ текстов рэп исполнителей России и Запада позволил выделить компоненты, представляющие семантическую модель «Бог». В русской языковой картине мира это: 1) стоящий над всем, творец 2) власть, всемогущее существо 3) моральный судья 4) хранитель и помощник. Проанализировав творчество западных исполнителей можно выделить такие компоненты представляющие концепт «Бог» как: 1) моральная ценность 2) стоящий на всем 3) власть и сила 4) помощь и защита.

Концепт скрывает за собой всю сложность и всё обилие словарного смысла, облегчает общение с помощью языка. Каждый концепт, в сущности может быть по-разному расшифрован, в зависимости от культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя (www.lhachev.ru). Итак, концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый и личный опыт человека, пользующегося концептом. Таким образом можно говорить о том, что исследование концепта «Бог» показало, что несмотря на широкое распространение этого концепта в рэп лирике, его интерпретация и понимание различаются в культурах, с учётом контекстуальных, культурных и социальных факторов. Концепт «Бог» является универсальным и в тоже время многообразным явлением, отражающим разнообразие верований, философских взглядов и культурных традиций.

Источники

Баста. Хочешь жить [электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://www.basta-aka-noggano.ru/text_hochesh_jit.html (дата обращения: 29.06.2024).

Децл. Бог есть [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://genius.com/Detsl-aka-le-truk-theres-a-god-lyrics> (дата обращения: 29.06.2024).

Калькова О.К. Концепт Бог в русской языковой картине мира (основные компоненты) [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://www.vvsu.ru/files/05EB07B0-359C-471F-95E8-C2E4EF67D6F6.pdf> (дата обращения: 29.06.2024).

Лигалайз. Остаться [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://genius.com/Ligalize-should-stay-lyrics> (дата обращения: 29.06.2024).

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка [электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdumia_o_gos/026.Pdf (дата обращения: 29.06.2024).

Передрюенко Т.Ю. [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-oppozitsionnyh-kontseptov-god-i-devil-v-angliyskoj-lingvokulture/viewer> (дата обращения: 29.06.2024).

Смоки Мо. Бог любит все людей [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://genius.com/Smoky-mo-god-loves-all-people-lyrics> (дата обращения: 29.06.2024).

Eminem. Rap God [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://genius.com/Eminem-rap-god-lyrics> (дата обращения: 29.06.2024).

Lamar K. God [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://genius.com/Kendrick-lamar-god-lyrics> (дата обращения: 29.06.2024).

West K. Jesus Walks [электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://genius.com/Kanye-west-jesus-walks-lyrics> (дата обращения: 29.06.2024).

THE CONCEPT «БОГ» / “GOD” IN FOREIGN AND RUSSIAN RAP LYRICS

E.S. Chervyakova

Kuban State University, Krasnodar

This article researches how foreign and Russian rap artists portray God in their lyrics, what ideas of value they draw from him, and how this relates to their personal beliefs. The article examines the concept, taking into account the peculiarities of perception and interpretation of various concept carriers, as well as its role in the formation of value orientations in rap music. It analyzes how the concept “God” is reflected in the lyrics and what meanings and symbolism it carries for performers and their audience; what is its influence on perception in various musical traditions.

Key words: genre, concept, God, rap lyrics, semantic model.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ: МЕТАФОРА И ЭПИТЕТ***В.В. Чумак****Кубанский государственный университет, Краснодар*

В данной статье рассматривается проблематика выражения иронии различными лингвистическими средствами в пьесе Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным». Автор исследует некоторые ключевые аспекты, уделяя внимание мнению отечественных ученых. Текст произведения расцвечен большим количеством примеров иронии, выраженных не только метафорами и эпитетами, но и другими стилистическими приемами. Английский драматург намеренно вкладывает в речи своих персонажей витиеватые фразы не только в форме единичных высказываний, но и в последовательных диалогах.

Ключевые слова: ирония, средство выражения, метафора, эпитет, российские ученые.

Стилистический прием, указывающий на противоположное мнение говорящего, называется иронией. Ирония – многоуровневое явление, включающее разные векторы научных знаний: исторических, философских, культурологических, лингвистических и других. Ирония привлекает не только писателей использовать ее в своих произведениях, но и читателей находить интерес в текстах иронического содержания. Цель данной статьи выявить примеры использования иронии, а именно метафору и эпитет в пьесе Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным». Практическая значимость может быть отражена в создании учебных пособий в процессе изучения курса стилистики. Кроме того, согласимся с данным мнением. «Опыт применения классических традиций и инноваций позволяет сделать следующие выводы: их умелое сочетание дает положительные результаты в преподавании иностранного языка; несмотря на стремительное развитие современных технологий, думается, нецелесообразно отказываться от проверенных временем эффективных методик; обучение иностранному языку в высшей школе способствует подготовке высококлассных специалистов, способных ставить и решать задачи на локальном, региональном и федеральном уровне» [10, 262].

Ирония зародилась в Древней Греции. Платон, Сократ, Аристотель являлись истинными мастерами иронии. Риторический прием использовался для противоположного от реального описания суждений.

Следует привести определение В. Даля из Толкового словаря, книги, созданной более полутора века назад, но до сих пор не теряющей своей востребованности и популярности – «ирония – речь, смысл или значение которой противоположно буквальному смыслу слов» [8], а также подчеркнем, что «ирония является трансформацией суждения» [6, с. 205].

Отметим, что «ирония может создаваться средствами разных языковых уровней, среди которых выделяются лексический, текстовый, стилистический, грамматический, морфологический, семантические уровни» [4, с. 52]. Каждый из этих уровней может потенциально быть разработан и оформлен с примерами для дальнейшего изучения феномена иронии в литературных произведениях или в некоторых видах дискурса.

Примеры для рассматриваемой проблематики были взяты из произведения Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным». Оскар Уайлд – известный поэт и писатель Ирландии, выпускник Оксфорда, заслуженно считающийся мастером слова, литературные произведения которого оправданно считаются шедеврами английской литературы. Пьеса, написанная в 1895 году, отражает талант писателя в драматургии. Отточенные диалоги, остроумные реплики героев являют неординарный ум писателя.

Пьеса начинается лаконичным описанием самого произведения – «Легкомысленная комедия для серьезных людей». Данная фраза напрямую указывает на характерный сюжет и льстиво повышает самооценку читателя. В данном примере иронический смысл выражен эпитетом.

Кроме этого приведем слова известного знатока литературы К.И. Чуковского о пьесе. «В пьесе все персонажи сходны с автором, что за беда: это для них должно быть лестно! Ибо автор – многогранный, яркий, необычайно красивый мыслитель, тонкий артист, почти художник, почти поэт, сильный диалектик – верный сын своей эпохи, и походить на него не так уж плохо» [9, с. 115].

Стоит также отметить внимание писателя к именам собственным. В самом названии уже заложена игра слов. «Имена собственные в произведениях изящной словесности (поэтонимы) сегодня все чаще привлекают внимание специалистов-филологов. Причина понятна: в мини-контексте художественного произведения или метаконтексте всего наследия писателя они выполняют особую концептуально-характеристическую: индивидуализирующую и типизирующую, – социально-психологическую, философско-идеологическую, эстетическую, стилистическую и иные функции, связанные с конкретным авторским заданием» [2, с. 127]. Например, имя одной из главных героинь Гвендолен связано с именем богини Луны и плодородия, окутано мистикой, связано с природой, высокой духовностью, в кельтской культуре данное имя носили представительницы высших слоев населения и власти. Имя Сесили связано с покровительницей музыкантов и певцов. Эрнест – серьезность, честь, благородство. Алджернон – имя имеет древнее происхождение, его носили представители власти, знати. Джек – английской имя настолько распространенное, что им именовались любые лица мужского пола. Можно сделать вывод, что большинство героев в пьесе обладают незаурядными, оригинальными именами, а герой по имени Джек меняет свое простое имя на более оригинальное Эрнест.

Метафора – это часто употребляемое в литературных произведениях экспрессивное средство. Приведем некоторые определения метафоры.

«Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [1, с. 177-178]. «Ироническая метафора, сочетающая субъективную индивидуальность и общедоступную универсальность послания, способна в полной мере выполнять прагматическую функцию языка, направленную на достижение определенного перлокутивного эффекта, а именно эстетично, но эмоционально и динамично «вскрывать» суть реальной действительности» [3, с. 118]. Приведем некоторые примеры иронии.

1) *Леди Брэкнелл (хмурясь): Надеюсь, ты передумаешь, Алджернон. Это расстроит мне весь стол. Ведь твоему дядюшке придется обедать у себя. К счастью, он уже к этому привык.*

2) *Джек. Я люблю Гвендолен. Я и в город вернулся, чтобы сделать ей предложение.*

Алджернон. Ты же говорил – чтобы развлечься... А ведь это дело.

Джек. В тебе нет ни капли романтики.

3) *Алджернон. А! Что толку рассуждать о разводах. Разводы совершаются на небесах.*

Эпитет – образное определение, отражающее в рассматриваемом случае иронический смысл высказываний говорящих. Есть смысл в рамках данного исследования говорить и о метафорическом эпитете – образном средстве выражения, имеющим переносное значение. Иронический эпитет – одна из иронических форм выражения мысли с усиленным положительным / отрицательным эффектом.

1) *Джек. ... Почему этот сервис? Почему сэндвичи с огурцами? К чему такая расточительность у столь молодого человека? Кого ты ждешь к чаю?*

2) *Алджернон. Если музыка хорошая – ее никто не слушает, а если плохая – невозможно вести разговор.*

3) *Алджернон. И симпатичные у вас там соседи, в Шропшире?*

Джек. Невыносимые. Я никогда с ними не разговариваю.

Алджернон. Да, этим ты им, конечно, доставляешь большое развлечение.

4) *Джек (назидательно). Мой дорогой Алджи! Безнравственная французская драма насаждает эту теорию уже полвека.*

Алджернон. Да, и счастливая английская семья усвоила ее за четверть века.

5) *Алджернон. Не нахожу никакой романтики в предложении. Быть влюбленным – это действительно романтично. Но предложить руку и сердце? Предложение могут принять. Да обычно и принимают. Тогда прощай все очарование. Суть романтики в неопределенности. Если мне суждено жениться, я, конечно, постараюсь позабыть, что я женат.*

Джек. Ну, в этом я не сомневаюсь, дружище. Бракоразводный суд был создан специально для людей с плохой памятью.

Текст произведения расцвечен большим количеством примеров иронии, выраженных не только метафорами и эпитетами, но и другими стилистическими приемами. Автор намеренно вкладывает в речи своих персонажей витиеватые фразы, не только единичные высказывания, но и последовательные диалоги, что также является заслуживающим внимание приемом выражения иронии.

Ирония в текстах литературных произведений представляет собой один из ключевых моментов в читательском интересе. Средства выражения иронии, в данном случае – метафора и эпитет – обогащают текст, делают его более насыщенным с точки зрения стилистики. В некоторых случаях ценность произведения может оцениваться и с темпоральной точки зрения. Если до сих пор данное произведение привлекает внимание как ученых-лингвистов, так и простых читателей-не филологов, значит в нем заключен особый смысл.

Список литературы

1. *Глазунова О.И.* Логика метафорических преобразований. СПб.: СПбГУ, 2000. 190 с.

2. *Катермина В.В.* Имя собственное в зеркале художественного текста (на материале русского и английского языков) // Эпос. 2023. Т. 9. № 9/2. С. 27–146.

3. *Рябова И.Ю.* Ироническая метафора как одно из имманентных средств описания эпохи в художественном произведении (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций) // Политическая лингвистика. 2017. №3. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironicheskaya-metafora-kak-odno-iz-immanentnyh-sredstv-opisaniya-epohi-v-hudozhestvennom-proizvedenii-na-primere-romana-l-n-tolstogo-anna> (дата обращения: 29.07.2024).

4. *Сухих Д.А.* Ирония и сарказм в научном дискурсе французских комиксов // Ученые записки Ульяновского гос. ун-та. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2020. С. 48–52.

6. *Чумак В.В.* Систематизация определений иронии // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 203–207.

8. slovardalja.ru [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://slovardalja.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).

9. *Чуковский К.И.* Оскар Уайльд и его пьеса «Как важно быть серьезным» // Собрание сочинений в 15 т. Т. 11. М.: «Терра – Книжный клуб», 2001 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://poperechny.net/analiz->

proizvedenii/chukovskiy-oscar-wilde-i-ego-pesa-kak-vazhno-byt-sereznyim.html
(дата обращения: 29.07.2024).

10. Хитарова Т.А. Сравнительный анализ традиционных методов и новых технологий преподавания иностранного языка в неязыковом вузе // Качество современных образовательных услуг – основа конкурентоспособности вуза. Краснодар: КубГАУ, 2016. С. 260–262.

Источники

Оскар Уайльд «Как важно быть серьезным» [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: lib.ru (дата обращения: 20.10.2023).

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ

V.V. Chumak

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the problems of expressing irony by various linguistic means in Oscar Wilde's play "The importance of being Ernest". The author explores some key aspects, paying attention to the opinion of Russian scientists. The text is illuminated by a large number of irony examples, expressed not only by metaphors and epithets, but also by other stylistic techniques. The English playwright deliberately puts ornate phrases into the speeches of his characters, not only in the form of single statements, but also in consecutive dialogues.

Key words: irony, means of expression, metaphor, epithet, Russian scientists.

УДК 81'42

ИНСТРУМЕНТЫ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОПАГАНДИСТСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Н.А. Шмигельская

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена инструментам реализации речевой манипуляции в политическом пропагандистском медиадискурсе. В статье рассматривается феномен манипуляции с разных точек зрения, выделяются его типы и приводятся языковые манипулятивные средства на фонографическом, лексическом, грамматическом и текстовом уровнях. Политический пропагандистский медиадискурс реализуется с помощью речевой манипуляции с целью влияния на сознание и поведение реципиента.

Ключевые слова: манипуляция, речевая манипуляция, манипулятивное воздействие, политический дискурс, медиадискурс, политический пропагандистский медиадискурс.

В настоящее время вырос интерес к проблеме манипулирования сознанием человека, так как глобальная политическая обстановка указывает на то, что львиная доля мирового населения не может прийти к какому-либо политическому выбору, опираясь на собственное мнение из-за недостаточной осведомленности и отсутствия политической насмотренности.

Иначе говоря, большая часть общества делает политический выбор «на эмоциональном уровне, на основе сложившегося соотношения симпатии и антипатии, степени доверия и недоверия к конкретным лидерам и организациям», а не на обоснованной оценке политических движений, выступлений или решений лидеров [3, с. 73].

Немаловажную роль в осуществлении влияния на мнение и поведение человека в политическом дискурсе играют средства массовой информации (СМИ), так как в современном мире значительную часть сведений или новостей реципиент получает именно из медиaprостранства. Очевидным является и тот факт, что не всегда сообщения, содержащиеся в таких источниках являются правдивыми, а даже наоборот, свидетельствуют об искажении реальности.

Уточним, что воздействие на аудиторию может осуществляться прямо, через открытое убеждение (дискуссии в СМИ, дебаты на выборах и пр.) и косвенно/скрыто в подтекстовой или манипулятивной форме, тем самым влияя на подсознание реципиента. Однако не следует совмещать оба понятия, так как манипуляция, к примеру, может рассматриваться в качестве формы убеждения, но совершенно от него отличаться [5].

Существенное различие этих понятий заключается в том, что при манипуляции адресат никак не может ей противостоять в отличие от убеждения, где он имеет возможность делать выбор в пользу принятия или непринятия навязанных ему идей. В результате манипулятивного воздействия «адресат не понимает истинных намерений манипулятора, последствий тех действий, к которым его побуждают, а также не обладает достаточными знаниями, чтобы противостоять манипуляции» [5, с. 206].

Так, исследования проблемы реализации манипуляции в политическом пропагандистском медиадискурсе являются актуальными и направлены не только на теоретический, но и прикладной уровень.

Для того, чтобы понять, какими языковыми средствами реализуются методы воздействия на адресата в данном дискурсе, необходимо, на наш взгляд, обратиться к самому феномену манипуляции. Широкий спектр подходов к определению данного понятия свидетельствует о его сложности и многогранности.

Нидерландский ученый Т. ван Дейк предлагает рассматривать дискурсивную манипуляцию с помощью мультидисциплинарного подхода. Согласно исследователю, она представляется как:

- социальный феномен, так как подразумевает взаимодействие и злоупотребление властью между группами и социальными субъектами;
- когнитивный феномен, так как влияет на сознание коммуникантов;

– дискурсивно-семиотический феномен, потому что осуществляется посредством вербальных и невербальных средств [7].

подавляющая часть исследователей считает, что манипуляции свойственно отношение к коммуниканту не как к самостоятельной личности, а как к специфическому объекту, «посредством использования которого достигаются, как правило, скрывающиеся цели манипулятора, реализуются его интересы и удовлетворяются собственные потребности без учета интересов, воли и желаний другой стороны – человека, выступающего в качестве объекта манипуляций» [3, с. 74].

В.И. Карасик под манипуляциями понимает «различного рода уловки в дискурсе, имеющие целью обманом путем убедить адресата встать на позиции отправителя речи несмотря на несостоятельность фактического и/или логического обоснования вопроса» [2, с. 66].

Как отмечает В.И. Карасик, говорящий не должен раскрывать манипулятивную цель своих высказываний, иначе произойдет «иллюзивное самоубийство», то есть сообщение потеряет свою первоначальную суть [2, с. 66].

Таким образом, манипуляция направлена на создание у аудитории иллюзии свободы выбора, самостоятельности выполняемых действий и пр.

Следовательно, под манипуляцией мы рассматриваем эмоционально-психологическое воздействие, направленное на стимулирование и побуждение реципиента к совершению каких-либо действий с помощью скрытого и искусного внедрения адресантом определенных установок и целей в сознание адресата.

Существуют такие типы дискурса, для которых манипуляция является основой их реализации. В нашем случае таковым является политический пропагандистский медиадискурс.

Как следствие, целью пропагандистских дискурсивных практик является побуждение адресата к соответствующим политически мотивированным действиям, а также такое управление его сознанием, формирование картины мира и его поведения, где нет альтернативной точки зрения [1].

Так, политический пропагандистский медиадискурс – это не просто воздействующий, а манипулятивный тип дискурса, так как подавляет рациональное восприятие информации. Кроме того, он является важным инструментом контроля политического информирования массовой аудитории.

Следовательно, в языке появляется функция, которая направлена на управление поведением масс и манипулирование их сознанием. Данная функция реализуется с помощью речевой манипуляции, под которой следует понимать применение скрытых языковых ресурсов «с целью влияния на когнитивную и поведенческую деятельность человека» [5, с. 205].

В связи с тем, что ключевым фактором манипулятивного воздействия является целенаправленное преобразование информации для уклонения от истины со стороны автора, то в таком случае каждое сообщение

характеризуется тем или иным типом манипулирования, среди которых выделяются:

1) референциальное (фактологическое и фокусировочное) – искажение образа денотата;

2) аргументативное (нарушение логики текста; отсутствие необходимости в приведении доказательств; «маскировка логических ходов», приведение ложных аргументов) [6, с. 235].

Языковая реализация референциального манипулирования зависит от степени искажения образа денотата/референта – на уровне всего события (ситуации или факта политической жизни) или на уровне элементов события (участников, действий, их причин и следствий возникновения и пр.). В лингвистическом плане искажение образа денотата достигается путем управления пропозициями в пределах текста, его фрагмента или отдельного высказывания. Если денотат – элемент события, то искажение осуществляется с помощью управления фреймами в границах отдельных слов и словосочетаний [6].

Фактологическое манипулирование как подвид референциального служит для дискредитации оппонента с целью понижения его политического статуса. Такая дискредитация формируется с упором на ложь и искажение/подтасовку фактов.

Среди приемов подтасовки фактов Е.И. Шейгал в диссертации «Семиотика политического дискурса» приводит следующие:

- прием ложного следа или подмена референции;
- неаргументированное обобщение;
- буквализм или сужение объема референции для прикрытия недопустимых действий со стороны власти [6].

Политический дискурс сам по себе реализуется в результате борьбы между оппонентами, поэтому диалогу политических соперников свойственно речевое опровержение или вербальная реакция на фактологическое манипулирование. Такой процесс можно назвать «констатацией факта лжи», которая может осуществляться как прямо, так и косвенно [6, с. 239].

Среди прямых средств выделяются в основном лексические единицы с семантическим полем недостоверности (это ложь, клевета и пр.), а также маркеры лжи (якобы, так называемый и пр.). К косвенным относятся такие компоненты, как опровергающее отрицание; ирония недостоверной информации; обращение к прецедентной ситуации; намек-обвинение как ответный удар; описание реакции реципиента [6].

Кроме того, фактологическое манипулирование осуществляется как в рамках целого текста (дебатов, интервью и пр.), так и отдельного высказывания, но суть одна – искажение информации.

Что касается фокусировочного манипулирования, то оно направлено на частичное искажение информации и реализуется посредством таких явлений, как эвфемизация и дисфемизация.

Таким образом, манипулирование в политическом дискурсе завязано на факторе истинности/ложности, так как приоритетным моментом в нем является борьба за власть. Целью политической лжи является введение аудитории в заблуждение, манипулируя ее сознанием.

Речевая манипуляция, а именно ее лингвистические приемы, организуется как вербальными, так и невербальными средствами.

К.В. Никитина в автореферате к диссертации утверждает, что языковые манипулятивные средства должны подразделяться на классы в соответствии с принадлежащим им языковым уровням. Так, она предложила выделить инструменты речевой манипуляции (ИРМ) на фонографическом, лексическом, грамматическом и текстовом уровнях [4].

На фонографическом уровне автор утверждает, что ИРМ реализуются в письменной речи с помощью фоносемантических средств (аллитерация, ритмизация и пр.), знаков препинания и метаграфических средств (выделение шрифтом и т.д.) [4].

Все средства на фонографическом уровне подразделяются на те, которые:

- имеют аналоги в письменной и устной речи;
- не имеют аналогов в письменной речи;
- не имеют аналогов в устной речи [4].

«Последние две группы ИРМ могут компенсироваться за счет вербальных средств, знаков препинания и метаграфемыки», то есть взаимозаменяться или компенсироваться за счет друг друга [4, с. 10].

На лексическом уровне в зависимости от того, какой аспект языковой единицы задействован в осуществлении речевой манипуляции, ИРМ можно разделить на лексико-семантические, лексико-синтаксические, лексико-прагматические [4].

К лексико-семантическим относятся те единицы, которые основаны на взаимосвязи между словом и его предметно-понятийным содержанием. Среди таких можно выделить уточнения, конверсивы, лексико-стилистические средства (метафора, метонимия и пр.), квантификаторы (генерализация и неопределенность) и др. [4].

Лексико-синтаксические инструменты характеризуются определенными отношениями языковых знаков между собой. К данной группе относятся «слова с особыми семантическими отношениями (синонимы, антонимы, геперонимы)», различные комбинаторные изменения фразеологизмов, клише и т.п., что приносит в фразу эффект неожиданности [4, с. 10].

Лексико-прагматические инструменты включают в себя отношение автора к объекту. К ним относятся слова с эмотивной, экспрессивной, идеологической и иными коннотациями, эвфемизмы и дисфемизмы, пейоративы и т.д. [4].

На грамматическом уровне инструменты речевой манипуляции определяются морфологически и синтаксически. Употребление определенных форм и времен глагола, артиклей и других морфологических средств становится хорошим манипулятивным инструментом в сообщениях политического пропагандистского

медиадискурса. Синтаксические средства включают в себя такие конструкции, как эллипсис, инверсию и др.

Кроме того, ИРМ раскрываются на текстовом уровне, так как текст позволяет показать замысел адресанта и выявить набор манипулятивных средств, задействованных в нем. На данном уровне среди таких средств приоритетными являются: пресуппозиция, ирония, комментарии и пр.

Кроме того, воздействие может усиливаться с помощью невербальных средств в совокупности с экстралингвистическими условиями, такими как свойства адресанта (статус, характер, обаяние и пр.) и особенности адресата (степень внушаемости).

Более того, полный эффект воздействия на реципиента возможен, когда автор сообщения применяет конкретные языковые явления, которые включены в определенные манипулятивные стратегии (поляризация, дискредитация и пр.).

Итак, каждому тексту присуще наличие манипулятивности, то есть непрямого воздействия на сознание массового адресата с целью изменения его картины мира. Такие тексты характеризуются определенными лингвистическими маркерами, с помощью которых осуществляется влияние на реципиента.

Исходя из вышесказанного, информационная политическая среда развивается молниеносными темпами, а за ней увеличивается и властный потенциал медиадискурса, то есть он превращается в идеологический механизм, который оказывает существенное воздействие на политическое сознание и поведение реципиента.

Применение инструментов речевого манипулирования в рамках политического пропагандистского медиадискурса свидетельствует об эффективности их реализации.

Список литературы

1. *Егошкина В.А.* Государственный политический пропагандистский медиадискурс: речевая и манипулятивная специфика // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). С. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.138.90>.
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. *Михалева О.Л.* Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
4. *Никитина К.В.* Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дис. ... канд. филол. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2006. 23 с.
5. *Озюменко В.И.* Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203–220.

6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2000. 440 с.

7. Dijk T. A. Van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17. (2). P. 359–383.

INSTRUMENTS OF SPEECH MANIPULATION IN THE POLITICAL PROPAGANDA MEDIA DISCOURSE

N.A. Shmigelskaya

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the instruments of speech manipulation in the political propaganda media discourse. The phenomenon of manipulation is considered from various perspectives, its types are defined and the manipulative linguistic means on the phonographic, lexical, grammatical and textual levels are provided. The political propaganda media discourse is realised with the help of speech manipulation to influence the recipient's consciousness and behaviour.

Key words: manipulation, speech manipulation, manipulative influence, political discourse, media discourse, political propaganda media discourse.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреас Екатерина Алексеевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: andreas.ekaterina@mail.ru

Бирюкова Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: biriukova.polina@mail.ru

Володина Дарья Евгеньевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: dariavolodina99@yandex.ru

Вульфович Борис Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: justb8888@gmail.com

Горожанов Алексей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка, заведующий лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета; e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

Гусева Светлана Эдуардовна – соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: konsyelo1986@gmail.com

Драгомирова Екатерина Авенировна – студентка 4-го курса направления «Педагогическое образование» факультета РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: k_dragomiroff@mail.ru

Земскова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского Государственного Университета, e-mail: nzemkrasnodar@rambler.ru

Зиньковская Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anastassiat@rambler.ru

Иванцова Татьяна Александровна – магистрантка 2-го курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: tatoshi.kkk@mail.ru

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: katermina_v@mail.ru

Козлова Наталья Васильевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: natalia_kozlova11@mail.ru

Красикова Елизавета Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: krasikova.liza@mail.ru

Лимарева Татьяна Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: tatiana.limareva@yandex.ru

Липириди София Христофоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com

Мартиросян Константин Генрикович – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова; e-mail: konsta78@mail.ru

Муса Саида Руслановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: SaidaP@mail.ru

Оломская Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: olomnat@mail.ru

Писарик Оксана Ивановна – младший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета; e-mail: ksyfrolova93@gmail.com

Погодаева Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sapogodaeva@mail.ru

Прима Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: abarminsk@mail.ru

Ремизова Полина Юрьевна – независимый исследователь; e-mail: polina.remizova.01@mail.ru

Самойлова Антонина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: antina@inbox.ru

Сахно Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, email: annasakhno2013@gmail.com

Саркисян Мариам Ашотовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; ts.m-smile@mail.ru

Свиридова Татьяна Николаевна – аспирант кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: autumn.86@mail.ru

Соколова Виктория Леонидовна – преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: viviso.1602@gmail.com

Спачиль Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: spachil.olga0@gmail.com

Степанова Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи факультета английского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: daryastepanova79@gmail.com

Токарев Григорий Валериевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; e-mail: grig72@mail.ru

Фивейская Ольга Дмитриевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: Olga.olfive@yandex.ru

Фурсова Дарья Аветисовна – кандидат культурологии, заместитель директора центра поддержки инклюзивного образования Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования; e-mail: da_fursova@mail.ru

Цатурян Марина Мартиросовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; tsaturyan.mm@mail.ru

Червякова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lenkin_666@mail.ru

Чумак Василий Васильевич – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: chumak-vas2019@mail.ru

Шершнева Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, декан факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета, заведующая кафедрой теории и практики перевода; e-mail: nataliashershneva@rambler.ru

Шмигельская Надежда Александровна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук Кубанского государственного университета; e-mail: nad.shmigelskaya@icloud.com

Юрова Елизавета Андреевна – магистрантка 2-го курса РГФ Кубанского государственного университета, ассистент кафедры английской филологии; e-mail: elizabeth1999fedorova@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Андреас Е.А.</i> Английские неологизмы академического дискурса: аксиологический аспект.....	4
<i>Володина Д.Е.</i> Урбанистический неологический дискурс как лингвокультурное пространство.....	7
<i>Вульфович Б.Г.</i> Нулевой комментарий: как зарождается сетевой конфликт.....	13
<i>Горожанов А.И.</i> Презентация персоналий в актуальных текстах «Шпигель» и «Франкфуртер Фльгемайне Цайтунг» (корпусный анализ).....	19
<i>Зиньковская А.В., Бирюкова П.С., Драгоморова Е.А.</i> Инклюзивное образование: классификация понятий.....	23
<i>Катермина В.В., Свиридова Т.Н.</i> Метафорические неологизмы в англоязычном финансовом дискурсе.....	28
<i>Катермина В.В., Гусева С.Э.</i> Неологизмы цифрового англоязычного дискурса компьютерных технологий.....	33
<i>Козлова Н.В.</i> Неологизмы и их классификация (на примере англоязычных неологизмов книжного медийного дискурса).....	40
<i>Красикова Е.А.</i> Роль корпусного менеджера в анализе употребления имен собственных в текстах электронных СМИ (на примере англоязычного корпуса CNN).....	45
<i>Лимарева Т.Ф.</i> Формирование фонетических навыков у будущих учителей английского языка.....	49
<i>Липтириди С.Х.</i> Неологизмы в современной английской медицинской терминологии.....	53
<i>Мартиросян К.Г.</i> Гендерная проблематика и художественные средства её выражения в творчестве А.П. Чехова.....	59
<i>Муса С.Р.</i> Способы дешифровки майкопской плиты – древнейшего литературного памятника, обнаруженного на территории Адыгеи.....	69
<i>Оломская Н.Н., Юрова Е.А.</i> Манипулятивный аспект сгенерированных нейросетью фейковых новостей о выборах.....	72
<i>Писарик О.И.</i> Оценка контекстов локаций художественного произведения (на примере текста романа Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего»).....	77
<i>Погодаева С.А., Иванцова Т.А.</i> Аллюзия как стилистический приём в стихотворном тексте.....	81
<i>Прима А.М., Шершнева Н.Б.</i> Женские архетипические образы в рассказе М. Этвуд “Moral disorder”.....	90
<i>Самойлова А.В.</i> Реминисценция как способ построения темпоральной плоскости художественного произведения.....	97
<i>Самойлова А.В., Ремизова П.Ю.</i> Реализация лингвострановедческого аспекта в обучении иноязычной монологической	

речи.....	103
<i>Сахно А.А.</i> Функциональная репрезентация ольфакции.....	113
<i>Соколова В.Л.</i> Ономастикон в современной французской художественной литературе (на примере романа Л. Слимани «Страна других»): корпусный аспект.....	117
<i>Спачиль О.В.</i> Арарат в воспоминаниях кубанских казаков на рубеже XIX–XX веков.....	121
<i>Спачиль О.В.</i> «Черный монах» А.П. Чехова в переводах на английский язык.....	128
<i>Степанова Д.В.</i> Презентация существительных семантического ряда «традиционные энергоносители» в современных СМИ ФРГ (на материале текстов газеты «Франкфуртер Фльгемайне Цайтунг»).....	136
<i>Токарев Г.В.</i> О региональной лингвистике как новом направлении лингвокультурологии.....	140
<i>Фивейская О.Д., Земскова Н.А.</i> Национальный колорит и восприятие темы любви в английском и русском языках.....	143
<i>Фурсова Д.А.</i> Особенности проектирования онлайн-курсов повышения квалификации для преподавателей иностранного языка (на примере программы «Методы работы с иноязычной лексикой: вчера, сегодня, завтра»).....	148
<i>Цатурян М.М., Саркисян М.А.</i> Словообразовательные модели языка политики.....	153
<i>Червякова Е.С.</i> Концепт «бог» / “god” в зарубежной и отечественной рэп лирике.....	156
<i>Чумак В.В.</i> Средства выражения иронии: метафора и эпитет.....	162
<i>Шмигельская Н.А.</i> Инструменты речевой манипуляции в политическом пропагандистском медиадискурсе.....	166
Сведения об авторах.....	173

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ,
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 13.09.2024. Выход в свет 20.09.2024.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага Maestro. Печать цифровая.

Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 500 экз. Заказ № 5797.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.